

СРЕДИ ПРОКЛЯТЫХ СТЕН

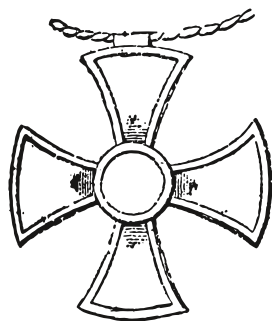
The book cover features a stylized illustration of a person's face, primarily the eyes and nose, rendered in a dark, almost black, ink-like style. The person has dark, curly hair and is looking directly at the viewer with intense, light-colored eyes. The face is framed by jagged, torn edges, suggesting a break through a wall or a barrier. The background is a warm, orange-brown color with a repeating floral or damask pattern. The overall mood is mysterious and intense.

ЛОРЕН БЛЭКВУД

Перевод Светланы Дороховой

Young
Adult

МИОО

Red Violet. Темный ретеллинг

Лорен Блэквуд

Среди
проклятых стен

Перевод с английского Светланы Дороховой

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2022

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445.13
Б70

Original Title:
Within These Wicked Walls
by Lauren Blackwood

На русском языке публикуется впервые

Блэквуд, Лорен

Б70 Среди проклятых стен / Лорен Блэквуд ; пер. с англ. С. Дороховой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. — 384 с. — (Red Violet. Темный ретеллинг).

ISBN 978-5-00195-709-6

Андромеда — экзорцистка, которую учили очищать дома от Сглаза. Вот только наставник прогнал ее, не выдав лицензию, и теперь ее шансы найти хорошее место в приличном доме ничтожно малы. Когда молодой наследник Магнус Рочестер предлагает девушке работу, она без раздумий соглашается. Андромеда и не подозревает, что проклятие, наложенное на дом и его хозяина, гораздо страшнее, чем она предполагала...

УДК 82-312.9
ББК 84(7Coe)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-709-6

© 2021 by Lauren Blackwood. All rights reserved.
Published by arrangement with the author and her literary agents, Triada US Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

*Посвящается моим родителям, которые никогда
не переставали верить в меня*

Глава 1

Меня опалило изнуряющим зноем, точно внезапно вспыхнувшим костром, как только я ступила из-под брезентового укрытия запряженной мулом повозки на горячий песок. Я крепче прижала к себе сумку, щурясь от заходящего солнца. Потоки жаркого воздуха образовывали иллюзии на песке. Порой они принимали облик ряби на воде. Временами — змей, стремящихся скрыться под камнем. Или афарского каравана, везущего куски соли, добытой в недрах пустыни, для продажи на базаре.

Тем не менее все это являлось не чем иным, как жестокой насмешкой пустыни. Ведь ничего подобного здесь не было. Лишь я, торговец, который подвез меня из города, и та каменная громада, возвышающаяся вдалеке, — мой новый дом.

Вьющиеся кудри облепили мне виски и шею; я выудила из кармана мокрую купюру, но торговец вскинул руку, словно я протягивала ему паука:

— Не нужно платы.

— Это в знак благодарности, — настаивала я.

Надо было держать рот на замке. Эта повозка оказалась настоящим спасением после того, как в шести других меня

категорически отказались везти. Простой деревянный настил поддерживали два крепких колеса сзади и потный запряженный мул спереди. Места внутри вполне хватало, чтобы я могла свернуться калачиком и спокойно лежать, хоть и приходилось делить ее с торговцем и его глиняными горшками со специями. А еще у нее имелся брезентовый навес, скрывающий нас в тени. *Брезентовый навес!* И все же это были мои последние деньги, пока мне не заплатили за новую работу. Даже если и отдать их торговцу, то он в лучшем случае просто высадит меня ближе ко входу.

Однако торговец, благослови его Бог, оказался непреклонен: замахал вскинутой рукой, прогоняя меня. «Да помилует Господь твою душу», — произнес он и резким щелчком хлыста пустил мула вскачь. Повозка, разбрасывая колесами песок, развернулась и понеслась обратно тем же долгим путем, каким мы прибыли сюда через пустыню.

Частички поднятого ей облака пыли осели на каждом потном участке моей кожи. Я слизала с губ соль — на зубах скрипнул песок.

Но меня это не беспокоило. Внутри меня тоже был песок, потому я уже не замечала его. А вот мой наниматель вряд ли оценит подобный внешний вид.

Оставалось надеяться на его снисходительность. Мне нужна была эта работа. *Очень*. Я не могла припомнить, когда в последний раз нормально ела. В основном набивала живот песком — обманывала таким образом свой разум, заставляя его думать, будто я сыта. Работа же должна была предоставить мне жилье и еду. А также будущих постоянных клиентов, которые обеспечат меня заработком на всю оставшуюся жизнь.

Но не стоит забегать вперед.

Подождав какое-то время, чтобы убедиться, что торговец не вернется, я распахнула ворот платья, вынула

спрятанный там амулет и осмотрела его на предмет повреждений. Тонкий коптский крест из чистейшего серебра, выплавленный жаром моей паяльной ручки, по краям обвивали разноцветные нити. Каждая линия спайки и изгиб, каждый цветной ряд служили преградой от Воплощений Сглаза. Даже небольшой дефект мог испортить всю конструкцию и нарушить эффективность защиты. Это был первый созданный мною амулет — и единственный, поскольку Джембер ни за что не позволил бы мне тратить драгоценный металл на несколько попыток.

Не говоря уже о том, что такое количество серебра могло кормить не один месяц при должной экономии.

Я снова спрятала амулет под платьем, поправив воротник так, чтобы металлическую цепочку не было видно.

Этому принципу выживания Джембер научил меня в пятилетнем возрасте: *«Защищай свой амулет лучше, чем он — тебя»*.

Оставшиеся три мили до замка я сначала стряхивала с себя пыль одним из своих чистых платьев, а затем разглядывала само здание. Оно было словно из сказки: коричневый камень, местами неровно сточенный песчаными бурями; парапеты, где некогда, возможно, возвышались древние императоры; резные окна со стеклами. Знаю, что подобные замки встречались на более травянистых территориях, но тут? Кому захочется быть повелителем самой жаркой на свете пустыни?

Одни странники называли ее диковиной. Другие — преисподней. Второе определение было более точным — с точки зрения температуры. Однако выглядела она божественно. Соль и железо покрывали пустынную землю желто-ржавой коркой, наполняя ее магией. Но даже такое чудо не могло заставить путников отправиться этим путем. Больше нет.

И все благодаря Сглазу.

Поговаривали, будто Сглаз стал первым Воплощением греха, а именно зависти и алчности. Находясь в постоянном страстном стремлении, он цеплялся к любому, кто хотел того же. Богатый урожай, полоса везения, даже обилие комплиментов — все могло привлечь нежелательное внимание.

Однако материальные блага, особенно огромное богатство, казалось, были худшим преступлением. Большинство клиентов, которых мы с Джембером встречали, жаждали заполучить домой множество красивых вещей. Или же, как в случае мужчины, к которому я сейчас направлялась, иметь денег больше, чем полагалось человеку.

Неважно, что проклятие ограничивалось лишь стенами замка, что пустыня была совершенно безопасной, если знаешь, как ее пересечь. Когда дело касается Сглаза, лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Вечерело, солнце последний раз выглянуло из-за горизонта, прежде чем отойти ко сну, когда я наконец добралась до замка. Я уже подняла было кулак, чтобы постучать в дверь, но затем взялась за висевшую сбоку веревку, покрытую коркой песка. Раздавшийся внутри зловещий звук колокола возвестил о моем прибытии.

Ждать пришлось секунд тридцать, возможно меньше, — моим ноющим от усталости ногам не терпелось поскорее оторваться от земли и опуститься на нормальную постель. Лишь звук шагов удержал меня от того, чтобы еще раз дернуть за веревку. Дверь отворилась, и порыв холодного воздуха окатил меня, словно ледяная вода из ведра. Я вздрогнула и крепко сжала амулет на шее, едва не усомнившись в его способности защитить меня от того, что находилось внутри.

Белая женщина с седеющими волосами и насупленными бровями внимательно изучала меня из-за маленьких очков в проволочной оправе. На ней был шерстяной свитер и длинная тяжелая юбка — весьма странный наряд для дома и уж тем более для пустыни. Бледное лицо и руки, точно выщербины на темной стене, выделялись на фоне ее серой одежды и каменной передней за спиной.

Она выгнула брови, ее взгляд чересчур долго задержался на моем лице, но глаз не коснулся. *Шрам.* Я потерла щеку, будто пытаюсь унять внезапный зуд, желая убрать с кожи длинную отметину. Я всегда забывала о ней, пока не встречала какого-нибудь незнакомца, который принимался рассматривать меня так, словно у меня имелся третий глаз.

— Андромеда, я полагаю?

Я сразу определила, что она не местная. Амхарский язык давался ей тяжело — она запинаясь в самых неподходящих местах.

Если только она не специально выплевывала слова в мой адрес как проклятие.

Я слегка поклонилась, стараясь не слишком покачиваться на обессилевших ногах.

— Да.

— Экзорцист?

Экзорцист. Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза при упоминании этого термина. Он был каким-то расплывчатым, ограниченным. Мы, дэбтеры, проводили богослужения с помощью гимнов и песнопений, а также выполняли все обязанности священнослужителей, не пользуясь ни духовным саном, ни уважением. Мы были целителями. Ремесленниками. Обученными проникать в мир духов глубже, чем кто-либо осмеливался. Хотя учитывая цели моего нанимателя...

— Верно. *Экзорцист.*

Женщина закусила губу.

— Ты выглядишь весьма юной.

— Так и есть, — согласилась я, но добавлять ничего не стала.

— Это работа не для ребенка.

— Вы хотели бы взглянуть на мои документы?

Я твердо выдержала скептический взгляд женщины, а про себя молилась, чтобы она не попросила их. В девятнадцать лет человек, согласно закону, считался совершеннолетним. Достаточно взрослым, чтобы жить на улице и каждый день голодать. Но, по моему опыту, недостаточно взрослым, чтобы старшее поколение воспринимало его всерьез. Чем меньше она меня разглядывала, тем лучше.

— Хм... ты довольно худенькая, — заключила она, как будто этот факт был важен и уместен. Она открыла дверь шире, и я ступила внутрь ледяного замка, подавив желание потереть дрожащие руки.

— Впрочем, дебтера более благородного вида не слишком-то нам помогла.

Значит, ей все-таки был известен мой настоящий титул, хотя она и произнесла его странно, так что я не сразу узнала слово: *деб-ТАЙР-а*, с ударением на второй слог вместо первого.

Женщина захлопнула за нами дверь, и я непроизвольно огляделась по сторонам в поисках другого выхода.

— Меня зовут Пегги, я экономка мистера Рочестера. Мистер Рочестер будет настаивать на том, чтобы ты называла меня Пегги, хотя это неприлично — я старше тебя. Нет, деточка, не разубайся. Здесь никогда не знаешь, куда наступишь.

Я встала на одну ногу, натягивая на другую обратно сандалию; обжигающий холод пронзил мою руку, когда я оперлась на стену. Камень на ощупь был ледяным.

Видимо, присутствие злых духов охлаждало помещение, но никогда я не чувствовала этого так остро.

Пегги повела меня через тусклый, залитый светом свечей коридор; затянутые пленкой окна лишь немного позволяли видеть в свете заходящего солнца. Я потеряла руки и сжала ладонью серебряный амулет на шее. Обычно при увеличении поблизости числа Воплощений — физического доказательства Сглаза — он мягко пульсировал, но никогда это не происходило так часто, как сейчас. Я буквально ощущала передвижения Воплощений по высокому затененному потолку — они походили на стаю устроившихся на ночлег летучих мышей, разлетавшихся прочь от пульсации.

— В нашем распоряжении всего несколько часов, чтобы ты могла освоиться до наступления комендантского часа, — сообщила Пегги, ведя меня вверх по лестнице. Я замедлила шаг, поравнявшись с ней. — Пробуждение начинается ровно в 22:00, и к этому времени все должны запереться в своих комнатах. Без исключений. В противном случае тебе поможет только Бог.

Полагаю, мысль о проклятом доме могла испугать любого, кто не знает, как очистить его, но мне ни разу не доводилось видеть Воплощение, которое могло бы устоять даже против слабейшего из моих амулетов.

— Лучше всего со своей работой я как раз справляюсь поздно вечером. Определить Сглаз проще, когда видишь его в действии.

Пегги опустила подбородок, воззрившись на меня поверх очков.

— Говоришь, ты уже делала это раньше?

— Много раз.

С комнатами. Но не с целым домом, и уж тем более не с замком. Однако кто знает, когда я смогу — если вообще

смогу — получить еще одно предложение о работе, тем более без удостоверения дебтеры. Так что небольшая ложь была вполне оправданна.

— Ну, этот вопрос ты можешь обсудить с мистером Рочестером. А до тех пор не стоит строить из себя знатную даму и устанавливать собственные правила. — Она открыла дверь в нескольких футах от лестницы. — Это твоя комната. На самом деле тебе следовало бы жить внизу, вместе со слугами, но мистер Рочестер пожелал, чтобы ты находилась с ним на одной площадке. Комната маленькая, но у тебя, по всей видимости, с собой не много вещей.

Женщина, которая работала на мужчину, чей дом подвергся Сглазу, находилась не в том положении, чтобы осуждать бедную девушку и отсутствие у нее какого-либо имущества... Но спорить с ней не имело смысла. У меня теперь будет крыша над головой. Будет еда. А Джембер больше не прикажет красть для него наркотики.

Я сделала глубокий вдох, отгоняя прочь воспоминания.
«Тебе грех жаловаться, Анди. Ты в безопасности».

— Спасибо, — поблагодарила я и вошла в комнату.

— Ужин будет подан через час, — сказала она, разглядывая мое простое рыжее платье. — Надеюсь, у тебя есть что-то более приличное?

В попытке скрыть смущение я сделала вид, будтоправляю сумку. Ох уж этот безумный, глупый торговец.

Она издала короткий звук, похожий на смешок, и без слов удалилась, оставив меня одну.

Глава 2

Стоящая в углу бочка с водой, по всей видимости, была наполнена недавно, потому что я с легкостью разбила образовавшийся на поверхности тонкий слой льда дном ведра и, наполнив его, повесила над огнем греться. Затем отыскала в комод у кровати кусок ткани и принялась тереться им, пока вода из обжигающей не сделалась холодной. Я так долго не чувствовала себя чистой, что практически забыла: под всем этим песком было тело. Капелькой масла, которое выменяла на прошлой неделе, я увлажнила свои кудри и темную раскрасневшуюся кожу, а потом заплела волосы в две аккуратные французские косы, пустив их по плечам. Ничего *более приличного* из одежды у меня не было, зато имелось платье, не пропитанное потом и не выпачканное песком. Этого будет достаточно.

В комнате находилось зеркало в полный рост; я так давно не смотрела на себя, что при виде своего отражения немного расстроилась. Мое лицо ничуть не стало лучше: губы казались слишком большими для крохотного подбородка, который, в свою очередь, был слишком круглым для тонкого носа, а тот никогда не смотрелся ровным

между не совсем пухлыми и не совсем высокими скулами. Но хуже всего выглядел слегка выпуклый шрам на лице — уродливый порез на верхней губе, тянувшийся вдоль всей щеки. Это была не намеренная демонстрация красоты с помощью шрамирования, а явное последствие жестокой ошибки.

Я была похожа на невзрачную, бесформенную куклу. Но по крайней мере больше не выглядела бездомной. Меньше всего мне хотелось, чтобы мистер Рочестер думал, будто притащил меня прямо с улицы.

Если в комнате и висели часы, то я их не искала: за долгие годы почасовой оплаты за свою работу, пусть и в большей степени выполняемой совместно с Джембером, я сумела настроить *внутренние* часы, которые теперь отлично мне служили. Так что за десять минут до истечения данного мне времени я спустилась вниз в поисках столовой.

В каждой комнате горело по камину, однако ни света, ни тепла не ощущалось. Я никогда не видела в столь нарядно украшенном доме почти полное отсутствие... цвета. Здесь встречались и ковры, и подушки, и корзины, и гобелены, сотканые в традиционных зеленых, желтых и красных цветах. Но все они выглядели безжизненными, потускневшими от солнца и времени. Прекрасные изделия ручной работы сочетались со стенами и мебелью, которые, казалось, принадлежали другому миру. Изобилие золота, филиграни и орнаментов, чрезмерно плотные узоры, которые не оставляли места для воздуха. Не говоря уже о том, что все в комнатах выглядело как-то не так. Гобелен на стене висел криво, пара ковров лежала не по центру, мебель располагалась в странных местах... Кто бы ни украшал дом, он явно не заботился о порядке и эстетике комнат.

Главный зал представлял собой большое квадратное помещение; когда в своих блужданиях по дому я добралась до другого конца лестницы, то обнаружила внизу Пегги и еще трех человек — они о чем-то шептались. Один из них, пожилой мужчина с усами, заметил мое приближение и ткнул Пегги локтем, вынуждая остальных взглянуть в мою сторону. Мгновенно разозлившись, я нащупала под платьем нож, но доводы рассудка быстро меня успокоили. Эти люди стояли с Пегги, а значит, скорее всего, работают здесь, как и я.

Было сразу ясно: Пегги — единственная из слуг, кто не работает на улице, поскольку ее лицо имело цвет бетона, в то время как лица остальных светились румянцем от солнца. Я никогда раньше не видела такое количество белых людей в одном месте. Мы, в отличие от других стран, не относились к колониям, поэтому мой опыт ограничивался редкими визитами вполне дружелюбных миссионеров или активистов.

Но, видимо, в этом крылся определенный смысл. Ни один местный не осмелится ступить в дом, на который наложен Сглаз. Наем чужеземцев, незнакомых с проклятием, гарантировал, что работник будет оставаться до тех пор, пока ему хорошо платят.

— Это Андромеда, — сказала Пегги. — Дебтера.

— Наконец-то ты выбрала кого надо. — С этими словами мужчина средних лет с черными волосами и сединой на висках хлопнул Пегги по спине — наверное, слишком сильно, потому что та в ответ сердито шикнула на него.

— Ты про каждую так говорил, Том. — Женщина с ярко-рыжими волосами и необычайно голубыми глазами хмуро покосилась на меня. — Ей, должно быть, не больше шестнадцати.

— Да, но она повидала войну, — возразил мужчина, указав на мой шрам. Я поборола желание закрыть его ладонью.

Мне казалось, что это Пегги предпочитала выбирать наряд под стать своим мрачным манерам, но и трое других слуг были в одежде такой же темно-серой, как и окружавшие нас унылые стены. По правде говоря, такой выбор был обусловлен не столько модой, сколько практичностью: все шерстяные ткани окрашивались в одной бочке. Но они до странности хорошо подходили к этому дому. Словно призраки, облаченные в тени.

— Это Том, — начала представление Пегги. — Он заботится о содержании дома. Это Эмма, мы вместе занимаемся стряпней и починкой вещей. А Эдвард, — старик кивнул мне с легкой улыбкой, его глаза светились добротой, — ухаживает за лошадьми. Уборкой занимаются все. — Она посмотрела на меня в упор. — В том числе и ты.

На самом деле мне платили за то, чтобы я очистила дом от Сглаза, а не от грязи, но этот вопрос придется обсудить с мистером Рочестером.

— Всего четыре человека ухаживают за таким огромным домом?

— Больше никого не осталось, — ответила Эмма.

Повисло угрюмое молчание. Разумеется, спрашивать не было нужды, ответ был очевиден: все остальные слуги ушли. Эмма привалилась к Тому, и тот успокаивающе погладил ее по голове. Эдвард прочистил горло — резкий звук нарушил тишину.

— Почему никто здесь не носит амулетов? — поинтересовалась я.

— Суеверная чушь, — фыркнула Пегги, отмахнувшись от моих слов, как от чего-то омерзительного. — Нас защищает наш Бог.

Я посмотрела на остальных, но они, похоже, намеренно избегали моего взгляда. Тогда я сделала глубокий вдох, стараясь подавить раздражение.

— Мы поклоняемся одному Богу. Он создал врачей, чтобы они назначали лекарства, так же как дебтер, чтобы те изготавливали амулеты.

— Деревенский вздор, — проворчала она, и мне пришлось прикусить язык, дабы не огрызнуться в ответ. Она указала на вход в комнату, где огонь горел ярче, чем в остальных. — Ужин в столовой.

— Удачи, — проговорил Том с ободряющей улыбкой.

— Удачи не существует, — сказала ему Эмма, когда все четверо зашагали прочь по коридору, — в том-то все и дело.

Войдя в столовую, я словно попала на спиритический сеанс: все поверхности здесь, кроме пола, были уставлены свечами. Длинный деревянный стол дополняли вычурно украшенные стулья. Комната была предназначена для званого ужина, тем не менее во главе стола сидел единственный человек в темной рубашке с воротником-стойкой и длинном пиджаке. Должно быть, он услышал, как я вошла, потому что тут же развернулся на стуле. Его белозубая улыбка сияла ярче любой свечи в комнате.

Даже в полумраке я сумела разглядеть, насколько он красив. Тугие кудри коротко подстрижены, особенно по бокам и сзади, и аккуратно выровнены вдоль линии роста волос. Скулы точно гладкий камень, широкий симметричный нос, морщинки от смеха словно боготворят улыбку, которую обрамляют. И если его темно-коричневая кожа при свете дня выглядит столь же ангельски, как и в сиянии свечей, то следующие несколько месяцев, боюсь, мне не пережить.

Он был прекрасен, и мне вдруг подумалось: возможно, для него имеет значение, что я не так привлекательна.

— Андромеда? — Мужчина отложил в сторону несколько свитков и встал. — Добро пожаловать. Проходите, присаживайтесь.

— А остальные присоединятся к нам? — спросила я.

— Надеюсь, вскоре. Но ничего страшного, мы можем начать и без них. — Он указал на стол с дымящимися блюдами. — Вы, наверное, проголодались с дороги.

Я подошла к столу, но в соответствии с приличиями остановилась в нескольких шагах от него. На шее мужчины висел такой же серебряный амулет, как и у меня: тонкий, плоский, с гравировкой и намотанными цветными нитями, которые обычно можно увидеть на универсальном амулете. По крайней мере, он оказался мудрее Пегги.

Так мы стояли несколько долгих секунд, пока его теплая улыбка постепенно не сменилась натянутой и вежливой. Я вдруг осознала, что добропорядочный мужчина не позволит себе просто так прикоснуться к незнакомой женщине. Я протянула руку, и он мягко пожал ее. Я мгновенно шагнула в сторону, заняв оборонительную позицию, мышцы напряглись, когда он... выдвинул передо мной стул. Я слотнула, мое лицо залила краска смущения. *«Ты больше не на улице. Никто не собирается на тебя нападать. Никто не отнимет твои вещи»*. Я быстро села, склонив голову, чтобы он не заметил мой румянец, и позволила ему задвинуть стул. Мне даже удалось не шелохнуться, когда он накинул мне на плечи шерстяное одеяло.

— Сегодня нам придется самим обслуживать себя. — Мужчина — наверняка не кто иной, как мистер Рочестер, — снова занял свое место и поставил передо мной небольшую чашу для мытья рук. Я молча держала над ней ладони, пока он лил на них воду. — Несмотря на размеры дома, слуг здесь мало. Немногие готовы работать на проклятое семейство.

Слуги. У меня даже матери не было. Но я лишь вежливо кивнула, когда он подал мне маленькое полотенчко.

— Я быстро приспосабливаюсь.

— Это хорошо. Никогда не знаешь, что может произойти в этом... О! — На его лице отразилось легкое удивление, а потом появилась та самая ослепительная улыбка, когда я придвинула к нему чашу для омовения. Обычно гости не моют руки хозяевам, но выбора у нас не было. — Спасибо.

Я помогла ему вымыть руки, он вытер их, после чего прочитал молитву перед едой.

— Надеюсь, вы не возражаете, если я спрошу, — проговорил мистер Рочестер. — Почему Джембер прислал вас без рекомендательного письма?

Вопрос был вполне справедливым, но я не могла ответить честно. Джембер вырастил меня, обучил навыкам дебтеры, но в первую очередь выкупил у моих настоящих родителей. Люди, покупавшие детей, не настолько уважали их, чтобы писать письма, призванные восхвалять их умения. А даже если бы он каким-то чудом и смилоstinился, то и тогда не стал бы утруждаться.

— Он был занят и не успел к сроку, — ответила я, стараясь не набивать рот едой. Я не ела два дня, но об этом никто не должен был знать.

— Правда? — Мистер Рочестер некоторое время смотрел на меня, и только тогда я осознала, что с последней своей фразы взяла уже четвертый кусок. «Помедленнее». — Не то чтобы я сомневался в ваших способностях — у вас убедительное резюме. Но я, похоже, не знаю никого, кто был бы знаком с вашей работой.

Он и не мог знать. Стоило только войти в дом, как становилось ясно: мы происходили из совершенно разных социальных кругов. Такие, как он, нанимали людей вроде

Джембера, который был лучшим дебтерой своего поколения, имевших при этом разрешение и поддерживаемых многоуважаемой церковью. А таких, как я, они обходили стороной — церковью непризнанных и этого разрешения не имевших, потому что суровый наставник вышвырнул на улицу раньше, чем успели это разрешение заслужить.

— Посещая клиентов, мы с Джембером бывали во множестве разных деревень. Возможно, вы не знакомы с теми, кто живет далеко.

Он выглядел слегка смущенным.

— Да, разумеется. Я не имел в виду ничего такого. — Он достал из своего портфеля папку и положил передо мной, вынув из нее несколько страниц и поместив их сверху. — Это ваш договор. Не спешите, внимательно ознакомьтесь с ним, прежде чем подписать. Большинство пунктов стандартные: бесплатное жилье и питание, удобства. Я знаю, что обычно вы получаете почасовую оплату, но, полагаю, для нас обоих будет удобнее установить фиксированную еженедельную ставку. А из нестандартных: вы должны будете соблюдать определенный перечень правил.

Он придвинул ко мне пронумерованный список, указав на первую строчку.

— Первые два пункта наиболее важные: не выходить из своей комнаты после десяти часов вечера и обязательно посещать собрания после ужина. Остальные правила менее значимы, но Магнус очень злится, если им не следуют неукоснительно.

По поводу комендантского часа Пегги предупреждала меня, но вот обязательные собрания?

— А кто такой этот Магнус?

— Магнус Рочестер, хозяин этого замка.

— Прошу прощения, сэр. Но разве вы не... — Я откашлялась. — Я думала, хозяин замка — вы.

— О. — Он тихо рассмеялся. — Нет. Простите, я был уверен, что представился. Зовите меня Эсджей. Я доверенное лицо семьи Рочестеров.

— Но где же сам мистер Рочестер?

— Уверен, он скоро спустится к нам. Однако он предпочитает, чтобы его называли Магнусом. Никаких обращений «сэр» и «мадам», согласно правилу двадцать три вашего договора.

Тут сверху лестницы донесся грохот, похожий на звук захлопнувшейся двери, затем я услышала далекий крик.

Эсджей вежливо сложил руки перед собой, сделал глубокий вдох и выдох через нос и улыбнулся мне:

— Похоже, сегодня Магнус к нам не присоединится. Но я с удовольствием обсужу с вами договор и отвечу на любые вопросы, которые... — Раздался еще один громкий звук, на этот раз больше похожий на выстрел из ружья. Эсджей быстро встал, ножки его стула скрипнули по деревянному полу. — Прошу меня простить, я скоро вернусь. — И с этими словами вылетел из комнаты.

Дождавшись, пока его туфли простучат вверх по лестнице, я облизала пальцы и последовала за ним.

Очередной крик вынудил меня замереть на верхней площадке и прислушаться. Пегги и Эсджей стояли в коридоре чуть впереди и говорили через полуприкрытую дверь, в то время как по другую ее сторону им в ответ кто-то кричал. Спор оборвался захлопнувшейся перед их лицами дверью.

Эсджей потрепал Пегги по плечу и обернулся в мою сторону. Казалось, при виде меня он испугался, но потом улыбнулся и направился ко мне.

— Боюсь, сегодня не самый подходящий вечер для деловых разговоров. Почему бы вам не прочитать договор самой, а завтра я приду и мы его обсудим?

— Он всегда такой несдержанный? — поинтересовалась я.

— Он... — Улыбка Эсджея погасла. — Сегодня ему нездоровится. Обычно он бывает в лучшем расположении духа, но иногда проклятие, зло в доме...

— Влияет особо пагубно, — закончила я за него. Такое происходило в каждом доме, который я очищала, — хозяин неизменно чувствовал себя хуже всех.

Он кивнул, затем откашлялся.

— Завтра будет лучше. Так всегда бывает.

— Эсджей? — окликнула я его. Он уже спускался по лестнице, но слегка обернулся на мой голос. — А ружейный выстрел?

Его лицо поникло, и в попытке скрыть это он принялся разглядывать перила лестницы.

— Никто не пострадал.

— И уж поверь мне, дитя, — добавила Пегги, протираясь мимо меня, хотя коридор был достаточно широк, чтобы мы могли спокойно разойтись. — Оружие — не то, о чем здесь стоит беспокоиться.

— Пегги, — тихо, почти умоляюще, одернул ее Эсджей, затем посмотрел на меня. — С таким резюме сомневаюсь, что у вас возникнут какие-либо проблемы. Я вернусь завтра вечером, перед ужином.

— И не смей беспокоить мистера Рочестера сегодня, — рявкнула Пегги, спускаясь по лестнице. В ответ на ее колкость я стиснула кулаки. Я провела в этом замке меньше двух часов и уже ненавидела эту женщину.

Дождавшись, пока эти двое скроются за углом, я подошла к двери и постучала.

До меня донесся вздох раздражения, слышались тяжелые шаги, сопровождаемые тихим позвякиванием, а потом дверь со скрипом приотворилась. Я содрогнулась

от повеявшего изнутри холода, амулет на моей груди мощно запульсировал.

— Пегги, я же сказал тебе, что не голоден, — прорычал голос из-за двери. Мистер Рочестер явно прятался, потому что мне была видна лишь полоска тусклой стены его комнаты.

— Пегги спустилась вниз, — сообщила я. — А я Андромеда.

— Кто?

Я помолчала в замешательстве.

— Вы наняли меня. Чтобы очистить ваш дом от Сглаза.

— От чего?

Неужели он не знает о том, что творится в его доме?

— От потусторонней активности в вашем доме.

— Постой, *кто* ты?

— Андромеда. Нанятая вами дебтера. Сэр, я хотела бы поговорить с вами по поводу комендантского часа...

— Запри дверь в десять часов, если не хочешь быть съеденной заживо. А теперь убирайся прочь. — С этими словами он захлопнул дверь, и я услышала удаляющиеся шаги.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

«Вспомни, где ты была сегодня утром, Анди.

Ты проснулась в стойле со стадом коз. Ты прогнала мерзавца с помощью камня.

По сравнению с этим слегка неадекватный работодатель — ничто».

Я сделала третий и последний вдох и спустилась вниз, чтобы покончить с ужином.

Глава 3

Меня ничуть не заботили предупреждения Пегги и мистера Рочестера. Наибольшую активность Воплощения проявляли как раз ночью, поэтому я не собиралась упустить возможность вычислить их. Получив серебро для создания защитных амулетов, я захотела лучше понять, с чем имею дело.

Без одной минуты десять я вышла в безмолвный коридор и стала ждать. Впрочем, здесь было не совсем тихо: с нижнего этажа поднимались едва разборчивые звуки музыки, приглушенные струны извлекали напряженную и меланхоличную мелодию под стать моему тревожному настроению. Работая с Джембером, я никогда так не нервничала, но, с другой стороны, я редко выполняла все самостоятельно, чаще всего лишь наблюдала. К тому же ожидание всегда было хуже самого Пробуждения.

Узнать наверняка, с каким явлением предстоит бороться, можно было только одним способом — встретиться с ним без защиты. Именно поэтому я, зажав в ладони амулет, быстро прошептала оградительную молитву, после чего повесила его на дверную ручку изнутри комнаты и закрыла дверь.

Раздался странный глубокий звон. Огромные часы напротив лестницы молчали весь вечер, а теперь зывали ко мне звуком, полным ужаса и предостережения. *Три... Четыре...* Каждый следующий удар заглушал эхо предыдущего. *Семь... Восемь...*

Жуткая музыка и колокольный звон сменились завыванием ветра: он обрушился на меня подобно песчаной буре, ударяя то с одной, то с другой стороны. Руки и ноги онемели в считанные секунды, но не настолько, чтобы покалывание ледяных игл, вонзавшихся в меня на огромной скорости, притупилось. Собравшись с силами, я расставила ноги шире и закрыла лицо руками, подол платья хлопал меня по ногам. Сквозь вой ветра до меня доносились удары и скрежет, стоны и скрип деревянных досок.

Пробуждение началось.

Оно было сильнее обычного, что объяснялось серьезностью проклятия. Однако я *замерзала*. Работать было необходимо быстро: определить как можно больше Воплощений, чтобы понимать, какие амулеты потребуются изготовить. В своей голове я уже видела, а руками чувствовала, какие движения паяльной ручкой мне предстоит совершить над серебром. Будто на черную доску высыпали коробку пудры — узоры жизненной силы каждого Воплощения приставали к невидимому клею, создавая четкий рисунок. *Линия, линия, изгиб, линия, пятно, линия.* Точнее сказать, *почти* четкий — теперь их были сотни, они перекрывали друг друга и смешивались. Их было так много, что было трудно отличить одно от другого.

Зато я могу сосредоточиться на каком-то одном Воплощении. Выбрать самое легкое и завтра начать с него. А поскольку все они связаны между собой, то, избавившись от первого, мне будет проще справиться с остальными.

Ветер задул все свечи, и теперь слабый лунный свет, лившийся из окон в конце коридора и внизу, служил единственным источником освещения. Тем не менее я видела смутные тени, похожие на стаи крыс, у подножия лестницы и на потолке первого этажа. Бесчисленные волны маленьких темных существ растекались в стороны и наползали друг на друга, закрывая собой деревянные поверхности. Скорее всего, это были не настоящие крысы, но я решила не рисковать. К тому же скрип дерева доносился именно с лестницы, доски заметно шевелились и трескались. Ломались.

Нагнувшись, я коснулась глубокой щели в первой ступени. Мои пальцы замерли снаружи, как будто пустое пространство не пускало меня глубже. Ступенька была целой, трещины лежали на поверхности, словно мираж.

Воплощение было едва ощутимым. А значит, слабым. С него-то и можно начать.

Слава богу, я быстро его нашла, потому что моя кожа из обожженной и ободранной сделалась онемевшей — меня это немного пугало. Никогда еще Воплощение не наносило подобного урона, но, с другой стороны, я никогда не оставалась без своего амулета. Так что нужно было вернуть его обратно на шею — и быстро.

Я бросилась к двери, с трудом пытаясь устоять на ногах. И тут же споткнулась — или *что-то* толкнуло меня, — больно ударившись об пол, как если бы ветер намеренно сбил меня с ног. Я охнула — от удара у меня перехватило дыхание, — но, во всяком случае, успела собраться и не рухнуть лицом вниз.

Однако что бы меня ни толкнуло, оно все еще было здесь; я с криком лягнула его, когда оно схватило меня за ногу. Затем вскочила и огляделась в темноте. В следующую секунду Нечто крепко вцепилось в меня, и я,

быстро топнув ногой в попытке сбросить его с себя, бросилась к своей комнате. Стоило мне распахнуть дверь, как оно вновь поймало меня за щиколотку, мертвой хваткой удерживая на месте. Ощущение было знакомым и пугающим; я посмотрела вниз, и лунный свет, проникавший в окно моей спальни, озарил торчащую из пола руку, которая длинными пальцами сжимала мою ногу.

— Отпусти меня! — закричала я, со всей силы лягнув Нечто и вырвав ногу из его цепких рук. Но одна хватка сменилась другой, а потом в плену оказалось мое запястье — руки выпрыгивали из стены и пола точно пауки. Как только мне удалось высвободиться, я ощутила, как чьи-то пальцы, нырнув в мои волосы, схватили их за корни и рванули назад. Я врезалась спиной в стену, и еще больше рук принялись царапать мое тело, стараясь его удержать. Я находилась всего в шаге от своей двери — от свободы, — но не могла добраться до нее.

И все же я сопротивлялась Воплощению, потому что иначе было нельзя. Я пинаясь и дралась, пока не сломала достаточное количество пальцев, чтобы те разжались. Вбежав в свою комнату, я захлопнула дверь и, мгновенно надев амулет, прижала его к груди. Затем заперла дверь на замок и придвинула к ней огромное кресло. Ноги тут же подкосились, и я осела на пол, свернувшись калачиком рядом с камином.

Я продрогла до самых костей, и не только из-за ветра. Боже правый... во что я ввязалась?

Глава 4

Мое первое Пробуждение было жутким. Случилось оно до того, как Джембер стал работать на церковь, благодаря которой мы уехали из весьма опасного города; тогда однокомнатный куб из дерева и глины с жестяной крышей был не самым подходящим местом, чтобы оставлять в нем пятилетнюю девочку одну на всю ночь, поэтому Джембер взял меня с собой на встречу с клиентом. Все Пробуждение я просидела, глядя сквозь дрожащие пальцы на то, как он работает, а потом еще несколько недель мне снились кошмары, где Воплощение с длинными когтями ползет по стене, словно скорпион.

Со временем я привыкла к чудовищам. Со временем я уяснила, что мир гораздо страшнее любых проявлений Сглаза. Жестокое воспитание оставило на мне шрамы в буквальном смысле, между тем как ни одно проклятие не коснулось меня.

Однако после первой ночи в этом доме я поняла, что ошибалась. Боже мой... как же сильно я ошибалась!

Не помню, как забралась в постель, но проснулась я закутанная в одеяло, стуча зубами — от холода или от непроходящего ужаса, трудно было сказать.

Ветер. Обжигающий озноб. Яростные руки. Тогда все казалось таким реальным, а теперь превратилось лишь в воспоминание о кошмаре.

Мне было немного страшно покидать комнату, но я пришла сюда зарабатывать себе на жизнь, а не валяться целый день в кровати. Одевшись под одеялом, я заставила себя вылезти наружу. Стоило мне поставить ногу на пол, как ее сковал холод. Мне придется попросить теплые вещи, если я собираюсь пережить следующие несколько недель. Хотя после вчерашнего общения с мистером Рочестером я сомневалась, что смогу что-то получить.

Значит, обращусь к Эсджею. Он кажется самым разумным человеком в этом доме.

Я остановилась у выхода, заметив яркое пламя в камине. Кто-то побывал в моей комнате. Конечно, я была благодарна за тепло, но сама мысль, что кто-то мог отпереть дверь и войти, пока я спала, наводила страх.

К тому же я забаррикадировала ее. Постойте, я точно это сделала? Кресло как ни в чем не бывало стояло на своем прежнем месте возле очага, словно я и не передвигала его вчера.

Я выбежала в коридор и, мельком взглянув на закрытую дверь комнаты мистера Рочестера, спустилась по лестнице. Все ступени были целы. Нигде не видно ни крысиных стай, ни, слава богу, рук. Вся паранормальная активность в доме стихла.

Однако я до сих пор не подписала договор. Еще можно было сбежать.

«Вот только куда?»

Я нуждалась в деньгах. Мне некуда было податься, кроме как вернуться обратно на улицу. Но даже мысль о возможности увидеть еще одно Пробуждение в этом

доме пугала меня до смерти, несмотря на все преимущества проживания здесь. Это было похоже на мое первое Пробуждение, усиленное в десять раз.

Отныне я стану заниматься чисткой дома в дневное время.

Не знаю почему, но, завернув за угол и войдя в столовую, я ожидала увидеть покойника. В голове вспыхнуло воспоминание о последнем виденном мертвце. Тогда Джембер заставил меня выкопать яму — он называл это «закалкой характера», — а уже позже, проследив за ним, я стала свидетельницей того, как он сбросил в нее нечто похожее на тело, завернутое в грубую ткань. Поскольку мое любопытство улетучилось довольно быстро, я так и не решилась его спросить, а Джембер был не из тех, кто стал бы делиться тем, что убивает людей.

Тем не менее по другую сторону стены не оказалось ничего мертвого, если не считать неживого взгляда Пегги, появившейся из кухни.

Она поставила на стол дымящуюся чашу.

— Садись есть, дитя, — произнесла она так, словно я опоздала к столу. Не говоря ни слова, я заняла свое место. Передо мной было коричневое месиво. Скорее всего, каша, просто приготовленная без особого искусства. Сегодняшнюю трапезу готовил явно не тот, кто стряпал вчерашний ужин. Но счастье уже то, что у меня в принципе была еда, и она была вкусной и горячей.

— Пегги. — В дверном проеме показалась Эмма: щеки покраснели, дыхание слегка сбилось, будто она спешила. — Ты не видела Эдварда?

— В конюшне смотрела? — последовал грубый ответ Пегги.

— Его там нет, — Эмма округлила глаза. — Думаешь, он...

— Он там, — рывкнула Пегги. Раздражение в ее словах заставило меня вздрогнуть. — Разумеется, он там. А если нет, то еще где-нибудь. Иди, занимайся своими делами.

Эмма помедлила, ее глаза слабо сверкнули в свете камина. А потом она скрылась за углом, и ее торопливые шаги стихли в коридоре.

Одно было несомненно: мне ни в коем случае нельзя связываться с Пегги. Заколов ножом экономку своего работодателя, как бы отвратительно та себя ни вела, я наверняка мгновенно лишусь работы.

Я съела кашу, запив ее стаканом воды, и отправилась по коридору вслед за Пегги, держась позади нее на безопасном расстоянии, — мне не нравилось, что она прячет руки в карманах фартука. Конечно, глупо было думать о подобном — Пегги ведь не собиралась на меня нападать. Да, она грубиянка, но не убийца. А если даже и так, то у меня быстрая реакция.

«Ты в великолепном доме, Анди. Выброси уже из головы мысли об улице».

Когда Пегги завернула за угол, я, бросившись ее догонять, чуть не врезалась в незнакомую женщину. Выглядела та чуть старше меня. Ее голова была обрита наголо, темная и гладкая кожа словно светилась на фоне простого желтого платья, совершенно неподходящего для здешнего холода. Она была высокой, сильной и красивой. Жена мистера Рочестера?..

Но будь она богатой хозяйкой дома, Пегги узнала бы ее, проходя мимо по коридору. К тому же вид у этой женщины был такой, будто она пытается сдержать слезы.

Я уже открыла было рот... А потом вспомнила последний раз, когда попыталась утешить другого, и поспешила за Пегги. Произошло это семь лет назад: тогда семейство моих сверстников решили, что им не нравится моя

доброта по отношению к девушке, которую они уже посчитали не стоящей их внимания. И я поплатилась за это: меня избили и ударили ножом в лицо.

«Чья жизнь тебе дороже? — спросил меня Джембер. — Твоя или незнакомки, которая никогда о тебе не вспомнит?»

«Бог любит нас обеих», — ответила я, глядя на него сквозь опухшие веки.

«Твоя участливость не поможет тебе выжить. — Джембер протянул мне бутылку спирта, чтобы я обеззаразила раны. — В следующий раз я позволю им тебя убить».

Следующего раза не было. Больше я не пыталась защитить никого, кроме самой себя.

И сейчас не будет иначе.

— Очнись, дитя, — рявкнула Пегги.

Я моргнула, прогоняя воспоминание, и обнаружила, что мы стоим перед открытой дверью.

— Он хочет тебя видеть, — сказала она. — Не заставляй его ждать.

Я вошла внутрь. Комнату заливал солнечный свет, проникавший через большие окна, ряды высоких книжных полок отбрасывали на пол резкие тени. Мистер Рочестер сидел в кресле, подавшись вперед, лицом к горящему камину, с большим альбомом на коленях. Он водил по бумаге серым карандашом, а из копны мягких непослушных кудрей, которые доходили ему до подбородка, торчал другой карандаш, красный. Его кожа имела оттенок мокрого песка, но в то же время лицо было каким-то бледным, почти болезненным. Оно было лишено золотистого сияния человека, недавно побывавшего на солнце. А вот скулы — те напоминали острые бритвы. Некоторое время он, словно в глубокой задумчивости, смотрел на стену, а потом опустил взгляд на лист бумаги. Нечто похожее

на колокольчик или металлический предмет на запястье звякнуло с движением его руки.

Я уставилась на стену, которую он, казалось, рисовал. В нее был встроен камин, окруженный обоями с красно-черным узором пейсли*. Над ним висел большой, испещренный дротиками и царапинами портрет белого мужчины с густой бородой песочного цвета, державшего на руках запелёнатого младенца. Мужчина выглядел грустным и немного сердитым — как будто знал, что его портрет испорчен дротиками. Мне стало жаль ребенка.

Я постучала в открытую дверь.

— Сэр?

— Кто там? — спросил он, не поднимая головы.

— Это Андр...

— Ах да. — Он убрал за ухо непослушную прядь волос на виске. — Входи.

Его голос звучал легко и непринужденно, совсем не так, как у человека, с которым я говорила вчера. Я вошла в комнату, и мистер Рочестер продолжил, не глядя на меня:

— Я должен запечатлеть объект на бумаге до того, как она заметит. Угощайтесь вишневыми пирожными и кофе.

Вишневые пирожные на завтрак? Странно, но после съеденной каши я до сих пор чувствовала голод. Я опустилась на мягкий, обтянутый тканью стул по другую сторону круглого столика, взяла пирожное и снова взглянула на стену. На портрете я видела лишь брюзгливого

---

* Узор в виде капли со множеством мелких деталей и загнутым вверх концом. Он имеет и другие названия: «турецкий огурец», «слезы Аллаха», «индийский огурец», ботех или бута. Однако во всех культурах является символом жизни и плодородия. Здесь и далее примечания переводчика.

мужчину и ребенка, но он тем не менее сказал «она». Кого же он рисовал?

Я взглянула на рисунок и ахнула. На каминной полке стояла женщина в красной кабе*, богато украшенной свадебной накидке и королевской короне. Кровь стекала из ее рта, обагрывая белую накидку, — только в этом месте, помимо кабы, он использовал красный карандаш. Весь остальной рисунок был выполнен в призрачных оттенках серого.

Я перевела взгляд на стену — женщины там не было — и снова вернулась к рисунку. По моей спине пробежал холодок.

— Вы видите... ее... сейчас?

— Только в своем воспоминании.

— И часто она появляется?

— Каждый день. Я зову ее Библиотекарем, потому что она обожает переставлять мои книги. — Он усмехнулся. — Злобная аккуратистка. — Он провел последнюю линию, отдалил альбом на расстояние вытянутой руки — при этом движении на его запястьях что-то резко звякнуло, — а после повернул рисунок ко мне. — Что думаешь?

— Почему у нее кровь?

— Я и сам не раз задавал ей этот вопрос. Тогда она стала оставлять мне по утрам угрожающие отрывки из книг, чтобы я читал их за завтраком, — пояснил он, махнув рукой на стол рядом с нами. — Больше я не спрашиваю.

— Я заметила, что вы не изобразили картину на своем рисунке.

— Ну да. Потому что я не рисую чудовищ.

Я помолчала. Должно быть, это портрет его отца... так ведь?

---

* Каба — африканское женское платье.

— Тогда почему бы не снять портрет?

— Это мишень. — С этими словами он поставил подпись и дату на своей работе и, спрятав ее рядом с креслом, отложил карандаш и взял пирожное. Наши взгляды встретились — на его лице мелькнула нежность, почти облегчение. Словно вся грубость и злость, которые я видела в нем, зависели от одного человеческого общения.

Но тут его глаза опустились ниже и округлились.

— Господи. У тебя огромный шрам на лице.

Мои щеки вспыхнули. Наверное, я неправильно истолковала выражение его лица, потому что зрительный контакт несколько не изменил его поведение. *«Такой же грубый, как и вчера».*

— Знаешь, ты производишь ужасное первое впечатление, — продолжил он, откусывая пирожное. — Разве ты не должна была прибыть вчера?

— Я и прибыла вчера.

Он молча уставился на меня, хлопая глазами, поэтому я добавила:

— Мы разговаривали перед сном.

— Хм. Не припомню такого.

— Вы были... — *«Капризным. Как ребенок».* — Уставшим, сэр.

— Зови меня Магнус. Не люблю формальность титулов. Она делает нас незнакомцами, а мне не нравятся незнакомые люди в доме.

Я помолчала.

— Вы наняли меня на работу, сэр. Не думаю, что...

— Мне нравятся твои карие глаза, — вдруг сказал он с восхищением в голосе. — Наклони голову к свету.

— Наклонить голову?..

— Я хочу посмотреть отблески.

Помедлив, я немного повернула лицо к огню в надежде, что он, взглянув на мои глаза, сменит тему.

— Оттенки умбры, — пробормотал он. — Да. Как заваренный чай...

— Вы по этой причине хотели меня видеть? — спросила я, приняв прежнюю позу и решительно глядя ему в глаза.

— Судя по твоему взгляду, ты раздражена.

Он говорил так, будто был... доволен этим.

«С вами точно все в порядке?» — так и вертелось у меня на языке, но мне нужна была эта работа, а оскорблять своего работодателя — не лучший способ ее сохранить.

— Ты не замерзла? — внезапно спросил он. — Вот, держи.

Он стянул с себя свитер — цвета ржавчины, казавшийся ярким по сравнению с тем, что носили остальные обитатели дома, — и надел мне через голову. Я замерла. Мгновение сидела молча, его свитер обволакивал мое тело, а потом нерешительно продела руки в рукава. Пряжа по-прежнему хранила тепло владельца, от нее пахло одеколоном и мускатным орехом. Ощущения казались необычайно сокровенными.

Магнус, похоже, не заметил моего замешательства.

— Пегги полагалось обеспечить тебя подходящей одеждой. — Почесав голову, он обнаружил в волосах красный карандаш. Вынул его и с нежной улыбкой, будто повстречал друга, положил рядом со вторым. — Ну ладно, я позабочусь об этом.

— Спасибо, сэр.

— Привыкай уже называть меня Магнусом, или мне придется заменить тебя кем-нибудь другим. Саба! — громко позвал он, и я вздрогнула от неожиданности. — Саба, иди сюда!

Через минуту в дверях показалась женщина с бритой головой. На этот раз я заметила их с Магнусом небольшое сходство. Возможно, в скулах и разрезе глаз. Сестра? Тогда почему с ней так плохо обращаются?

— Саба, поищи для нашей гостьи что-нибудь потеплее.

Женщина зашаркала прочь, а Магнус вновь обратил свое внимание на меня.

— Итак, к делу. Давай я немного расскажу тебе о сложившейся ситуации. Моя мать вышла замуж за моего отца и навела на него Сглаз. Через три года у него хватило наглости покончить с собой, и проклятие перешло ко мне. По этой причине я был вынужден уехать из своего уютного особняка в Англии и жить в огромном леднике с горсткой надоедливых взрослых, дабы уберечь обычное население от опасности. Скоро мне исполняется двадцать один, и Эсджей считает важным очистить замок к этому времени, так как в свой день рождения мне придется взять дело отца в свои руки. Подводя итог вышесказанному, от взрослых никакого толка, а в твоём распоряжении имеется семь месяцев на выполнение трехлетней работы. Вопросы есть?

— Каждое Пробуждение в вашем доме проходит так... ожесточенно?

— К несчастью, да. Именно по этой причине у нас действует комендантский час. Любой, кто выходит в коридор после десяти вечера, знает о том, что берет на себя риск.

— Но почему за три года ситуация нисколько не улучшилась?

Магнус тяжело вздохнул, словно ему порядком надоело это слушать.

— С каждой потерянной дебтерой у меня крепнет ощущение, будто мы стоим на месте. Помещения для

прислуги очищены, так же как несколько спален, столовая и кухня. Но это ничто по сравнению с количеством оставшихся комнат.

Пока Магнус не видел, я завернула пирожное в салфетку и сунула к себе в карман на потом.

— Что значит «потерянной дебтерой»?

— Уверен, Эсджей сообщил тебе, что ты не первая.

— И сколько их уже было?

— Ну, видишь ли... — Он замешкался, его щеки покраснели. — Одиннадцать.

Я чуть не уронила очередное пирожное себе на колени.

— Одиннадцать дебтер за три года?

— Включая тебя. Но, думаю, на таком прекрасном нечетном числе можно и остановиться, тебе не кажется?

— Вы хотите сказать, на странном числе.

— Что в нем странного? — Он со звоном опустил чашку. — Ладно, давай ближе к делу. Я знаю, почему ты отправила мне свое резюме. И знаешь, почему я выбрал именно его из множества других?

— Оно было следующим в очереди? — сухо предположила я.

— У тебя нет разрешения. А значит, ты ищешь покровителя, верно?

Магнус подходил на роль покровителя по всем параметрам. Богатый. Со связями. Тот, кто непременно поручится за мои способности в обмен на успешное очищение его дома. С его поддержкой мне не понадобилось бы разрешение для дальнейшей работы. Но он мастерски действовал мне на нервы, и будь у меня другой вариант, я бы здесь сейчас не сидела.

Он смотрел на меня, выгнув густую бровь, и мне ничего не оставалось, как кивнуть в ответ.

— Вы выбрали меня только потому, что у меня нет разрешения?

— Прежде Эсджей отвечал за поиск сотрудников, но ты сама видишь, к чему это привело. — Он закатил глаза. — Именно поэтому я сам просмотрел первые страницы каждого резюме, пока не нашел то, где не было указано разрешение. Все остальные дебтеры по сути ничего не теряют и не получают, в то время как для нас двоих важно *и то и другое*. Тебе нужна эта работа, а мне твои способности: идеальное сотрудничество.

— Полагаю... вы правы.

Магнус выглядел весьма довольным собой.

— Теперь твоя очередь. Расскажи о себе.

— Обо мне?

— Эсджей сказал, ты обучалась у Джембера — впечатляющее достижение. Сколько лет длилась твоя учеба?

— Ремесло я постигала всю свою жизнь, но официально работать с наставником могла лишь с шестнадцати лет.

— Кажется поздновато для обучения такому сложному навыку.

К тому времени мы уже использовали песнопения, хотя изготовлением амулетов еще не занимались. Странно, что человек, нанимавший на работу уже десять дебтер до меня, этого не знал.

— Для создания амулетов требуется определенная доля терпения и зрелости, а серебро слишком дорого, чтобы тратить его на использование в неуверенных детских руках.

— Серебро не так уж и дорого, — возразил он, небрежно махнув рукой. — Не беспокойся, у меня его предостаточно, так что можешь портить сколько твоей душе угодно. Если в конечном счете Сглаз будет снят, мне все равно, сколько попыток на это уйдет.

Мне так и хотелось выплеснуть кофе на его дорогуший ковер.

— Да, сэр.

— Магнус. — Он замолчал, наклонился вбок и оперся локтем на подлокотник кресла. Затем, накрыв ладонью губы и подбородок, принялся меня изучать. — У меня складывается впечатление, что в детстве тебя не обнимали.

Я поперхнулась кофе. Не только потому, что говорить подобное было невероятно грубо, но и потому, что он был прав. Из-за повреждения нервных окончаний прикосновения к коже для Джембера были весьма болезненными, поэтому мы редко касались друг друга. Вдобавок ко всему он считал, что слишком сильная привязанность вредит принципам выживания. Так что в объятиях я была не искушена.

Я вытерла рот рукавом свободного свитера.

— Какое отношение это имеет к очищению вашего дома?

— Просто ты держишься чересчур формально. Напряженно.

— А разве на собеседовании не следует вести себя формально?

Он пожал плечами.

— Это место уже твое. Итак, скажи мне: почему ты решила стать дебтерой?

— Не думаю, что люди сами решают служить церкви. Бог наполняет тебя этим желанием.

— Какой крайне неинтересный ответ, Андромеда. — Магнус поднес чашку к губам. — Попробуй еще раз.

Мои мышцы слегка напряглись. Я устремила на него твердый взгляд:

— Я здесь не для того, чтобы вас развлекать. А чтобы избавить ваш дом от Сглаза. Вам нужна моя помощь или нет?

— Я не знаю. Чем ты лучше десяти предыдущих дебтер?

— Вы сами выбрали меня по резюме, иначе я бы здесь не сидела.

— Ты разве меня не слышала? Я не читал твое резюме. — Он быстро огляделся в его поисках, после чего пожал плечами. — По словам Эсджея, оно весьма впечатляет, несмотря на отсутствие разрешения. Но ты же не думаешь, что я позволю какой-то незнакомке оставаться в моем доме, не имея о ней ни малейшего представления? Как правило, обучающий тебя дебтера составляет рекомендательное письмо, но Джембер, я так понимаю, этого не сделал, после того как выгнал тебя.

Я оцепенела. Он не мог знать, что Джембер меня выгнал.

— О чем вы говорите?

— У тебя нет разрешения, а значит, либо он отказался обучать тебя, либо ты ушла сама. Почему?

— Это не относится к делу.

— Относится.

Я сделала глубокий вдох, в сотый раз пожалев, что не обладаю финансовой свободой, чтобы убраться отсюда.

— Скажем так, мы не сходились во взглядах.

— Проходи я обучение у лучшего из ныне живущих дебтер, меня бы не волновало несовпадение наших взглядов. Ну же, здесь явно что-то другое. Он тебя вконец извел? Слышал, он очень жесток — и не только со своими учениками.

— Смотря кого спрашивать.

— Я спрашивал каждого дебтеру до тебя. Хочешь сказать, ты выносливее всех этих взрослых мужчин?

— Женщины, как правило, действительно выносливее. Магнус рассмеялся.

— Наконец-то в этом доме звучит честность. Это хорошо, потому что на мой следующий вопрос мне нужен от тебя искренний ответ.

— Да, сэр.

— Магнус.

Я вздохнула.

— Да, Магнус.

— Что бы ты сделала, если бы я попросил тебя убить меня?

Я застыла. Дыхание перехватило.

— Что?

Он подался ко мне.

— Ты бы сделала это?

В выражении его лица появилось нечто такое, что вызвало у меня тревогу. Нечто похожее на предвкушение, даже... надежду. Но не успела я ответить, как его светлосиние глаза вспыхнули.

— А вот и твоя одежда.

Он встал — боже мой, у него и к щиколоткам были привязаны колокольчики? — и, подойдя к двери, взял стопку сложенных вещей из рук той самой подавленной женщины.

— Спасибо, Саба. Держи, Андромеда, переоденься в теплую одежду, а после я покажу тебе дом.

Глава 5

Надев шерстяные чулки, платье, непривычно облегавшее талию, и свитер, я вышла в коридор. Магнус уже ждал меня. Он разглядывал стены и потолок, где руки Воплощения оставили свои бледные отпечатки, словно пытавшаяся вырваться на свободу толпа.

— Доброе утро, — сказал он рукам, после чего повернулся ко мне: — Готова к экскурсии?

Я с опаской покосилась на стену. Еще вчера я чувствовала прикосновения этих рук. То, что они делали, не имело никакого отношения к доброму утру.

— Готова.

Я вернула ему свитер, он надел его и повел меня по коридору.

В одной комнате со стен падали различные предметы. Во второй на полу появилась странная рябь, похожая на капли воды. Третья была неестественно покрыта сажей.

Подобные проявления были характерны для обычных Воплощений. Однако учитывая вчерашнее и десять дебетер, побывавших здесь до меня, не стоило относиться к этому легкомысленно.

— Для следующего коридора тебе придется надеть вот это, — Магнус взял в углу пару резиновых сапог и протянул мне. После этого он поднял огромный черный зонт и раскрыл его.

Я последовала за ним, шаркая большими сапогами. Мы завернули в следующий коридор. Тот был покрыт ослепительно-белыми пушистыми хлопьями, падающими с потолка.

Обхватив себя руками, я чуть ближе придвинулась к Магнусу, чтобы оставаться под зонтом. Пока мы шли, под ногами хрустел покров толщиной в дюйм, а вокруг нас кружил снег. Мне хотелось вытянуть руку, но я сомневалась, что стоит трогать его. Как бы ни было прекрасно Воплощение, оно по-прежнему часть проклятия.

Оставив мокрый зонт и сапоги в другом конце коридора, мы продолжили путь и вскоре оказались перед большим шкафом.

— Все материалы, которые тебе могут понадобиться, находятся здесь. — Магнус отпер шкаф и явил моему взору множество стопок тонких серебряных дисков диаметром с мое лицо. На одной полке располагалась корзина, полная катушек разноцветных ниток, а рядом — паяльник. — Просто спроси у меня или Пегги, когда тебе будет нужен доступ.

Я стиснула челюсти, силясь не разинуть рот от удивления. Здесь были сотни этих дисков. Никогда в жизни я не видела такого количества серебра. Я могла бы набить дисками свою сумку и жить припеваючи до самой старости.

«Ты не можешь украсть у него серебро, Анди. Он платит тебе достаточно много, чтобы стоило становиться воровкой. Тем более Бог видит всё».

Я осмотрела паяльник, не став даже брать его в руки. Он выглядел дорогим, но лишь с точки зрения эстетики: кончик толстоват, а потому бесполезен. Значит, буду работать своим. Переложив все катушки из корзины на полку, я принялась складывать в нее серебряные диски.

— Они подходят? — поинтересовался Магнус, глядя на откладываемые мной нитки.

— Идеально, но для своего часа, — пояснила я, рассматривая каждый диск на предмет дефектов, прежде чем положить его в корзину. — Для простых Воплощений они мне не нужны.

— И какое помещение ты назвала бы самым простым?

— Лестницу. — Я примерила лежащие рядом с нелепым паяльником гладкие сварочные очки из черного металла. В них даже имелась дополнительная увеличительная линза с поворотным механизмом. «Оставляем». — Присутствие там не физическое, а только визуальное. Полагаю, его можно назвать иллюзией. Это значит, что, как правило, она оказывает более слабое влияние, чем Воплощения, которые по-настоящему вступают в контакт с физическим миром.

— Всегда хотел узнать, чем отличается тот, который будет изготовлен для лестницы, от того, который ты носишь?

Я опустила взгляд на свой амулет.

— Этот служит универсальным щитом. Он охраняет меня от проклятий и отпугивает Воплощения. Чтобы очистить дом, я изготавливаю амулеты специально для каждого Воплощения — по сути, отправляю их туда, откуда они пришли.

— Хм. — Магнус сложил руки на груди и прислонился плечом к стене, встав ко мне лицом. — Как ты

определяешь, какой амулет требуется для той или иной комнаты?

— Представляю в голове, как карту, если вы понимаете, о чем я.

— Понимаю. — Он помолчал. — Настолько ясно мне еще никто никогда не объяснял. Процесс кажется куда более увлекательным, когда ты понимаешь принцип работы.

— Я тоже так думаю. — Маленький молоточек и баночка гвоздей последними отправились в корзину, прежде чем я повесила ее на локоть. Обычно я не раскрываю детали своей профессии, однако сейчас мне даже нравился наш разговор. Вот только я не представляла, как его продолжить.

— Знаешь, тебе необязательно сразу браться за работу, — сказал Магнус. — Мы не сможем подписать договор до вечера, до прихода Эсджея.

Ладно, мне *нравился* наш разговор. До этого момента. Теперь я была не в восторге от того, к чему он шел.

— Мне нравится работать.

— Да, но существует так много других занятий, которыми можно себя развлечь. К тому же, пока договор не подписан, рабочие часы не оплачиваются. Эсджей назвал бы это неэтичным. Хотя тебя, по-моему, выгнали за отсутствие этичности, не так ли? Возможно, ты и не против.

Он явно издевался надо мной. Я даже не удостоила его ответом. Бог знал меня, а я знала себя, и этого было достаточно. Правда, Магнус был прав в одном: мне не хотелось работать бесплатно. Вот только это место отчаянно нуждалось в чистке, и *незамедлительной*.

— Кто здесь устанавливает правила: вы или Эсджей?

На миг Магнус лишился дара речи. Он молча смотрел на меня.

— В таком случае, — вдруг произнес он, — я оставляю вас наслаждаться вашей работой.

С этими словами он развернулся на каблуках. Колокольчики на щиколотках звенели всё тише и тише, по мере того как он удалялся по коридору.

Я вернулась к лестнице и принялась разглядывать то место, где вчера вечером появились трещины, скрипели и двигались доски. Сейчас они замерли в неподвижности, точно вспугнутая ящерица. Но я все равно ощущала присутствие Воплощения, слабо отражавшееся от моего амулета, — оно было настолько неуловимым, что его можно было принять за трепет сердца.

Я уселась на ступени посреди лестницы и, поставив корзину рядом с собой, надела защитные очки. На мгновение закрыла глаза — и обозначенные мелом штрихи обрели четкость в моем сознании. *«Четыре грани, каждая в форме ромба. Ряды штриховки по внутренней стороне. Простой, но трудоемкий дизайн амулета. На создание уйдет примерно час».*

Я вынула из корзины один серебряный диск и щелкнула подвижным кремнем на паяльной ручке — там, где многие обнаружат обычный наконечник для письма, зазглась маленькая горелка.

Наступала моя любимая часть.

Решив начать с граней, я уверенно водила кончиком горелки, снимая избытки серебра большими кусками. Затем настала очередь вырезать ромбы. Я слегка замедлила движение ручки, чтобы чувствовать совпадение линии с меловым чертежом в моей голове и отрезать необходимый кусок серебра.

Дважды проверила ровность граней, после чего включила увеличение на очках для выполнения штриховки. Перекрестные линии должны были идти параллельно и иметь

одинаковый размер. Техника простая, но лениться тем не менее нельзя. На этом этапе работы можно испортить весь амулет, если вывести линию за пределы чертежа.

На сам металл зло не реагировало, но как только я с помощью сварки начала придавать ему форму того, что это Воплощение ненавидело, трещины стали выражать протест вибрацией в создаваемом амулете.

Время от времени я останавливалась, чтобы дать глазам отдых от увеличенного изображения и размять пальцы.

«Почти готово. Осталось лишь немного подправить...»

— Андромеда!

Магнус знал, что я работаю. Именно для этого он меня и нанял. А потому мог и подождать.

Амулет был уже близок к завершению: он так сильно пульсировал в моей руке, что мне пришлось сжать его крепче.

— АНДРОМЕДА!

Моя рука соскользнула и выжгла черную линию, которой там не должно было быть. Я потеряла ее пальцем, пытаюсь убраться, но она въелась достаточно глубоко.

Теперь придется начинать сначала. Брать совершенно новый серебряный диск. И тратить еще один час.

Отбросив испорченную работу, я спустилась с лестницы.

Магнуса я обнаружила в его комнате: он разглядывал разложенный на кровати спортивный пиджак. Он обернулся ко мне. Колокольчики на запястьях звякнули, когда он раздраженно всплеснул руками.

— Где ты была? Я зову тебя целый час.

Я задумалась, стоит ли мне поправить его по поводу разницы между часом и несколькими минутами, но пришла к выводу, что нет смысла тратить на это время.

— Очищала ваш дом от нечистой силы, сэр.

— Магнус, — исправил он. — Мне нужна твоя помощь.
— Что я могу сделать для вас?

Он взял в руки пиджак из черной шерсти с вышитым серебряной нитью узором пейсли на рукавах.

— Что ты о нем думаешь?

Я поджала губы.

— Вы оторвали меня от работы ради пиджака?

Магнус посмотрел на меня так, будто я несла чушь.

— Это тоже важно.

— Вы загубили час моей работы...

— Как я мог что-то загубить, если все это время находился в своей комнате и занимался своими делами? Просто ответить на мой вопрос и можешь возвращаться к своим ненаглядным амулетам.

Я сделала глубокий вдох, хотя жилка на моем виске пульсировать не перестала.

— Он симпатичный.

— Это да, но он мне идет?

— Я... не разбираюсь в мужской моде. Для какого он случая?

— Это подарок от Келелы.

— Келелы?

— Сестры Эсджея.

— О.

— Они придут сегодня на ужин, и она, наверное, ожидает меня в нем увидеть. — Он замолчал, рассматривая пиджак на расстоянии вытянутой руки. — Даже не знаю. Тебе нравится? Я не уверен насчет цвета. Он такой... черный.

— В этом доме все носят темные цвета.

— Правда? А еще он должен меня стройнить, но в нем я почему-то выгляжу хилым. — Он приложил пиджак к себе и встал напротив большого зеркала.

— Я думаю, вам нужно его надеть, даже если всего на один вечер. Она старалась, заказала его специально для вас. Позвольте ей увидеть вас в нем.

Он с такой грустью смотрел на пиджак, словно был готов сделать что угодно, лишь бы его не надевать.

— Конечно. Ты права.

— Ну, я тогда вернусь к работе, — сказала я, двигаясь в сторону спасительного коридора.

— Ты тоже будешь присутствовать, — добавил Магнус, возвращая пиджак на вешалку. Его слова прозвучали не как вопрос, и я недовольно поджала губы. — Что собираешься надеть?

— Сейчас всего час дня. У меня есть несколько часов до ужина, чтобы решить.

— Я помогу тебе с выбором. Так будет справедливо, раз уж ты мне помогла.

«Ага, помогла. Не по своей воле».

— Не нужно. Я предпочитаю вернуться к работе.

— Пегги сказала, что у тебя с собой совсем немного...
Погоди. — Он с безумной улыбкой распахнул обе дверцы шкафа. — Выбери что-нибудь отсюда. А потом Саба подгонит это по тебе. Она очень быстро управляетя со швейной машинкой.

Я стиснула зубы при упоминании злобной Пегги. Та не имела никакого права обсуждать, сколько у меня вещей.

— Вы разве меня не слышали, сэр? Я сказала *нет*. Вы не знаете, что это означает?

Он захлопал глазами.

— Магнус, — сдержанно поправил он.

Мне хотелось задушить его этим самым ненавистным ему пиджаком.

— Мне нужно возвращаться к работе.

Он кинулся за мной, резко остановившись на пороге, как если бы невидимая линия удерживала его. Вот и хорошо. Иначе я бы врезала ему.

— У меня ужасно выходят подобные вещи.

— Какие?

— Разговаривать с людьми. Заводить... друзей.

— Вы наняли меня, чтобы избавить ваш дом от нечистой силы. Так что поберегите силы, — сказала я и бросилась прочь.

Я вернулась на лестницу и взялась за амулет с еще большим рвением, закончив его за сорок пять минут. Наверное, это мой новый рекорд, хотя руки и глаза за этот подвиг меня не поблагодарят.

Трещины на ступенях исчезли без особых сопротивлений. Я вбила два гвоздя в деревянные перила, повесила на них амулет и отступила назад, чтобы взглянуть на свою работу. Один амулет готов... Только Богу известно, сколько еще предстоит их сделать.

Можно было бы изгнать еще одно Воплощение, но я решила потратить время на создание амулета, устранявшего холод в спальне. К тому времени, как я закончила, в моей комнате стояла комфортная температура, позволявшая вымыться и переодеться к ужину.

В это мгновение раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросила я.

Тишина.

Я схватила маленький нож и, спрятав его возле бедра, приоткрыла дверь. По другую сторону стояла Саба со стопкой одежды в руках. Тогда я открыла дверь шире, пряча за ней нож.

— Магнус сказал, что ты быстро управляешься со швейной машинкой, но я не думала, что *настолько быстро*.

Женщина улыбнулась и протянула мне одежду.

— Я сказала ему, что мне не нужны его вещи.

Саба покачала головой и развернула наряд, представив моему взору белое платье с длинным рукавом, синие и зеленые полосы на воротнике и по центру образовывали традиционный рисунок в виде креста. Я прикоснулась к нему, осознав, что это не обычная ткань, а плотное шерстяное полотно. Подкладка была мягкой и слегка ворсистой — мне была незнакома подобная ткань, но никогда в жизни я не трогала столь тонкую материю.

— Это ты сшила?

Она помотала головой и прижала руку к груди.

— Оно твое?

Она кивнула.

— Это... очень мило с твоей стороны, Саба. Оно прекрасно. — Я отступила на шаг. — Но если Магнус отправил тебя с ним ко мне, то я уже сказала ему, что мне ничего не нужно.

Женщина поджала губы и выгнула брови, как бы говоря: «Вы это серьезно?», а после, еще раз качнув головой, вновь протянула мне платье.

— Спасибо.

Глаза у нее слегка покраснели, а под ними пролегли темные круги. Было очевидно, что она плакала. Я не верила в то, что Магнус никак не связан с этим платьем. Тем не менее это не имело значения, поскольку было очевидно: если я его не возьму, Сабу накажут.

«Кому какое дело до того, что с ней будет, Анди?»

Да и, в конце концов, это всего лишь платье. Необходимое мне платье, если я собиралась, по распоряжению Магнуса, присутствовать на ужине. Было бы глупо не принять его.

Незаметно от Сабы я воткнула нож в стену за дверью и забрала у нее наряд. Как только наши пальцы соприкоснулись, по мне пробежал холодок.

— У тебя такие холодные руки. Не хочешь немного погреться в моей комнате? Здесь теплее, чем в остальном доме.

Довольное выражение на лице женщины исчезло. Она попятилась назад, вежливо поклонилась мне в дверях и быстро скрылась в коридоре. Я проводила ее взглядом, а потом снова заперлась в своей комнате, намереваясь рассмотреть платье. Хорошо сшитое, яркие цвета, идеально белое — как молоко. И еще от него пахло медом и миндалем. Оно принадлежало Сабе, но носила ли она его?

Я сняла с себя одежду и надела платье поверх шерстяных чулок, любуясь своим отражением в большом зеркале. Саба была выше меня по меньшей мере на полфута, однако платье сидело превосходно: свободное вдоль тела и облегающее в рукавах. В теплой комнате ткань казалась немного колючей, поэтому оно, скорее всего, отлично подойдет для холодного воздуха в остальной части дома.

Хотя это не означало, что я выйду из своей комнаты раньше положенного часа.

Глава 6

Не успела я дойти до последней ступени, от густого аромата мяса и специй закружилась голова. Я вдруг вспомнила, что, оказывается, не обедала. Мое тело настолько привыкло к голоду, что я даже этого не заметила.

Спускаясь по лестнице, я услышала, как Эсджей и Пегги приветствуют друг друга — женщина вела себя как никогда дружелюбно. Интересно, она притворялась или же на самом деле была радостным человеком, который просто недолюбливает бедных?

Они стояли в прихожей вместе с незнакомой мне девушкой. В модном зеленом пальто из шерсти она выглядела так же опрятно и элегантно, как и Эсджей. Она обладала пышными формами — пухловатыми и одновременно изящными. Волосы длинные, волнистые... и синие. При этом цвет не казался странным, он идеально подходил к ее темной коже, скорее подчеркивая ее красоту, нежели отвлекая от нее. Поразительно, насколько привлекательной и собранной она была.

У меня складывалось впечатление, что применяемое в этом мире оружие отличалось от используемого там, где выросла я. В моем — это были хитрость, ножи и кулаки.

Жестоко, зато прямолинейно. Здесь же господствовало существо с самой величественной подачей. «*Чтобы занимать пространство, обязательно быть большим*», — все время говорил мне Джембер — высокому человеку легко такое говорить. Однако этой девушке был явно дан тот же совет. Она завоевывала территорию, лишь ступая на нее.

В эту секунду в душе я поблагодарила Сабу за платье.

Гостя первой заметила меня на лестнице — и на ее лице промелькнуло множество самых разных эмоций. Удивление, оценка, скептицизм. И что-то еще. Нечто похожее на... *отвращение* — звучит грубо, но такая формулировка подходила лучше всего.

Похоже, она была обо мне такого же мнения, что и Пегги.

— Андромеда. — Эсджей протянул мне руку, как бы приглашая присоединиться к их обществу снобов.

— Где ты взяла это платье? — требовательно спросила Пегги, окидывая меня взглядом с ног до головы.

— Уж точно не украла, — ответила я. По всей видимости, в старухе еще оставалась капля человечности: покраснев от смущения, она бросилась прочь.

— Значит, *ты* новая дебтера? — проговорила девушка в зеленом пальто, прижав руку к груди. — С каких это пор мы нанимаем детишек с улицы?

— Келела, — одернул ее Эсджей. — Андромеда совершеннолетняя. Она профессионал.

— Правда? Потому что ее бровям явно не хватает горячего воска.

— Келела.

— Прости, братец. Приятно знать, что на этот раз не придется развлекать стариков, как раньше. — Она оглядела меня с улыбкой, которую едва ли можно было счесть

искренней. — Тебя назвали в честь прекрасной принцессы, прикованной цепью к скале?

На лице Эсджея отразилось вежливое любопытство, а Келела тем временем проверяла меня. Насмехалась надо мной. Она прекрасно знала, что я нисколько не прекрасна и совершенно далека от королевских особ. К счастью, после сегодняшнего ужина мы, скорее всего, больше не увидимся, поэтому я, не теряя достоинства, ответила:

— Меня назвали в честь растения.

Не сказать, что это было правдой. Я не знала, кто дал мне имя: женщина, которая меня родила, или Джембер. В любом случае это было неважно — это всего лишь имя. Я могла бы хоть завтра переехать в другой город и сменить его — никому до этого не было дела.

Келела выгнула брови.

— Мило.

Внезапно всё вокруг — стены, потолок — начало поскрипывать, одновременно с этим на нас обрушился тяжелый грохот, будто тележка с кастрюлями и сковородками катилась по камням. Мой амулет завибрировал, я проследила взглядом за движением Воплощения от внутренней стены к внешней. Вдалеке что-то разбилось, казалось, на пол сбросили глиняную или стеклянную посуду. А потом все стихло. Будет весьма непросто избавиться от этого Воплощения — оно являлось и исчезало очень быстро.

Келела недовольно цокнула.

— Ты здесь уже целый день и *до сих пор* ничего с этим не сделала?

Я сощурилась, но не успела ответить ей, поскольку до нас донесся голос Магнуса:

— Вы там закончили обмениваться любезностями? Я умираю с голода.

Он не удосужился встать, чтобы поприветствовать нас, и даже не поднял головы.

— Рад тебя видеть, Келела. Эсджей, — сказал он, прозвучав более искренне, чем предполагали его действия, — какая сегодня погода?

Эсджей выдвинул стул по правую руку от Магнуса, и Келела опустилась на него, точно устраивающаяся поудобнее курица-наседка.

— Магнус, ты живешь в одном из самых жарких мест на земле.

— Тогда почему здесь так холодно? — спросила Келела. — Ведь у нас есть такая способная дебтера.

Число невыносимых людей в этом доме становилось невозможным.

Прежде чем я успела выбрать себе место, Эсджей выдвинул для меня стул напротив Келелы. Меньше всего мне хотелось сидеть рядом с Магнусом или напротив его заносчивой подружки, однако отказываться было бы невежливо, ведь Эсджей, очевидно, был единственным в этой комнате, кто желал мне добра.

— Спасибо, — сказала я, опускаясь на стул.

Сначала все вымыли руки в передаваемой по кругу чаше с водой, а после потянулись к большой тарелке в центре стола. К счастью, ужин был совсем не похож на утреннюю кашу. Напротив, еда была еще более восхитительной, чем вчера вечером.

Я слушала вполуха ведущийся за столом разговор, потому что все мое внимание было приковано к ынджере*. Я оторвала большой кусок лепешки, до сих пор горячей

---

* Ынджера — традиционное блюдо эфиопской кухни. Представляет собой большие рыхлые лепешки (блины) в мелкую дырочку, обычно готовятся из кислой муки африканского злака теф.

после приготовления в печи, и мой рот мгновенно наполнился слюной. Затем отщипнула кусочек поменьше, чтобы зачерпнуть им тибс* и рис с пряностями, сунула его в рот и принялась жевать, чуть не потеряв сознание от блаженства. Говядина была нежной, горячее масло уже с первым укусом стекало по горлу, специи обладали нужной степенью остроты, от которой пощипывало язык. На зубах не скрипели песок и грязь, лишь чувствовались семена и пряности. Я довольно вздохнула, неспешно пережевывая каждый кусок. Вчера вечером я была слишком голодна, чтобы сполна насладиться едой. В тот миг она была для меня необходимым спасением. Сейчас же — божественным даром.

— Я рад, что тебе нравится мое угощение, Андромеда, — заметил Магнус с легкой ухмылкой на лице.

— Бедняжка, — добавила Келела, ее тон сочился приторным сочувствием. — Можно подумать, будто ты никогда в жизни не пробовала еду.

— Думаю, это можно счесть за комплимент повару, — вмешался Эсджей и, проглотив кусок, продолжил: — Пегги умеет готовить. На мой взгляд, это лучшее, что я съел за день.

Это приготовила Пегги? Что-то не похоже. Утром она состряпала кашу, но на такое была неспособна. Она же глупый и бездушный человек и наверняка не смогла бы приправить еду, даже если ей за это заплатить.

— Ты либо моложе, чем мы думаем, либо плохо питаешься, — внезапно уверенно заключила Келела. — Тебе не может быть больше восемнадцати.

---

* Тибс — наиболее популярное блюдо в Эфиопии, быстро обжаренные с острым перцем и луком куски мяса — говядины, баранины или козлятины, — сбобранные ложкой сливочного масла с травами.

Я не спеша проглотила огромный кусок — никто не будет стыдить меня за то, что я не доела.

— Вообще-то может, — просто ответила я.

— И все же ты поразительно юна для работы дебетерой. Вряд ли у тебя достаточно опыта, чтобы считаться хорошей в этом деле.

Эсджей быстро накрыл ладонью руку сестры.

— У Андромеды великолепное резюме, Келела. Будь она в официальном списке дебетер, я бы обратился к ней первой.

Он улыбнулся мне так, будто сделал комплимент.

— Так она не состоит в официальном списке? — Келела уставилась на меня — ее потрясение выглядело столь же ненатурально, как и ее волосы. — Значит, у тебя нет разрешения?

Бедный милый Эсджей и его проклятые добрые намерения. Он лишь предоставил Келеле еще больше поводов ко мне придирааться.

— Мои способности говорят красноречивее листка бумаги. Магнус убедился в этом сегодня днем, когда я очистила лестницу.

— Однако ничего примечательного я пока не видел. — С этими словами Магнус опрокинул свечу со стола, точно жаждущий внимания кот. Я ощутила, как на моем виске забила жила.

— Вы уже приступили к работе? — удивился Эсджей, вытирая руки салфеткой. — Но мы еще не обсудили договор.

— Я ознакомилась с ним вчера, — сказала я, глядя на сбитую Магнусом свечу. Та странным образом продолжала гореть, но пламя не перекидывалось на деревянный пол и оставалось на фитиле. Полагаю, это еще не самое странное, что мне предстоит увидеть в этом доме. — Условия меня устраивают.

— По всей видимости, тебе *очень* нужна эта работа, — заметила Келела.

Магнус усмехнулся и покосился на стену.

Лишь Эсджей, похоже, не уловил сарказма.

— Наверное, это честь, когда для обучения тебя выбирает сам Джембер.

Честнее было бы сказать: *«Не столько выбирает, сколько покупает»*, но этим богатым снобам ни к чему знать об этом.

— Настоящая честь. Ему нет равных.

— Мне не терпится познакомиться с ним и задать ему несколько вопросов. Все пытаюсь пригласить его на ужин, но никак не застаю ни до церкви, ни после.

«Зачем вообще тратить время на этого бессердечного наркомана?» Честным ответом на этот вопрос я тоже делиться не собиралась.

— Большую часть работы дебтеры выполняют по вечерам.

— Он отказался избавить мой дом от нечистой силы, — сказал Магнус. — Как думаешь почему? *Я-то* знаю причину, но хотел бы услышать твое мнение.

«Не знаю. Мы почти не видимся».

— Он не очень любит брать работу на долгий срок. Она требует слишком много общения.

— Это не причина, — пробормотал Магнус.

— На днях я слышала, как он пел в церкви, — заметила Келела. Сказала это с таким самодовольством, будто присутствовала на частном концерте, а не на обычной службе. — Мне он не показался застенчивым.

— Он не застенчивый, — ответила я. — Просто терпеть не может людей.

— Особенно, по видимости, тебя.

— Сестренка, — пригрозил Эсджей. — Будь вежливой.

— А кто изготовил ваш амулет? — поинтересовалась я, стремясь сменить тему. — Топорная работа. Удивительно, как в этом доме вас до сих пор не убили.

Келела тут же принялась изучать свой амулет, а я тем временем набила рот рисом.

Я знала, что мелочность — неправильный принцип выживания, и мне предстояло избавиться от него, несмотря на синеволосую раздражающую особу напротив меня.

Обязательно этим займусь. После ужина.

— Сегодня я наткнулся на одну интересную цитату, — сказал Магнус. — «Я привык быть господином и хочу им остаться навсегда или же по крайней мере устроиться так, чтобы никто не мог стать господином надо мною»*.

— Как поэтично, — восхитилась Келела.

Я поджала губы в ответ на ее реакцию.

— Больше похоже на угрозу.

— Это цитата из «Дракулы» Брэма Стокера, — пояснила Келела. Затем подперла подбородок рукой и с ухмылкой посмотрела на меня. — Я так полагаю, ты мало читаешь? О, прости. Ты вообще *умеешь* читать?

Глупая выскочка.

— На самом деле я читаю на нескольких языках. Одно из преимуществ церковного воспитания.

Келела разинула рот — совсем слегка, но этого было достаточно, чтобы понять: моя взяла.

— Келела, — Магнус встал и потянулся, — предлагаю это где-нибудь обдумать.

Девушка отвела от меня глаза, обошла стол и взяла Магнуса за руку, больше не взглянув в мою сторону.

---

* Брэм Стокер, «Дракула» (пер. Н. Сандровой).

Я почти не слышала слов Эсджея, в ушах стучал учащенный пульс. Если другая дебтера ушла не из-за большого объема работы, то уж точно по *этой* причине. Все обитатели этого дома были либо слепы, либо безумны.

«Анди, ты можешь уйти прямо сейчас. Они даже не заметят твоего отсутствия. Никакие деньги этого не стоят».

— Андромеда, — позвал Магнус. — Присоединяйся к нам.

Мне так и хотелось треснуть его по голове. Хотя бы раз, чтобы больше об этом не думать. К тому же он был не таким уж крупным. Выше меня, но не намного шире. На мой взгляд, он не обладал особой внутренней силой, судя по тому, что весь вечер просидел в кресле ссутулившись. Я могла бы без труда справиться с ним. Но бить его было рискованно, поскольку именно он платил мне за работу.

«Это твой единственный шанс обрести покровителя. Так что терпи и улыбайся, пока не выполнишь работу».

Я вышла из столовой вслед за Магнусом и Келелой. Мы прошли по коридору и очутились в игровой комнате. Но вместо того чтобы сыграть в бильярд или дартс, Магнус направился напрямик к дивану у камина. Келела без возражений села рядом с ним. Я же заняла одно из двух кресел напротив в надежде, что кофейный столик послужит неким барьером между мной и этими двумя чванливыми особами.

По-видимому, Магнуса не особо заботили кофейные церемонии, потому что горячий кофе был уже сварен и стоял на столе. К тому же церемонии подразумевали общность, а это, похоже, тоже не входило в круг его интересов. Он взял со стола колоду карт, а Келела начала разливать кофе.

— Нашу новую гостью следует обслужить первой, — сказал он, мешая карты.

На краткий миг в воздухе повисло удушающее напряжение, и наконец Келела вручила мне маленькую чашечку кофе.

— Так чем еще, кроме снятия проклятий, занимаются дебтеры? — поинтересовалась Келела, и впервые в ее глазах вспыхнуло нечто похожее на огонек сострадания. — Вы предсказываете судьбу?

— Дебтеры не практикуют черную магию, — ответила я.

Загоревшийся огонек погас почти мгновенно.

— Возможно, они и предсказывают судьбу, просто тебя вышвырнули слишком рано.

Магнус снял карты одной рукой, переместив быстрым движением пальцев верхнюю часть колоды вниз и при этом не сводя с нее глаз.

— А что бы ты хотела услышать, Келела, если бы она все-таки могла предсказывать судьбу?

— Что у меня будет богатый муж, разумеется, — ответила Келела.

— Твой брат достаточно богат.

— Мне уже двадцать лет, я не могуечно оставаться под его опекой. Мне нужен добрый, богатый и щедрый муж, — говоря это, она обняла Магнуса за плечо. — Который хорошо одевается и обожает меня.

— Такого нетрудно найти, — произнес Магнус. Он продолжал смотреть на карты, а на его губах играла легкая улыбка.

Я откинулась на спинку кресла. Их флирт был утомительным. Раздражающим. И, если быть честной, чуточку неловким. Мне так и хотелось встать и отыскать Сабу — ее общество было бы куда приятнее. Но я не могла так

просто уйти с первого званого ужина своего работодателя. В следующий раз придумаю какую-нибудь отговорку. А пока остается лишь улыбаться и терпеть.

— О, ты такой милый, — промурлыкала Келела, проводя ладонью по его руке. *Этот* жест меня тоже раздражал, хотя я и не понимала почему. — Андромеда, тебе нравится этот пиджак? Его сшили по моему заказу. Магнус обожает экстравагантные узоры.

— Симпатичный, — ответила я.

Магнус выгнул бровь, и я невольно хихикнула.

Келела уставилась на меня с подозрением.

— Даже без него он самый красивый мужчина в стране. Я поерзала в кресле, желая встать и уйти, но все же решила остаться.

— Довольно смелое заявление, вы не находите?

Наконец Магнус поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

— Ты не считаешь меня красивым, Андромеда?

— Не заметила этого, сэр.

В эту минуту Магнус держал карты между большим и средним пальцами, давя на них указательным. Стоило мне произнести эти слова, как он сжал их слишком сильно, и карты рассыпались по полу. Он одарил меня свирепым и в то же время изумленным взглядом.

Зато Келела, похоже, испытала облегчение.

— Очень профессионально с твоей стороны, Андромеда. Эсджей сказал бы, что неэтично...

— Что значит «не заметила»? — перебил Магнус.

— А то, что красота не имеет значения, — сказала я.

«Будь это так, вы бы не стали нанимать такую простушку, как я, для спасения вашего дома...»

— И к тому же она субъективна, — добавила я. — То, что красиво для вас, мне может не казаться таковым.

— Тогда что ты считаешь красивым? — поинтересовался он, отбрасывая карты ногой. Теперь он пристально смотрел мне в глаза... — Если не меня?

— То, как вы сейчас снимали карты, — ответила я, кивая головой в сторону колоды. Магнус с интересом вскинул брови, поэтому я продолжила: — С какой скоростью и точностью. Это было сделано просто, но уверенно. В подобном умении есть красота.

— Как и в изготовлении твоих амулетов.

Внезапно мы будто вновь оказались перед тем шкафом с инструментами, между нами установилось понимание.

— Предыдущая дебетра тратила намного больше времени на их создание, — пояснил он.

— Однако, — поддразнила я, — ничего примечательного вы пока не видели.

Магнус усмехнулся. Келела крепче сжала его руку, наградив меня убийственным взглядом.

— А что вы считаете красивым, сэр? — поинтересовалась я.

— Магнус, — поправил он, и отчего-то его голос, лишенный осуждения, заставил меня... покраснеть. — Что я считаю красивым? — Ухмылка тронула уголок его губ, взгляд стал еще пристальнее. — Смотреть глаза в глаза.

— Магнус. — Келела быстро подскочила и схватила его за руку. — Нарисуешь меня? Ты так давно меня не рисовал.

— Я рисовал тебя три дня назад, — возразил он, однако спокойно позволил себя увести.

Я дождалась, пока они отойдут к креслу, где Келела собиралась позировать, и тихонько выскользнула из комнаты.

Глава 7

Впервые месячные начались у меня в двенадцатый день рождения. Я помню это, потому что спазмы в животе были настолько мучительными, что я буквально молила Бога не дать мне умереть. Я не знала способа справиться с этим — как правило, темы физиологического характера в нашей культуре невозможно было обсуждать за пределами дома, не сгорая со стыда, поэтому в городе не было ни одной женщины, к кому я могла бы обратиться за помощью. Мне оставалось только дожидаться возвращения Джембера, по глупости засунув между ног горлышко стеклянной бутылки, куда бы стекала кровь, дабы не запачкать каждый имевшийся в подвале кусочек ткани.

Обычно Джембер при встрече с жутким Воплощением сохранял бесстрашие, однако, увидев меня съезжившейся в углу, посерел. Заставил вытащить бутылку и крепко стиснул мой подбородок — столь редкое прикосновение затянутой в перчатку руки застало меня врасплох.

— Ничто не может там оказаться, — произнес он. — Ты меня поняла? Ничто и никто.

Чтобы я могла справиться с болью, он дал мне одну из своих таблеток — благодаря наркотику я отключилась до утра.

Никто, сказал он. Тогда я и понятия не имела, о чем речь. Джембер был самым асексуальным человеком из всех, кого я знала. Он не выносил контакта с кожей и вместе с тем не стремился к прикосновениям даже через одежду. Он никогда не обсуждал чью-то внешность, не смотрел на женщин даже мельком, не говорил о романтике или желании. А поскольку для меня он являлся единственным примером, я и сама не проявляла интереса к романтическим чувствам, пусть и питала их порой. Со временем они перестали иметь для меня значение. Со временем я настолько погрузилась в служение Богу, что даже не задумывалась о каких-либо отношениях.

До этого дня. Глядя на то, как Магнус и Келела обнимаются на диване, я внезапно ощутила то, без чего жила столько лет.

Нет, это была не зависть — она создавала благодатную почву для Сглаза. А нечто глубже и хуже, ведь я так долго отрицала это чувство.

Желание быть любимой.

Когда раздался стук в дверь, мне даже не нужно было спрашивать, кто это, — стук сопровождался металлическим звоном колокольчиков. Я накинула одеяло на плечи, чтобы прикрыть простую ночную сорочку, которую мне дала Саба. Отодвинув стул, служивший баррикадой, открыла дверь. На пороге стоял Магнус в мягком пушистом халате и тапочках, в руках он держал нечто, похожее на декоративную шкатулку для драгоценностей.

— Ты ушла сегодня рано, — произнес он с упреком.

— Я устала, — ответила я, плотнее кутаясь в свою накидку.

— Я хочу, чтобы ты составляла мне компанию каждый вечер после ужина. *Особенно* если у нас будут гости.

— Верно, таково одно из ваших правил.

Он слегка усмехнулся.

— Ты на удивление медленно учишься, Андромеда.

— Нет, учусь я быстро, — возразила я. Мой мозг слишком устал, поэтому я не могла скрыть раздражения. — Но медленно подчиняюсь.

Между нами на пару мгновений воцарилось молчание.

Затем Магнус, не говоря ни слова, протянул мне шкатулку.

— Что это? — спросила я, подавшись вперед.

— Дружеский жест.

Мне пришлось напомнить себе, что я нахожусь в большом доме, а не на углу улицы. Богатые люди не дарят украденные вещи, лишь бы сбить власти со следа... так ведь?

Я взяла шкатулку и откинула крышку — внутри меня ждало кое-что получше драгоценностей. Шоколад. Дорогой, изысканный, выполненный вручную со всей тщательностью. Два ряда, каждый состоял из четырех шоколадных конфет, аккуратно лежащих в специальных углублениях, блестящая золотистая обертка покоилась на красной обивке из бархата.

Такой шоколад можно было найти лишь в больших городах, а изготавливали его люди, получившие образование в городах еще более крупных.

— Это мне? — Я прижала коробку к груди. Даже держать ее в руках уже ощущалось чем-то греховным, но уронить было бы гораздо хуже. — Я не могу ее принять.

— Когда мне исполнится двадцать один, я стану владельцем самой большой в мире шоколадной фабрики, — сообщил он, пожав плечами. — Я с самого рождения плачу шоколадными слезами.

Я бережно закрыла декоративную коробку. Мое лицо пылало. Неужели я... покраснела? Из-за восьми кусочков шоколада? *«Возьми себя в руки, Анди»*.

— Я не знала, что ваш отец был шоколадных дел мастером. Должно быть, это весело — расти среди шоколада.

— Ну да, он ушел, когда мне было пять, так что... — Магнус откашлялся. — Как только ты покинула мою комнату сегодня днем, я попросил Эсджея достать их у моего личного поставщика. Я не сказал ему, что они для тебя. Я... — Он затянул пояс обеими руками, отчего халат перекрутился. — Я не хотел, чтобы он подумал, будто я чуть не выгнал еще одну дебтеру.

— Вам не стоит из-за этого беспокоиться.

— Ах да, разумеется — покровительство.

— Именно. К тому же за свою жизнь я имела дело с куда более сложными людьми.

Магнус тихонько рассмеялся — вышел неловкий, нервный смешок, — а после его лицо вновь обрело озабоченный вид, словно он не привык испытывать радость.

— Я очень в этом сомневаюсь.

Мы замолчали.

— Спасибо за шоколад, сэ... э-э, Магнус, — произнесла я, захлопнув крышку и прижав коробку к себе.

— Спасибо, — повторил он, как будто не слышал моих слов. А потом наконец впервые, с тех пор как я открыла дверь, осмелился посмотреть на меня. Его взгляд был робким, но полным надежды. — Не за что, Андромеда.

Магнус покачался на мысках. На миг мне показалось, будто он сейчас уйдет, но его взгляд чуть дольше задержался на мне, после чего он вновь опустил глаза.

— Спокойной ночи, — сказал он и тут же скрылся в дверях.

— Спокойной ночи, — произнесла я в ответ. Я была настолько удивлена его внезапным уходом, что слова слетели с моих губ, лишь когда хлопнула дверь в его комнату.

Глава 8

Прошлый вечер вселил в меня надежду. Да, у Магнуса тяжелый характер, но хотя бы имелись сердце и совесть. Во всяком случае, он человек. Возможно, работа здесь будет не столь ужасной, как мне казалось поначалу.

Полная сил, я вышла из комнаты и обнаружила внизу лестницы Эмму.

— О, слава Иисусу. — Женщина постучала по перилам, оглянувшись через плечо, словно нас могли застать вместе. — Знаю, у тебя полно других дел, но эта комната находится в критическом состоянии.

Я прикусила щеку изнутри в попытке воздержаться от комментариев. Для обитателей дома, наводненного Воплощениями, *каждая* комната будет находиться в критическом состоянии. Однако ничего другого мне не оставалось.

— Показывайте дорогу, — сдалась я.

Эмма радостно улыбнулась.

— Она здесь, недалеко. — Девушка указала в конец коридора, но пошла рядом со мной. — Ну, как обустроилась?

— Честно говоря, хорошо.

— Правда? Даже не нарушила ни одного из уймы правил? — рассмеялась Эмма. На мой взгляд, правила были скорее скучными, чем смешными, но я улыбнулась, чтобы она не чувствовала себя в этом мнении одинокой. — Они полная ерунда. Пустая трата времени, я считаю. — Она взяла меня под локоть, и я поджала губы, борясь с желанием отстраниться. — Единственное правило, которое тебе нужно знать: Магнус совсем выжил из ума, и его следует избегать при любой возможности.

— Он немного странный, — сказала я, пожав плечами.

— Он сумасшедший, как и его папаша, — подтвердила Эмма. — Пегги говорит, это проклятие делает его таким, но у *меня* точно поедет крыша, если я попытаюсь это выяснить, находясь в его обществе.

Мы прошли по ковру, которого, я могла поклясться, вчера в коридоре не лежало, обходя стоявший на нем маленький столик, которого *однозначно* там не было. Одной тяги к перестановкам, конечно, недостаточно, чтобы называть кого-то сумасшедшим, однако все это явно немного... странно.

— Как по мне, есть всего два правила, — продолжала Эмма. — Держись подальше от Магнуса и не выходи по ночам.

— Насчет второго я согласна.

— Второе — самое важное. — В эту секунду она оступилась. Я покосилась на нее: ее брови сдвинулись на переносице, образовав глубокие морщины, на глаза навернулись слезы. — В этом доме пропадают люди, если не соблюдают осторожность.

— Пропадают...

В одиночестве.

Слова, будто легкий шепот, коснулись моего уха, и я резко остановилась.

— Что?

— Пропадают, — повторила Эмма. — Исчезают.

— Нет, я имела в виду...

Ты в одиночестве.

Холодок пробежал по моим и без того уже заледеневшим конечностям, слова привлекли мой взгляд к чулану, возле которого мы остановились. Амулет пульсировал, словно изнывающее сердце.

— У меня от этого дома мурашки по коже, — проговорила Эмма, подгоняя меня вперед. Она привела меня в одну из комнат, которую я уже видела во время осмотра дома, — пустую, если не считать огромного количества сажи.

— Вот оно. — Эмма указала рукой на камин — в эту минуту Том чистил его жесткой щеткой. — То, что отравляет мне жизнь.

— Грязный камин? — удивилась я.

Плечи Тома затряслись от смеха.

— Ты не понимаешь, — возразила Эмма, — он все время грязный. А когда грязный — дымит. И нам приходится чистить его, зная, что он в любую минуту снова испачкается.

— В этой комнате ничего нет, зачем же нужно разжигать очаг?

— Все очаги должны постоянно гореть. Иначе в доме ужасно холодно.

Уже при входе в комнату я ощутила характерное присутствие Воплощения, но все равно приблизилась к нему. Мой амулет не реагировал на него пульсацией, а значит, оно не представляло большой угрозы. В лучшем случае мелкое неудобство.

Я опустилась на колени перед грязным камином, Том отклонился назад, давая мне пространство. Я никогда

раньше не заглядывала внутрь очага... По правде сказать, не почувствуй я присутствие Сглаза, можно было бы решить, что все в порядке.

— Это происходит непредсказуемо, — поделился Том, почесав одну из бакенбард, — измазанные сажей руки оставили черный след на скуле. — Иногда во время внезапного грохота в доме, а иногда камин взрывается сам по себе. Ни тряски, ни звука, ни предупреждения. Единственный верный способ не покрыться сажей с ног до головы — почистить его, как только закончится извержение, но... — Тут он оглянулся на Эмму и ободряюще ей улыбнулся. — Нас в доме осталось не так много, поэтому сделать это не всегда возможно.

— Не так много? — повторила Эмма, с такой силой засунув руки в карманы своего фартука, что чуть не оторвала их. — Тут только мы с тобой, Пегги да Андромеда — *если* она останется. Бедняга Эдвард пропал.

— Он ушел, — поправил ее Том с усталым вздохом.

— Все лошади на месте. Вещей он не собирал. И ты всерьез полагаешь, что немощный старик отправится один в пустыню? Он пропал, как и все остальные.

— И куда они делись? — спросила я.

— Том считает, что они ушли, потому что больше не могли здесь находиться, — фыркнула Эмма.

Тот, вскинув брови, посмотрел на нее.

— Лучше уж так, чем думать, будто их где-то удерживают и освободят, лишь когда проклятие будет разрушено, как в какой-нибудь глупой сказке.

— Тогда давай спросим у Андромеды, что она по этому поводу думает.

Они оба в ожидании уставились на меня. В эту секунду мне захотелось самой забраться в камин и исчезнуть. Тем не менее я спокойно ответила:

— Я разберусь с этим.

— Вот видишь? — Том поднялся и поцеловал Эмму, оставив на ее лице грязные отпечатки там, где руками коснулся ее щек. — Не стоит так сильно переживать. Позволь профессионалу обо всем позаботиться.

Эмма пробормотала что-то невнятное — я не разобрала слов, потому что из очага вырвалось облако черной пыли. Оно расплзлось вокруг невидимого барьера, созданного моим амулетом, и обволакивало меня тьмой. Я наблюдала за тем, как пыль скользит по поверхности моего щита, и ухмылялась... Наверное, такая реакция на Воплощение казалась крайне неуместной, но я ничего не могла с собой поделать. Иногда простые радости — это все, что у нас есть.

Где-то в толще пыли Эмма вскрикнула в отчаянии, а потом они с Томом зашлись в кашле. Я дождалась, пока черное облако уляжется, и вышла в коридор, где они изо всех сил пытались оттереть лица грязной одеждой.

Амулет здесь потребуется простой, но меня, честно говоря, больше интересовал чулан, который мы проходили по пути сюда. Так что я захлопнула дверь и сказала:

— Советую вам некоторое время держаться от этой комнаты подальше. Пока будем обходиться без дополнительного тепла.

— Пегги это не понравится, — заметила Эмма.

— Что ж, она всегда может стать дебтерой и очистить ее сама.

Эмма с Томом переглянулись, их слегка потрясенные лица расплылись в улыбке.

— Я же говорил тебе, что она та самая, — сказал Том, обняв Эмму за плечи.

— Ну ладно, довольно бахвалиться, — проворчала Эмма, при этом улыбаясь. — Идем, от этой сажу у меня

щиплет глаза. — И они зашагали прочь по коридору, в сторону, как я предположила, своих комнат.

Дождавшись, пока они завернут за угол, я подошла к чулану. Оглядела запертую дверь и прислушалась. Вот оно: дыхание, похожее на шепот, доносилось из-за двери.

Я открыла ее, внутри меня ждала паутина. Не просто несколько сеточек тут и там — весь чулан был завешан свежей паутиной, которая тянулась от стены к стене, от потолка к полке, от полки к метле... Ползавшие по ней пауки занимались своим делом, как ни в чем не бывало.

Здесь были пауки всех мастей. С длинными тонкими ножками. Крохотного размера, меньше моих обкусанных ногтей. С красными спинками, коричневые и пушистые. Некоторые даже бледно светились в темноте.

Стоило мне заглянуть в дверной проем, как пауки с паутиной отпрянули назад от невидимой защитной сферы, созданной моим амулетом. Некоторые из них остались на месте. Одного я сняла со своего лица и откинула в сторону. Этим чуланом пользовались настолько редко, что настоящие пауки смешались с Воплощением.

Осторожно ступая, я вошла внутрь плотного сплетения паутины. Заметить настоящую не составляло труда, поскольку ее не пугал мой амулет, и я с легкостью убирала ее с пути, пока не оказалась в центре чулана.

Тут в паутине впереди меня раздался шорох, будто кто-то выдохнул и прошипел.

В одиночестве.

Я на миг задержала дыхание, прислушавшись. До меня донесся глухой стук — я резко подняла голову и увидела, как по поверхности моего щита над головой ползет огромный паук. Но слышала я отнюдь не его.

«В одиночестве», — повторило Нечто, на этот раз уже совсем близко.

Пауки... Воплощение... *дом* же не мог говорить со мной. И все же это слово настолько встревожило меня, что я достала паяльную ручку.

Ты всегда будешь в одиночестве.

Я замерла, не успев зажечь ее.

Оно никак не могло читать мои мысли. Воплощения на это неспособны. Нет, оно всего-навсего выпускало общий страх. Большинство тех, кто заходил в этот чулан, наверняка имели отнош...

Тебя никто не любит.

— Это неправда, — возразила я, мгновенно почувствовав себя глупо. — Бог любит меня.

«Никто», — проговорило Нечто.

Я полезла в сумку за серебряным диском, бормоча себе под нос:

— Дурацкое Воплощение.

Тебя никто не любит.

— Ты уже это говорило.

Он тебя не любит.

Я замерла, прежде чем выжечь первый штрих.

— Кто — он?

Я ждала. Не знаю, почему я не приступила к работе в наступившей тишине, но голос затих, а мне не хотелось пропустить ни единого слова.

Дыхание колыхало паутину, которая — о боже! — пока я не видела, поглотила уже бóльшую часть моего щита и теперь находилась прямо напротив моего лица. Большой светящийся белым паук, в чьем прозрачном тельце виднелись внутренности, тянул ко мне одну из своих восьми тонких лапок, ее кончик едва доставал мне до носа.

«Он никогда тебя не полюбит», — сказал он, мое тело охватила дрожь от прозвучавшего в его голосе веселья.

— Кто? — сдавленно повторила я.

В тусклом свете, пробивавшемся из коридора, сверкнули паучьи клыки.

Твой отец.

Внезапно ощутив что-то на своей ноге, я выскочила в коридор. Принялась стряхивать с себя пауков и остатки паутины, переводя дыхание. Не почувствуй я ничего, так бы и стояла до сих пор в оцепенении, не в силах пережить услышанное.

Сделав еще один глубокий вдох, я вспомнила те слова...
Он никогда тебя не полюбит.

Встряхнула головой, прогоняя навязчивый шепот.

Вполне вероятно, Воплощение говорило вовсе не обо мне. Ведь это Магнус был проклят — возможно, эти слова предназначались ему или даже его отцу. К тому же у меня не было настоящего отца. Во всяком случае, кровного, который был бы мне дорог. Вероятно, таковым можно было бы считать Джембера, но он совсем не обладал отцовским инстинктом.

И все же... точное попадание этих слов настолько меня обескуражило, что я мигом захлопнула дверь и бросилась в покрытую сажей комнату, более безопасную, решив лучше заняться ей.

Глава 9

Я вошла в столовую и обнаружила там Магнуса: тот сидел в одиночестве и читал книгу, положив ноги на стол. Значит, сегодня мы вдвоем, только я и он — облегчение и стресс в одном флаконе. Конечно, Магнус сам по себе не подарок, но мне хотя бы не придется общаться еще и с Келелой. Одного высокомерного выскочки хватало с головой.

Я села на свое обычное место и, придвинув стул к столу, поморщилась, когда деревянные ножки скрипнули по полу.

— Добрый вечер, Андромеда, — сказал он, не отрываясь от книги.

— Добрый вечер.

— Дай мне еще минутку, и я посмотрю на тебя.

Удивительно, как сильно его слова походили на угрозу.

— Ох, Магнус, — взволновалась Пегги. Она вошла через кухню, неся в руках две тарелки с чем-то красно-коричневым. — Опустите ноги, дитя.

Магнус поставил ноги на стул и устроил книгу на поднятых коленях.

— Спасибо, — сказала я, когда она поставила передо мной тарелку. На ней лежала кучка каких-то длинных, бледных... *штуковин*, политых красным соусом.

— Опустит ноги на пол, как подобает джентльмену. — Услышала я слова Пегги, пока пыталась понять, что же такое мне предстоит съесть. Червяков? Но у них вроде бы нет внутренностей... — Ты не кот.

Магнус зашипел на нее, и я с усмешкой посмотрела на них.

Лицо Пегги пылало.

— Опустит. Ноги.

В конце концов Магнус повиновался: его ноги соскользнули вниз и стукнулись об пол.

Женщина довольно кивнула, поставила перед ним тарелку и вышла из комнаты.

Магнус сидел тихо до тех пор, пока ее шаги не стихли. Затем отодвинул книгу в сторону, подальше от еды, и снова положил ноги на стол. А затем, как и обещал, посмотрел на меня.

— Эта женщина из принципа уморит меня голодом, — сказал он, беря маленький инструмент с тремя зубцами.

Я последовала его примеру и взяла свой прибор.

— Можно узнать, для чего он?

— Ты никогда не ела спагетти? — Магнус выпрямился, опустив ноги на пол, — казалось, мое невежество заставило его позабыть о демонстративном неповиновении. — Я влюбился в них после того, как провел целое лето во Флоренции.

По правде говоря, инструменты в наших руках и слово «Флоренция» ни о чем мне не говорили, но это не имело значения. Я наблюдала за тем, как он воткнул прибор в центр кучки и повернул. Спагетти скрутились вокруг него, образовав небольшой пучок.

Я старалась повторить его движение, но поворачивать прибор одной рукой было куда сложнее, чем казалось.

Магнус достал из-под стола бутылку вина, откупорил ее и налил себе гораздо больше одной порции.

— Как прошел день? — поинтересовалась я, прервав молчание. Прожив с Джембером не один год, я прекрасно знала, что такое количество алкоголя означало: физически, психологически, эмоционально, неважно как, но ему было плохо.

— Как мило, что ты спросила, — сказал Магнус. Он отхлебнул красной жидкости. — Если только ты не пытаешься вести светскую беседу. Тогда я отвечу: «Боже, разве нам *обязательно это делать?*»

Уголок моих губ дернулся в улыбке. Стоило признать, его чудаковатость нравилась мне все больше.

— А о чем бы вы хотели поговорить?

— Не знаю, — ответил он, уклончиво махнув рукой. — Какая твоя любимая вещь?

— Относительно чего?

— Выбери сама.

— Для меня вот это похоже на светскую беседу.

Магнус подавился вином и закашлялся.

Я протянула руку и похлопала его по спине.

— Вы в порядке, сэр?

Он прочистил горло, вытирая губы рукавом.

— Слетающая с твоих губ честность просто поражает меня.

— Неужели вы настолько привыкли к тому, что вам лгут?

Магнус задумчиво пожевал губу.

— Пегги желает мне добра. Мой круг общения в Англии выступал *категорически* против моей неспособности

сойти за белого, поэтому она так меня защищает. Не говоря уже о том, что у меня не было родителей.

Горстка спагетти, которую я пыталась взять рукой, выскользнула из пальцев и упала обратно на тарелку.

— Мне жаль.

Магнус собрался заговорить, но резко поднял палец, держа его до тех пор, пока не прожевал полный рот спагетти.

— О, не стоит. Меня грело мое несметное богатство. К тому же, раз уж я все равно должен был унаследовать фабрику отца, Пегги позволила мне бросить школу и отправиться в путешествие по континенту. Шесть месяцев в Испании, восемь месяцев в Германии. Затем я приехал сюда повидаться с *отцом*, но тот оказался ужасно несговорчив, поэтому я провел еще один месяц с Эсджеем и двинулся дальше.

Тон его голоса вынудил меня прервать мое занятие.

— Не думаю, что ваш отец имел что-то против вас. Уверена, он вас защищал.

— Не приписывай моему отцу черт характера, которыми он не обладал. — На секунду у Магнуса сделался несчастный вид, а потом он неожиданно сказал: — Как бы то ни было, после этого я путешествовал только там, где вкусная еда.

— Прекрасно вас понимаю, — ответила я. Спагетти вновь соскользнули с прибора, когда я попыталась поднести их ко рту. — Большинство моих решений основываются на еде.

Он ухмыльнулся.

— Я не удивлен. Здешняя еда дарит новые впечатления.

— Если вы любите новые впечатления, то почему не проводите кофейные церемонии?

Он задумчиво отпил вино из бокала.

— Они отнимают слишком много времени. А у меня не хватает терпения.

Что ж, по крайней мере он этого не отрицал.

— Жизнь не дает быстрых результатов, — возразила я, безуспешно пытаясь подцепить еще порцию макарон.

— Бедняжка, ты никогда раньше не пользовалась вилок? Давай я тебе покажу.

Магнус потянулся к моей тарелке — у меня замерло сердце, и я отдернула руку раньше, чем он успел бы коснуться ее.

Затем взял мою — как она там называется, вилака? — и начал накручивать на нее спагетти, при этом его густые брови, словно тень, нависли над глазами.

— Ты меня боишься, Андромеда?

Я невольно хмыкнула.

— Кто вообще станет вас бояться?

Его движения замедлились.

— Ты чего-то боишься.

Он протянул мне вилку, но я долгое время не решалась взять ее. Мне хотелось убежать. Скрыться за стеной. Надеть еще одну кофту. Что угодно, лишь бы спрятать то, что он видел... спрятать мою душу.

Я так и не смогла найти в себе силы забрать у него вилку, поэтому он положил ее на мою тарелку — *дзынь!* Потом откинулся на спинку стула, скривив губы — непонятно, то ли в улыбке, то ли в гримасе.

— Я так надеялся поужинать в компании, однако ты сейчас похожа на маленькую грозовую тучку. Неужели ты не умеешь веселиться?

— Веселиться? — повторила я в растерянности.

— Да, веселиться. Что именно тебе нравится?

Я моргнула несколько раз, пытаюсь убедиться, что весь этот вечер мне не привиделся. Должно быть, у меня случился эмоциональный приступ, вдобавок ко всему я не попробовала и кусочка этой еды, которую невозможно есть.

— Вы хотите мне что-то доказать, сэр?

— Доказать? Я всего лишь поддерживаю разговор.

Я сжала подлокотники своего стула, впившись ногтями в холодное дерево, и сделала глубокий вдох. Отчасти я понимала, что он прав, но меня уже достали его бесконечные назойливые вопросы. С другой стороны, он подарил мне шоколадные конфеты. Он пытался. И я могла хотя бы пойти ему навстречу.

— Мне нравится создавать амулеты.

— Тебе сколько лет, пятьдесят? Все, что тебе нравится, — это работа?

— Вы спросили — я ответила.

Магнус вскинул руки.

— Не стоит воспринимать все в штыки. Я просто никогда не встречал человека, у которого не было бы любимого занятия, понимаешь?

Я стиснула челюсти, пытаюсь сдержать готовые вырваться наружу слова.

Я хорошо обращалась с ножом, потому что у меня не было выбора. Бесшумно передвигалась, чтобы меня не могли заметить, чтобы избегать врагов, которых невозможно одолеть. Каждый новый полученный навык повышал мои шансы на выживание. А потому как мальчишка, который часами рисовал картины и музицировал просто из-за того, что ему это нравилось, мог меня понять?

Магнус снова наклонился к моей тарелке и взял вилку.

— Ты позволишь? — спросил он, поднося спагетти к моему рту. На мгновение я замерла. Он всерьез хочет

прибегнуть к традиции гурша* *сейчас*, когда я так смущена и раздражена? С другой стороны, этот милый дружеский жест мог прекрасно отвлечь от нашего разговора.

Я открыла рот и разрешила ему положить в него еду. На время застыла, наслаждаясь легким сладковато-ореховым ароматом его кожи — или свитера? — так контрастировавшим с пикантным вкусом у меня во рту. Но тут смущение разбудило во мне здравый смысл, и я отодвинулась, принявшись жевать.

Соус оказался острым, кисловатым, с сильным вкусом чеснока, а вот спагетти — склизкими и трудно прожевываемыми, они так и норовили проскользнуть в горло целиком, а не остаться у меня на зубах. Как я и предполагала, они немного напоминали червяков, только без привкуса белка. Странно, но не ужасно. Я определенно ела вещи и похуже: когда ты голоден, это не имеет значения.

— Тебе нравится? — спросил Магнус.

Прошло какое-то время, прежде чем мне удалось проглотить новое для себя блюдо.

— Их трудно есть.

Он ухмыльнулся, откинувшись на стуле.

— Зато забавно.

— «Трудно» и «забавно» для вас одно и то же?

— Нет. — Он помолчал, бокал с вином застыл у его губ. — Абсолютно. Я ненавижу тяжелую работу.

Не знаю почему, но его слова заставили меня слегка улыбнуться.

— Если дело не касается спагетти.

---

* Эфиопская традиция, символизирующая акт дружбы и любви. Во время трапезы с друзьями или семьей принято кормить других людей в группе одной рукой, вкладывая им в рот свернутую ынджеру с начинкой. Чем больше гурша, тем крепче дружба или связь.

Магнус поперхнулся вином и закашлялся, стуча себя по груди. Я наклонилась вперед, желая ему помочь, но он отмахнулся от меня.

— Черт возьми, Андромеда, я чуть не умер, — выдавил он, вновь вытирая губы рукавом свитера. — Могла бы предупредить, что ты такая смешная.

Я ощутила, как по моей шее от удовольствия разлился румянец.

— А вы говорили, у меня нет любимого занятия.

— Вот видишь, мы делаем успехи. Теперь я знаю, что ты не выносишь прикосновений, в глубине души ты смешная и не любишь спагетти.

— Не могу сказать, что *не* люблю.

— Ты отстранилась.

При этом в его голосе послышалось странное беспокойство, отчего мое лицо вспыхнуло. Мне не хотелось обсуждать отсутствие у меня элементарных человеческих навыков или то, почему я ими не обладала. Не знаю, с чего это вдруг стало иметь значение, но я по какой-то причине не хотела, чтобы он считал меня странной.

И я точно не хотела жалости к себе.

— В осторожности нет ничего плохого, — заметила я. — И я сейчас говорю о спагетти.

— В осторожности или в тревоге? — Он поднял брови. — Я видел, как ты ешь еду, которая тебе нравится.

— В *осторожности*. Я доверяю людям, когда они доказывают свою надежность. — Наш разговор приобретал явный пассивно-агрессивный характер, и меня это раздражало... отчасти. Но в некоторой степени он казался мне интригующим, даже захватывающим — настолько, что хотелось узнать, чем все это закончится. При мысли об этом я усмехнулась. — Дайте мне ынджеру, и я расправлюсь с ней за минуту.

Магнус расплылся в улыбке и, положив локоть на стол, подпер щеку рукой. Он смотрел на меня... не на мой шрам или на вьющиеся волосы, с большим трудом заплетенные в косы, а именно в глаза — так, как делал это вчера.

Я покраснела и отвернулась прежде, чем окончательно смогла понять, что выражал его взгляд.

— Это тревожит, — сказал он. Я тут же вновь уставилась на него. Его пальцы, легонько касаясь щеки, выбивали ритм, улыбка под действием слов чуть померкла. — Но это нормально. Я и сам переживаю.

— Из-за проклятия?

— Нет. Из-за того, что будет после.

— А что будет после?

— Я не знаю. — Он снова откинулся на спинку стула, сложив переплетенные пальцы на животе. — Мне все время кажется, что как только я освобожусь от проклятия... у людей отпадет необходимость быть со мной. Они уйдут. А я останусь...

— В одиночестве, — закончила я с содроганием. На мгновение закрыла глаза, стараясь выкинуть из головы шепот пауков. — Мне очень хорошо знакомо это чувство.

Магнус на секунду замолчал. Потом вдруг с громким скрежетом отодвинул стул и ушел на кухню. До меня донесся легкий стук, а после Магнус вернулся с маленькой корзинкой в руках. Поставил ее на стол передо мной и, откинув ткань, явил моему взору ынджеру.

У меня в животе тут же заурчало.

— Осталось от обеда, — пояснил он.

— Что это? — спросила я и, не дожидаясь ответа, оторвала кусочек лепешки, стараясь не выдать свою радость. — Награда за то, что развлекала вас?

— Награда? Нет, ну что ты. — В его глазах горел озорной огонек — настолько заразительный, что моя стойкость пошатнулась и на лице появилась легкая улыбка. — Я просто хочу посмотреть, как ты расправишься со спагетти за минуту.

Глава 10

Стоило мне выйти в коридор, как мой амулет откликнулся пульсацией.

Часы показывали восемь; оставалось еще два часа до Пробуждения — до того, как Воплощения начнут свою безумную активность. Однако чем ближе я подходила к комнате Магнуса, тем сильнее меня сковывал страх. Я приблизилась к его двери и приложила ухо. Послышалось тихое бульканье, словно вода плескалась о камень. Я повернула ручку и толкнула дверь, но та не открылась. Попыталась снова, навалившись на нее плечом, — дверь медленно сдвинулась с места, как если бы что-то подпирало ее изнутри. Я надавила еще раз и уже в следующую секунду, когда дверь поддалась, чуть не улетела вперед: мои ноги оказались по колено в воде.

Нет, не в воде. В чем-то гуще... и *краснее*.

Я уставилась на спальню: кровь начинала заполнять комнату, как стремительно нараставший поток реки. Магнус лежал в своей постели и крепко спал. Я пролезла в образовавшуюся щель, дверь под натиском жидкости захлопнулась за мной.

— Магнус! — позвала я. Тот даже не шелохнулся. — Просыпайтесь! — Я пересекла спальню через быстро прибывающую кровь, образованный амулетом щит отталкивал ее от моего тела.

Его грудь размеренно поднималась и опускалась, поэтому я со всей силы стукнула Магнуса по плечам. Никакой реакции. Не может же человек так крепко спать? Во всяком случае, естественным образом. Неужели это... часть Воплощения?

Я никогда не видела такого паралича. С другой стороны, я никогда не видела и комнату, заполненную кровью.

Я забралась на постель и подняла лежавшее мертвым грузом тело Магнуса за плечи, чтобы убрать его лицо подальше от крови, которая уже заливала кровать. И только я притянула его к своей груди, а его тело коснулось моего амулета, как он с испуганным криком проснулся и отпрянул от меня.

Магнус, тяжело дыша, сидел теперь на противоположном конце кровати, и, хлопая глазами, смотрел на меня так, будто пытался вспомнить, кто я.

— Это снова происходит?

— Нам нужно выбираться из комнаты, — сказала я. Когда реакции с его стороны не последовало, я схватила его за запястье. — Быстрее!

К тому времени кровь уже добралась до простыней; Магнус снова вздрогнул и наконец заметил.

— Это снова происходит, — пробормотал он и посмотрел на меня в ожидании помощи. — Боже мой.

— Я не смогу вас поднять. Вы можете идти?

— Да, но...

— Идемте со мной.

Я стянула его с кровати и повела к двери, он послушно последовал за мной. Кровь уже доходила нам до пояса, ее

удары о мой щит заметно его истончили. Я потянула дверь на себя, однако давление прибывавшей крови удерживало ее закрытой. Тогда Магнус безо всяких просьб встал сбоку от меня и схватился за ручку, упершись ногой в стену. Дверь лишь слегка сдвинулась с места, а после снова захлопнулась.

— Боже мой, — повторил он, начав паниковать пуще прежнего.

— Успокойтесь, — уговаривала я скорее саму себя, чем его. Меня еще никогда не заливало кровью, но в моем представлении это Воплощение ничем не отличалось от других. До тех пор, пока мой амулет работает...

Я окинула себя взглядом. Мой щит распространялся во все стороны всего на пять дюймов от тела, но этого оказалось достаточно, чтобы у меня родилась мысль.

— Считайте до десяти, а потом тяните изо всех сил.

— Нам нельзя ждать, она поднимается слишком быстро...

— Магнус, вы должны мне доверять. Просто сделайте, как я прошу.

Магнус весь дрожал — то ли из-за ледяной крови, то ли от страха, — его глаза были широко распахнуты.

— Один... — слабо проговорил он. — Два... — Он приготовился тянуть дверь на себя.

— Три, — сосчитала я вместе с ним. Затем нырнула в море крови, жидкость заглушила счет «четыре».

Амулет оберегал мое лицо и не давал мне утонуть. Я потянулась свободной рукой и нащупала дверь. Если с помощью образованного амулетом пространства мне удастся немного ослабить давление в нижней части двери, то она наверняка откроется легче.

«Во всяком случае, я на это надеюсь».

Магнус, наверное, уже дошел до семи... Восемь... Девять...

Однако со счетом я промахнулась: дверь открылась раньше, чем я ожидала. У меня не было времени на размышления, поэтому я просунула руку и ногу в щель и вцепилась пальцами в деревянные доски до того, как дверь отлетела назад, чуть не врезав мне по лицу. Но этого удара оказалось достаточно, чтобы мой щит сломался окончательно. Я задержала дыхание и зажмурилась, когда кровь поглотила меня. В эту секунду Магнус, сместившись, врезался в меня ногами, дверь отодвинулась и начала раскрываться все шире, образовав небольшую щель благодаря мне.

Чем сильнее дверь раскрывалась, тем дальше я, надавливая на нее плечом, проползала в коридор. Наконец мне удалось выбраться из комнаты: я ловила ртом воздух и сплевывала кровь, струившуюся по лицу и волосам, в то время как море оставалось в пределах дверного проема. Затем я поднялась на ноги, чтобы обрести равновесие, и протаранила дверь плечом. Магнус высунул ногу. Я снова ударила по двери — показалась верхняя половина его туловища; он так же, как и я, тяжело дышал, хотя в его вздохах ощущалось больше паники. Я продолжала врезаться до тех пор, пока он полностью не освободился и не встал рядом со мной, удерживая дверь под давлением жидкой массы.

— Отпускаем на счет три, — скомандовала я, Магнус не стал возражать. — Раз.

— Два, — принялся он считать со мной. — Три!

Мы опрокинулись назад, и сила кровавого потока захлопнула перед нами дверь. От удара об пол у меня перехватило дыхание, я несколько раз поймала ртом воздух в попытке отдышаться. Мы лежали неподвижно, холодная, насквозь промокшая одежда липла к телу. Я быстро вытерла лицо, чтобы кровь не попала в глаза, давая

себе время перевести дух. Как только до меня дошло, что мы с Магнусом по-прежнему держимся за руки, я тут же разжала ладонь.

— С нами все в порядке, — сказала я, чувствуя холод и оцепенение в теле, от которых не спасала даже его рука. — Можете отпустить меня.

Он тоже раскрыл ладонь, после чего мгновенно свернулся калачиком и задрожал. Мы лежали лицом друг к другу. Отчего-то такое положение показалось мне глубоко личным, и я быстро перекатилась на спину.

— А от этого есть амулет? — поинтересовался Магнус, тяжело дыша.

— Амулеты есть от всего.

Я вскочила на ноги и помчалась по коридору в свою комнату, оставляя за собой красный след. Схватила корзинку со всеми материалами сразу, вместо того чтобы искать нужное в темноте. Когда я вернулась к комнате Магнуса, тот стоял перед дверью и с опаской косился на нее, будто она могла распахнуться в любую минуту. Но стоило мне с корзиной сесть на пол, как он последовал моему примеру, прижимая к себе мокрую одежду и стуча зубами.

Мне было так холодно, что я едва могла держать пальник в руке. Тогда Магнус принес из другой комнаты тяжелое одеяло и масляную лампу — только после этого я смогла продолжить работу. Вскоре кровь начала удаляться от наших тел, убегая от создававшегося амулета. Сначала каплями, потом брызгами она заскользила по полу и скрылась под дверью комнаты. Внутри раздался рев бушующего моря, а потом — бульканье, словно кто-то выдернул пробку из сливного отверстия.

Кровь отступила, подобно охваченной паникой толпе, когда я приблизилась к завершению. Влага и пятна

исчезли, а наша одежда высохла, будто Воплощение никогда не касалось нас.

Я открыла дверь в спальню, придерживая одеяло на плечах, и не почувствовала сильного присутствия, кроме стоявшего у меня за спиной Магнуса. В комнате не осталось и следа крови. Я отыскала на стене место, где амулет не так просто разрушить, и прибила его к ней.

— Теперь здесь будет безопасно, — сказала я, сильнее кутаясь в теплое одеяло.

Усталый взгляд Магнуса скользнул по моему лицу.

— На тебе все еще кровь. — Тут его глаза слегка расширились. — Ты поранилась.

Я отступила быстрее, чем он шагнул ко мне, коснувшись моего лба. Дотронувшись до кожи, я ощутила острую боль, затем небольшую пульсацию и больше ничего. Из-за царившего в помещении холода все мое тело онемело.

Я отвела его руку от своего лица и легонько толкнула в его сторону.

— Я в порядке.

— У тебя кровь, — повторил он, как бы оправдывая причины вторжения в мое пространство. — Саба может тебя осмотреть.

— Бывало и хуже, — ответила я и тут же отвернулась, чтобы не видеть жалости, которая обычно при этих словах появляется на лицах людей. — Спокойной ночи, Магнус.

— Как ты узнала, что мне грозит опасность?

Я замерла у двери, побарабанила пальцами по дереву и снова повернулась.

— Мой амулет пульсирует. — Я почувствовала, как по лбу потекла теплая струйка, и приложила ладонь, чтобы ее остановить. Возможно, рана оказалась серьезнее, чем я думала. — При встрече со Сглазом.

— Как бьющееся сердце?

— Наверное.

— Ты спасла меня, Андромеда. — Магнус опустился на кровать. Он все еще выглядел слегка потрясенным. Растерянным. — Я твой должник. Однажды я уже тонул заживо, и это был довольно неприятный опыт, который совсем не хочется повторять.

— Тонул заживо?

— Дом уже не в первый раз проделывает такое. Тогда я находился в другой комнате... Она, наверное, до сих пор покрыта красными пятнами. — Он взглянул на меня со всей серьезностью, словно та комната была самой важной деталью этой истории. — Воплощение парализовало меня точь-в-точь как сегодня. Я не мог выйти, не мог позвать на помощь. И если... если тебе знакомы ощущения, когда ты тонешь: твои легкие сжимаются от нехватки воздуха, голова вот-вот взорвется. Так вот, я испытывал то же самое на протяжении всей ночи. Мои легкие горели, умоляли о вздохе. И так до самого утра, пока кровь не отступила...

В моем горле застрял готовый вырваться наружу всхлип. Я сочувствовала ему как никто другой. Потому что сама росла с этим ощущением. Несколько раз во время подготовки к «реальному миру» Джембер душил меня и заставлял искать способы вырваться из его хватки. Чаще всего этот эксперимент заканчивался тем, что я теряла сознание. А потом он читал мне лекцию о том, как обратить вес своего тела себе на пользу и не бояться вдавливать большие пальцы в глазницы нападающего.

Разумеется, в конце тех тренировочных дней мы, как правило, крали пахлаву из пекарни на углу. Сомневаюсь, что Сглаз одаривал Магнуса сладостями всякий раз, когда переставал его топить.

Молодой человек рассеянно теребил свитер, просовывая пальцы между переплетениями пряжи и растягивая в ней дырки.

— У него даже не хватило порядочности меня убить, — пробормотал он.

Я подошла к кровати и, немного помедлив, положила руку ему на плечо.

Положение в замке было гораздо хуже, чем я предполагала. Стоило догадаться, раз десять лицензированных специалистов до меня с этим не справились. Было ясно как день: я влипла по самые уши. Мне нужен был совет. Помощь.

«Хотя бы раз, Джембер, пойди мне навстречу».

Магнус оглядел меня, а потом открыл ящик возле кровати, достал носовой платок и протянул мне.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы Саба осмотрела тебя?

— Все хорошо, — пробормотала я, вытирая лоб и прижимая влажную ткань к ране.

— Как я могу отплатить тебе?

— Это моя работа, сэр.

— Спасение моей жизни не относится к твоей работе. Ты могла бы бросить меня страдать. Или соорудить амулет снаружи комнаты, в безопасном месте. Я перед тобой в долгу.

Он встал — двигаясь достаточно медленно, чтобы я могла отступить назад... находясь довольно близко, чтобы стоило это сделать.

— Назови свою цену, Андромеда, — потребовал Магнус.

Я взглянула ему в лицо: он смотрел на меня сверху вниз. Бросал мне вызов. Ему хотелось знать, сдамся ли я и попрошу ли что-то взамен за его спасение, но я, какой

бы мелочной ни казалась, не желала этого делать. Я при-
выкла отвечать на вызов и запугивать в ответ.

Но сейчас мне почему-то хотелось лишь утешить
его.

— Вы ничего мне не должны, — произнесла я.

— Тебе ничего не нужно от меня?

Я не могла ответить на этот вопрос. Во всяком случае,
простым «да» или «нет». Деньги, но он и так платит
мне. Еда и кров — они у меня есть. Я могла бы попросить
еще шоколадных конфет, но от них никакого толка. Про-
сто ответ ради ответа.

Нет, он спрашивал о чем-то более серьезном. О том,
что лично мог дать мне, что было бы сопоставимо с его
спасенной жизнью. В таком случае его вопрос становил-
ся куда страшнее. Я бы никогда не смогла на него ответить,
даже если бы знала что.

— Что ж, раз ты ни о чем не просишь... — Магнус
отступил назад и, выдвинув ящик, достал маленькую де-
ревянную коробочку. Извлек из нее пачку купюр и про-
тянул мне, даже не удосужившись пересчитать.

— Нет, — сказала я, шагнув назад. — Я спасла вас не
ради награды.

— Считай это премией за хорошо выполненную ра-
боту.

— Хм-м-м... — Было бы очень глупо с моей стороны
не взять деньги. За душой у меня водилось всего шесть
центов, а я сейчас принципиально отказывалась. На-
верное, довольно странно обращать внимание на сумму,
но мне хватило одного взгляда на разноцветные купюры,
чтобы их сосчитать. В пачке было больше, чем моя плата
за неделю. Должно быть, это ошибка. — Я еще не полу-
чила мое недельное жалованье. Давайте будем считать,
что вы просто заплатили мне раньше.

— Ради бога, возьми их уже, — с тяжелым вздохом произнес он. — Твое жалование тебе выплатят завтра, как прописано в договоре. К тому же я уверен, ты найдешь им лучшее применение, чем я.

Мне было стыдно даже прикасаться к деньгам. Он платил мне из неверных побуждений — я не могла смириться с мыслью, что получала плату за то, что поступила правильно. Но в то же время отказываться от такого щедрого подарка было крайне невежливо. Я спрятала свернутые купюры в кулаке.

— Спасибо... Наверное, вам лучше лечь спать, — поспешно добавила я, как только Магнус собрался заговорить, и шагнула к двери.

— Я не могу отпустить тебя с кровоточащей раной. Каким бы хозяином я тогда был? — Он говорил тихим, полным надежды голосом, что мне оставалось лишь послушно кивнуть. Магнус скрылся в своей личной ванной комнате. Я услышала, как он открыл шкафчик, передвинул несколько предметов, а после вернулся с пузырьком прозрачной жидкости.

Он вновь вторгся в мое личное пространство, одна-ко я не пыталась уйти. Мое сердце бешено колотилось, но не от страха и не от прилива адреналина. Его взгляд был прямым, острым. Что казалось невозможным, поскольку в присутствии гостей его глаза всегда были опущены — вероятно, в душе он боялся узнавать людей. Зато сейчас он буквально пронзал меня взглядом, лишь тень застенчивости мелькала в его карих глазах.

В следующую секунду Магнус, будто прочитав мои мысли, перевел взгляд на мой ноющий от боли лоб. Забрал у меня из руки носовой платок — мышцы дернулись, когда моя ладонь опустела, я и забыла, что держала его, — и смочил его прозрачной жидкостью, принесенной

из аптечки. После чего без предупреждения прижал его к ране. Я поморщилась, на мгновение закрыв глаза, моя рука накрыла его руку в попытке убрать ее от...

Его ладонь... лежала на моем затылке. *Гладила* его. Меня. Я сглотнула, сделав глубокий вдох. Его прикосновение успокаивало — ничего подобного я никогда раньше не испытывала. *Позволено* ли мне было... получать удовольствие от этого жеста? Даже если он ничего не значил — а так оно и было. Магнус лишь помогал мне. К тому же он всего на год старше меня. Не будь он моим наставником, мы считались бы сверстниками.

Проверив свою работу, Магнус оторвал маленький кусочек марли и нанес на него каплю липкого лекарства. Я сдержала улыбку. Сосредоточенность придавала его лицу милое очарование, делала похожим на маленького мальчика, когда он накладывал марлю на мой порез, аккуратно приглаживая ее большими пальцами, чтобы лекарство под ней равномерно распределилось, а каждый уголок держался на месте. В его усталом, раздраженном лице произошла приятная перемена.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Он промокнул края марли платком, убирая излишки лекарства, и вновь заглянул мне в глаза. Но стоило мне отступить, как он заморгал, словно вышел из транса.

— Спасибо, что позволила мне быть полезным.

Щеки Магнуса зарделись, он покраснел до самого кончика носа. Он выглядел таким милым — боже мой, хватит, о чем я вообще думаю? Я быстро потупила глаза.

— Спокойной ночи, сэр, — сказала я, отвернувшись.

— Магнус.

Я задержалась у двери и, оглянувшись, встретила с ним взглядом. Мне бы следовало сказать, чтобы он перестал так пялиться на меня. В конце концов, это неприлично.

Даже странно, по правде говоря. Однако его взгляд не был навязчивым или бесстыдным. В нем читалась безмолвная просьба юноши, жаждавшего общения.

А после сегодняшнего события это общение, по-моему, было нужно мне не меньше, чем ему.

— Спокойной ночи... — Я взялась за дверную ручку и шагнула в коридор. — Магнус.

Глава 11

Проснулась я с болью в животе и мыслями, полными ужаса.

Я боялась не залитой кровью комнаты. В моем расстройстве было несколько часов, чтобы осмыслить это происшествие. И не того факта, что мой амулет почти не защитил меня. Последнее вызывало бóльшую тревогу, но Джембер наверняка знал способ сделать амулет сильнее.

Если только он соизволит мне помочь.

Я скатилась с кровати и надела вещи, в которых пришла в самый первый день. Если поспешу, то успею застать Джембера до того, как он уйдет из церкви на весь день. Он работал по ночам, поэтому его следовало перехватить прежде, чем он ляжет спать, иначе настроение его будет в два раза сквернее. К тому же имелась вероятность, что в присутствии священников он будет вести себя более сдержанно.

Я достала немного денег из своего тайника за шкафом и сунула их в скрытый карман сумки. Теперь оставалось молиться, чтобы Том или Эмма согласились меня подвезти.

Двери в помещениях для прислуги не были широко распахнуты, как в остальной части дома, ни один лучик солнца не проникал сквозь большие мутные окна. Лишь тянулся длинный узкий коридор с низким потолком. Холодный — в прямом и переносном смысле. Пустые комнаты по обеим сторонам от меня стояли закрытые, как гробницы. Как хорошо, что из единственной открытой двери доносились голоса, — я боялась, что мне придется искать их по всему дому.

— Почему мы не можем просто уехать? — спросила Эмма. — У нас накоплено достаточно денег, чтобы вернуться в Лондон, и полно друзей, у которых можно остановиться, пока мы будем устраиваться на новую работу.

— Если потерпим еще несколько недель, денег хватит, чтобы начать собственную жизнь.

— Но какой ценой?

Я стояла прямо в дверях, но они даже не смотрели в мою сторону — видимо, я умела сливаться с обстановкой лучше, чем полагала.

Том взъерошил пальцами волосы.

— Дай Андромеде время. Уверен, она...

— У нас нет времени, Том. Эдвард исчез так же, как и другие. Теперь все, что у нас осталось, — это мы.

Я откашлялась. Они быстро обернулись, и Эмма чуть не подпрыгнула от испуга.

— Доброе утро, — поздоровалась я.

Только мне стоило взглянуть на Эмму, как та отвернулась и принялась поправлять покрывало на кровати.

Том со вздохом пощипывал переносицу.

— Чем мы можем тебе помочь, Андромеда?

— Вы не могли бы подвезти меня в город?

Эмма резко развернулась, ее лицо мгновенно сникло, словно лишившись силы тяжести.

— Ты же не оставишь нас?

Я попыталась заверить ее улыбкой, но не знаю, насколько убедительно у меня это вышло. Я ждала этой поездки не больше, чем она — моего ухода из дома.

— Просто нужно кое-что купить на рынке.

— Боже милостивый, конечно! — Эмма схватила сумочку с приставного стола. — Мне хочется убраться из этого треклятого места.

В окружавшей город каменной стене сомнительной прочности — на ее противоположных концах — находилось двое специальных въездных ворот высотой пятнадцать футов, и на них было легко забраться — именно так я и поступила бы, не будь у меня компании.

Том направил лошадей по одной из двух пыльных дорог, достаточно широкой для нашего гигантского экипажа. Мы двигались еле-еле, стараясь не сбить покупателей. Огромные кареты с мягкими сиденьями для этого города были не в новинку. Однако я прожила здесь семь лет, с тех пор как Джембер получил свою должность при церкви, и редко видела, чтобы подобный транспорт двигался по улицам. Обычно он направлялся в сторону выезда.

Примерно в миле от центральной площади, где стояла церковь, две главные дороги заканчивались и сливались в одно большое кольцо вокруг внутренней части города. Здесь располагался дорогой козий рынок — место, где путешественники оставляли своих животных, а богачи — экипажи. В стойлах уже паслись несколько верблюдов, ослов и лошадей. Я вылезла из кареты как раз тогда, когда Том спустился с козел. Он дал подошедшим к нам мальчишкам несколько монет, и те молча принялись распрягать наших лошадей.

Затем Том подал Эмме руку, помогая выбраться. Женщина взялась за нее, а другой рукой надвинула широкополую шляпу на лоб. Несмотря на то что ее лицо скрывала тень, она поморщилась.

— Уже так жарко. Нам не стоит здесь надолго задерживаться.

Я снова, как и перед нашим отъездом, окинула взглядом их наряды, хотя теперь было слишком поздно что-либо говорить. На них была одежда не из шерсти, но похожего типа — слишком тяжелая и тесная для такого климата. Платье Эммы и брюки Тома плотно прилегали в поясе к телам, словно они вспотели. По правде говоря, на улице было еще не очень жарко, но тут любой, укутавшись так, взопрел бы, независимо от погоды.

— Надолго — это на сколько?

— Ну, мы надеемся, эта поездка стоила долгой дороги. — Эмма покосилась на Тома в поисках поддержки. — Я, наверное, выдержу час.

Тот кивнул.

— Этого хватит, чтобы быстро позавтракать. Нам еще понадобятся силы, когда Пегги станет отчитывать нас.

Час. Притом что сам путь туда и обратно занимал времени в два раза больше. Совершенно нелогично, хотя сейчас это беспокоило меня меньше всего.

— Значит, через час, — подтвердила я. — Встречаемся здесь же.

Я не пошла сразу в церковь. Вместо этого отправилась на козий рынок, где купила немного тэжа* у пастуха — его вино было лучше и крепче, не говоря уже о том, что

---

* Тэж — алкогольный напиток, готовящийся народами Эфиопии из корней, веток и листьев дерева гейшу с добавлением меда диких пчел и специй (часто используется хмель) для горечи.

дешевле всего того, что продавалось на обычном продовольственном рынке. Что-то мне подсказывало: глоток для храбрости мне сегодня не помешает.

Мгновение я восхищенно разглядывала медовое вино, а после не отказала себе в удовольствии глотнуть прямо из бутылки. Оно было сладким, потом горьким, немного пряным, обжигающим. У меня слегка закружилась голова. В последний раз я пила алкоголь, когда жила с Джембером... Я словно ощутила вкус дома.

От этой мысли вино во рту вдруг сделалось ядовитым.

Я убрала бутылку в сумку и нырнула в спасительную сеть дорог. Если две главные дороги и рынок были покрыты пылью, то остальные улицы — вымощены камнем, ширина их позволяла проехать лишь одному экипажу или спокойно пройти бок о бок двум взрослым людям. По обеим сторонам улиц тянулись ряды квадратных десятифутовых зданий из бетона и цемента: друг от друга они отделялись лишь яркими цветами, в которые были выкрашены некоторые дома, или перпендикулярно уходившим переулком, продолжавшим сеть.

Город был спроектирован так, чтобы выстоять в войне: если врагу удастся прорваться сквозь оборону стен, то он столкнется с лабиринтом улиц, решив добраться до центра. Но, к разочарованию архитекторов, войны обошли город стороной. Теперь в лабиринте путались лишь приезжие да пьяницы.

Я торопливо петляла по улицам, стараясь не казаться грубой, здороваясь с людьми на ходу.

Только добравшись до главной площади, я замедлила шаг.

Церковь из красного облупившегося камня была самым старым зданием в городе, она возвышалась на платформе

из дюжины ступеней. Такая же величественная, как и замок Магнуса, но более элегантная и благородная. Даже без платформы она была в три раза выше остальных домов, четыре плоские стены тянулись к небесам.

Я достала из сумки нетелу* и покрыла ею голову, обмотав шарф вокруг шеи, а потом стала неспешно подниматься по ступеням, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Умиротворяющие звуки песнопений нарастали с каждым шагом и переходили в эхо, когда я, сняв сандалии и скрывшись от солнца, вошла внутрь. Красочные изображения святых на стенах и колоннах при входе по очереди приветствовали меня добрыми внимательными взглядами. Ноздри щекотал дурманящий аромат ладана. Большой белый занавес загораживал вид на алтарь и тем самым не позволял сразу меня заметить. Все осталось таким же, как и до моего ухода.

В физическом плане церковь больше не была моим домом, но именно здесь впервые за последние недели я ощутила себя спокойно.

Главный алтарь занимал большую часть первого этажа. Его окружали расписанные колонны, которые создавали по периметру узкий проход с несколькими комнатами вдоль стен, чьи дверные проемы закрывали тяжелые белые шторы. В каждом проеме между колоннами стояли большие вазы, заполненные водой или всевозможными травами, — я поочередно пряталась то за ними, то за колоннами. Горстка людей стояла в молитве лицом к алтарю, где Джембер, сидя на ступенях, мастерил амулет.

---

* Нетела — двухслойная ткань ручной работы из хлопка, напоминающая шарф, которую носят эфиопы и эритрейцы; предназначена исключительно для женщин.

На нем была официальная одежда дебтеры: белый тюрбан — чуть шире из-за дредов, которые он отказывался отстригать, — и белая мантия с красными, зелеными и желтыми полосками по подолу. А также официальный наряд Джембера: красные кожаные перчатки, высокий черный ботинок на левой ноге и протез из тусклого металла на правой. Борода растрепана, хотя сама одежда опрятная.

Пока я наблюдала за его работой, меня захлестнули смешанные чувства. В первую очередь я скучала по нему. Но не будь я свидетелем того, как он с мастерской скоростью вырезает сложные узоры, это чувство наверняка стало бы последним. Потому что лишь одно восхищало в нем — его работа.

И именно по этой причине с восхищением соседствовал гнев — чувство, которое мне необходимо подавить, если я собираюсь просить его о помощи.

Я старалась не шевелиться — не только из уважения к обряду, но и из нежелания показаться Джемберу на глаза раньше. Спустя несколько минут он начал петь — это был сигнал молящимся о том, что нужно выпить небольшую чашу святой воды, стоявшую на полу перед каждым из них. Я высунулась из-за колонны чуть дальше, чтобы разглядеть, для каких Воплощений предназначались амулеты, и это было ошибкой. Джембер глянул в мою сторону, не пропустив ни одной ноты исполняемого песнопения.

«Может, он меня не видел.

Конечно, Анди. А еще в пустыне не жарко».

Значит, мое появление ничуть его не удивило. Как только обряд закончится, мне придется подойти к нему. Никаких приветствий и пустой болтовни — Джембер их терпеть не мог. Я должна была говорить четко и быстро.

Наконец молебен завершился, и молящиеся осенили себя крестным знаменiem, коснувшись рукой лба, груди и поочередно каждого плеча. Джембер завернул каждый амулет в простую ткань и вручил всем нуждающимся. Те приняли их со склоненной головой, молча, слышался лишь шорох их удаляющихся шагов.

Я выскользнула из-за колонны, потому что хотела подготовиться к встрече. А еще мне было любопытно узнать, что же за амулеты он сделал. Для изгнания домашних призраков дебтере приходилось идти к самому источнику. А в случае, если кого-то вдруг постигала неудача, заболел скот или не созрел урожай, от Сглаза избавлял обычный амулет.

Это были первые виды амулетов, которые я научилась делать, еще до того, как Джембер изъявил желание меня обучать. В процессе создания много времени занимало не само изготовление амулета, а обряд.

Я дождалась, пока последний прихожанин покинет церковь, и подошла к алтарю.

— Джембер, мне нужна твоя помощь.

Даже не посмотрев на меня, он продолжил собирать вещи.

— Просто назови мне имя, — произнес он натянутым голосом.

Я закусила губу. Выгоняя меня, Джембер дал мне четкие указания — предельно четкие, с такими же наглядными примерами последствий в случае моего неповиновения: беспокоить его, только если мне грозит опасность. Не можешь раздобыть еду? Разбейся сама. Негде ночевать? Его это не волнует. А если кто-то угрожает мне или пытается причинить вред? Это единственная причина, по которой мне позволено обратиться к нему.

За все это время мне неплохо удавалось избегать опасности — частично благодаря тому, что я маленькая и знаю свой физический предел, поэтому стараюсь держаться от людей подальше. Но в основном потому, что я не хотела просить у него помощи. Не хотела доставлять ему удовольствие, встречаясь с ним на его условиях.

Тем не менее у меня не было имени, мне казалось неправильным называть его лишь для того, чтобы он выслушал меня. Тем более тот, кого бы я назвала, уже к утру мог быть мертв.

— Я по работе, — добавила я быстро. — Это Воплощ...

Он зашагал прочь, даже не удостоив меня взглядом. Ноги у него были намного длиннее моих, так что мне, несмотря на его хромоту, приходилось бежать следом.

— Мне нужно знать, правильно ли я избавилась от него, — сказала я.

Он не остановился. Он уже почти достиг комнаты в дальнем конце коридора, куда мне, дебтере без разрешения, не позволялось входить. Именно здесь перед богослужением священники переодевались из повседневной одежды в священные мантии.

Я выскочила перед ним и преградила ему путь.

— Джембер...

— Отстань от меня, девчонка.

Вместо того чтобы позволить мне отойти самой, он ткнул меня в лицо корешком книги, которую держал в руках. Я отшатнулась в сторону, радуясь тому, что удар был не сильным, но злясь на себя за то, что не устояла на ногах.

В следующую секунду Джембер скрылся за шторой, а я осталась потрясенно стоять. Однако потрясение быстро

сменилось молчаливой яростью, голова была готова взорваться, точно раздавленный помидор. Я думала позвать его по имени, но мне казалось нелепым просить о чем-то, стоя в коридоре.

Я сделала глубокий вдох. Оставался всего один вариант. Ну ладно, два. Можно было пойти долгим и спокойным путем: дожждаться, пока он закончит все свои дела, и встретиться с ним дома. Это, скорее всего, заняло бы час или два, и я могла не получить желаемую информацию. И всегда имелся быстрый способ, весьма... сомнительный. Но у меня не было пары часов на ожидание.

Поэтому я втянула воздух...

Так истошно я не кричала уже очень давно. Когда я замолчала, крик, отразившийся эхом от каменных стен, поразил меня саму. Я тут же услышала нужную мне реакцию: пара священников за занавеской тихонько вскрикнули от страха и отчаянно зашагали по комнате. Но никто из них не вышел, поэтому я закричала снова.

Из-за шторы, отодвинув ее в сторону, показалась кроваво-красная перчатка Джембера, его глаза бешено сверкали, как у растревоженного льва. Он до сих пор не снял тюрбан, зато сбросил мантию, оставшись в одних белых штанах и нижней рубашке — той самой, которую носил с тех пор, как мне исполнилось пять лет, местами настолько изношенной, что она, казалось, вот-вот порвется. Он сжимал в руке макомью, длинный церковный посох, воткнув его в пол так, будто пытался пробить насквозь. При виде него я не смогла побороть дрожь, которая в такие минуты всегда меня охватывала. Я отступила на несколько шагов, хотя понимала: Джембер уже долгие годы не наказывал меня, тем более в стенах церкви — никогда.

Только не там, где могли увидеть священники.

— Ты совсем спятила? — прорычал он, приближаясь ко мне столь же стремительно, как я отходила назад.

— Если я скажу да, ты меня выслушаешь?

— Я могу потерять должность, если они узнают, что это ты тут визжишь, как...

— Есть опасное Воплощение, которое почти... — Тут моя босая нога оступилась на неровном каменном полу, и на этот раз мой крик был искренним. Джембер поймал меня за небрежно накинутую нетелу, отчего та плотно обхватила мою голову, и намотал ее на руку, не позволяя мне убежать.

Используя ткань в качестве поводка, он практически подтащил меня к чулану, а затем втолкнул перед собой. Внутри не было свечей, однако проникавшего в дверной проем света было достаточно, чтобы я могла уцепиться руками за полки и не врезаться в них лицом.

— Я потрясен, Анди, — произнес он с легкой усмешкой в голосе. — Что бы сказал Бог по поводу твоей коварной выходки?

Стиснув зубы, я сдвинулась к боковой стене — теперь я не была загнана в угол.

— Бог милосерден. В отличие от тебя.

Джембер сместился вместе со мной, и солнце осветило половину его лица, искаженного в рыке.

— Я тоже милосерден, — ответил он без прежнего веселья. — Ты можешь выйти отсюда на своих двоих, или же я могу избить тебя до потери сознания и спустить с лестницы.

Я предусмотрительно вытащила нож, но теперь понимала, что в нем нет необходимости. Мне не было видно его лица, однако он сжимал державшую за шарф руку другой так, словно ударил кулаком по стене. Переоценив

свои силы, он случайно задел мою шею. Любое прикосновение к человеческой коже, даже сквозь перчатки, было невыносимым для него. *«В тебя будто вонзаются осколки стекла, проникая до самых костей»*, — поделился он однажды, когда я спросила, каково это.

Все дело было в отсутствовавшей ноге, которой он каким-то образом лишился из-за Сглаза. Но расспросы о деталях этого происшествия отчасти являлись причиной, почему при виде его макомии я вздрогнула. Так что в конце концов я решила: пусть уж лучше это остается тайной.

Именно поэтому меня не должна была трогать его нынешняя боль. Не должна была волновать. Как жаль, что это не так. Боже мой, мне по-прежнему было больно видеть, как он сморщился.

«Соберись, Анди. Ему на тебя плевать. Так почему тебе должно быть не все равно, что с ним?»

— Почему ты решил мне не помогать? — спросила я.

Джембер положил здоровую руку на горизонтальную перекладину своего жезла и оперся подбородком на костяшки пальцев, перенеся вес тела с протеза на ногу.

— С какой стати дебтеру без разрешения волнуют Воплощения?

Вопрос был вполне логичным, но все равно причинял боль, как свежая рана.

— Я бы не просила тебя о помощи, если бы ты меня не вышвырнул.

— Да, ты бы сейчас была замужем, как остальные девушки твоего возраста, и изводила бы своего мужа, а не меня.

Я фыркнула.

— Ты сам вырастил меня так, чтобы я не проявляла особого интереса к браку, так чего же ты ожидал?

— Я ожидал, что ты примешь решение на основании правильных принципов выживания. Но безопасно-му дому и стабильному доходу ты предпочла улицу. — Он опустил руку, в которой пытался унять боль, сжал ее в кулак и снова выпрямился. Во время его передышки мне следовало найти более безопасное место. — У тебя есть три секунды, чтобы решить: уйдешь ты отсюда или нет.

— Я уйду, — ответила я. Несмотря на угрозу, он не собирался меня бить, поскольку не спал с самого утра, создавая амулеты. Он был намного крупнее и мощнее меня, а я — быстрее. Мы оба без слов понимали: ему не хватит сил.

И все же, если надавить на него чуточку сильнее, достаточно будет даже небольшой вспышки ярости, а я не горела желанием очнуться за церковью с заплывшими глазами.

— Комната, залитая кровью, — выпалила я. — И уже не впервые. — Джембер оторвал посох от земли, и я, воспользовавшись этой возможностью, выскочила в коридор. — Он сказал, что в последний раз тонул заживо.

Джембер ударил жезлом по каменной стене, проверяя его на прочность.

— Он увидел Воплощение и *решил*, что тонул, а страх спровоцировал в его теле симптомы.

Я замерла.

— Такое возможно. Но... — Я отшатнулась в сторону, чуть не прикусив язык, и прижала руку к голове. Череп пронзила острая боль, я моргнула несколько раз в попытке вернуть четкость зрения после удара, но глаза тут же затуманили слезы. Глупые слезящиеся глаза. Предатели. — Значит, это Воплощение не опасно? Беспокоиться не о чем?

— Нельзя утонуть и при этом остаться в живых. — Джембер не торопился меня догонять — он наступал, постукивая посохом по стене. — Как тебе удалось заполучить клиента без разрешения?

Я пятилась по мере того, как он надвигался на меня. На этот раз ему не удастся застигнуть меня врасплох.

— Он посчитал отсутствие разрешения преимуществом.

Глаза мужчины едва заметно сузились.

— Чтобы платить тебе меньше?

Я видела, что он мысленно перебирает все возможные варианты причин и довольно скоро придет к верному ответу. Поможет ли он мне, узнав, что я взялась за работу, от которой он отказался?

— Он платит мне достаточно. Я ведь пока не умерла с голоду.

Джембер почти загнал меня к главному алтарю, но вдруг остановился.

— Без разрешения ты долго не протянешь. А твоего профессионального уровня не хватит, чтобы добиться покровительства.

— А кто в этом виноват? — Мое лицо вспыхнуло, внутри снова вскипела ненависть к нему. — Ты сказал, выходи замуж за незнакомца или живи на улице. Ты не оставил мне иного выбора, кроме как взять ситуацию в свои руки.

— Ты ищешь нового наставника?

— А тебе какое дело, старик? Ты бросил меня умирать.

Я отпрянула назад, у кончика моего носа пронесся ветерок от взмаха макомии. Когда посох раскололся о камень, я вздрогнула и прижалась к противоположной стене в попытке увернуться от наконечника, который отломился и упал. Мы молчали все то время, пока он катился

по полу и в конце концов не остановился. Сама я этого не видела, только слышала, потому что сердито смотрела на Джембера, а тот на меня. Ненависть сдавила мне горло, лишив меня голоса... Она заглушила боль, смешанную со страхом и омрачившую мою тоску.

У Джембера болела нога — я знала это наверняка, поскольку он не бросился за мной. Вместо этого он сжимал в руке сломанный посох и наблюдал за моей ненавистью, не давая мне повода усомниться в ней.

Он был поистине бессердечен. Я всегда это знала, а теперь убедилась окончательно. Он лишь пустая оболочка человеческого существа. От этой мысли мне захотелось зарыдать, но я подавила это желание. Он не заслуживал видеть человеческие эмоции, испытываемые в его адрес... Не заслуживал знать, как я хотела — жаждала, — чтобы он тоже что-то почувствовал ко мне. Что-то человеческое, рожденное не из необходимости.

Я поморщилась, однако удара сломанным посохом больше не последовало. Напротив, он бросил его к моим ногам.

— Перестань вести себя как ребенок, Андромеда, — мрачно произнес Джембер. — *Ты сама* это выбрала. Нечего винить меня в своих никчемных принципах выживания.

С этими словами он развернулся и ушел, оставив меня наедине с тоской и ненавистью, желание разреветься нарастало во мне с каждой секундой.

Я сглотнула слезы, пока они не успели затуманить мой взор, и выбежала из церкви; святые глядели мне вслед с горечью и разочарованием.

Глава 12

Не успела я войти в свою комнату, неся сумку с покупками, как в коридоре послышался торопливый топот, сопровождаемый резким звоном колокольчиков. Я обернулась как раз в тот миг, когда Магнус широко распахнул дверь и встал в проеме.

Его челюсти были плотно сжаты — я видела это по заметно напряженным мышцам, — щеки пылали.

— За что я тебе плачу? — требовательно спросил он. — Какой от тебя толк, если я не знаю, где ты находишься?

Кудрявые волосы на его голове были в беспорядке, длины зелено-голубой рубашки с воротником-стойкой хватало, чтобы скрыть отсутствие на нем брюк. Я быстро отвела взгляд от его голых ног — к Джемберу без штанов я уже привыкла, поскольку наблюдала эту картину с самого детства, а вот подобный вид Магнуса почему-то заставил меня покраснеть. Я положила сумку на кровать и принялась перебирать ее содержимое, стараясь, чтобы на глаза не попало мое новое нижнее белье.

— Я ходила за покупками.

— Ты должна была мне сообщить.

— Только не говорите, что вы скучали по мне.

Он все еще хмурился, но уже заметно успокоился.

— Ты единственный рассудительный человек в этом доме. Я уже несколько дней умираю со скуки.

— Вы три года развлекали себя сами — еще один день ничего не изменит.

Он прислонился плечом к дверному косяку.

— Ну, может, ты хотя бы что-нибудь купила мне — за все мои страдания и боль?

— Надо было купить вам штаны.

Магнус быстро оглядел себя и выскочил за дверь. Воспользовавшись его отсутствием, я убрала нижнее белье, но вскоре его ноги, на этот раз в штанах, вернули его в мою спальню.

— И еще, — сказал он, влетая в комнату и застегивая на ходу ремень, — почему здесь так жарко? Ты открыла окно? Я не выношу духоту.

Я закатила глаза.

— Вы слишком много жалуетесь.

— Остальных это, похоже, устраивает. — Он плюхнулся на мою кровать и, выгнув брови, уставился на меня. — Итак? Что ты мне принесла?

— Ничего. Потому что вы избалованный ребенок. — Я сложила тканевый мешок и хотела его убрать, когда Магнус взял меня за руку. Его ладонь была холодной и при этом мягкой. Гладкой. Во мне вспыхнуло желание прикоснуться к ней, чтобы согреть, но я не сдвинулась с места. — Вы хотели мне что-то сказать?

— В следующий раз, когда соберешься уходить, по крайней мере сообщи мне. — Он выпустил мою руку, после чего стиснул ткань одеяла. — Слушай, ты прости мне излишнее беспокойство. Я проснулся и решил, что ты... В общем... — Он быстро встал и, взъерошив волосы

пальцами, направился к двери. — Просто в следующий раз хотя бы объяснись. Это элементарная вежливость.

— Я бы не ушла, не закончив работу, — сказала я, и он резко остановился в дверях.

Магнус, обхватив себя руками, застыл между теплой комнатой и холодным коридором, а потом развернулся ко мне и вошел обратно.

— Так что ты купила?

— Несколько предметов первой необходимости.

— Я мог бы тебе всё дать. В следующий раз напиши мне список, и я отправлю кого-нибудь за покупками.

— Мне нужно было выбраться. Сменить обстановку.

— Ты потратила премию?

Я усмехнулась. Просто он выглядел таким озадаченным, что я не смогла удержаться.

— А что еще я могла потратить?

— Ты не должна тратить свои деньги на подобные вещи. Раз уж сейчас ты живешь в моем доме.

— Я предпочитаю быть независимой.

— Тебя поэтому выгнали с учебы? За твою независимость? — Когда я не удостоила его оскорбительные вопросы ответами, он склонил голову набок и посмотрел на меня, как растерянный щенок. — И все же, почему тебя выгнали? Ты мне так и не сказала.

— Потому что это не ваше дело.

— Ты спала со священниками?

Я потрясенно разинула рот и, просверлив его свирепым взглядом, запустила в его голову подушку. Он едва успел ее поймать, вывалившись в коридор.

— Знаете, вам необязательно быть все время таким невыносимым.

Он округлил глаза.

— Я невыносимый?

Судя по его реакции, эта новость стала для него открытием, что было довольно странно. Неужели раньше ни у кого не хватало смелости перечесть ему?

— И грубый.

Магнус кивнул, прижал подушку к груди и слегка подался вперед, будто внимательно слушая.

— А еще?

В его вопросе не было и намека на сарказм. Я помолчала.

— Нетерпеливый.

— Верно. Хочешь повышения зарплаты?

— Нет, Магнус... — Я сделала глубокий вдох. — Я хочу, чтобы вы стали лучше.

— Ты первая дебтера, кто выражает недовольство моей личностью.

— Вам в лицо.

— Ты так думаешь? — Он замолчал и, опустив взгляд на свои носки, пошевелил пальцами ног. — Я был... немного напуган... когда увидел, что тебя нет. Думал, ты ушла навсегда. Наверное, остальные уходили, потому что тоже не могли вынести мой характер.

— Я могу вынести, Магнус, даже самые ужасные ваши черты, — сказала я, шагнув ближе. Он снова встретился со мной взглядом: его глаза были полны надежды, а еще какой-то уверенности и приятного умиротворения. — Но это не значит, что вы можете все время вести себя как капризный ребенок. Я знаю, в душе вы хороший человек. Было бы неплохо время от времени это показывать.

— Я могу быть хорошим. Могу я что-то сделать для тебя?

— Это искренний вопрос?

Он взглянул на меня так, будто я пошутила.

— Да. Я хочу сделать все, чтобы ты больше никогда не уходила.

Я усмехнулась.

— Это было бы почти милое заявление, не будь оно столь эгоистичным.

— Ты незаменима, Андромеда. Надеюсь, ты об этом знаешь.

— Скажите мне об этом — и я узнаю.

Магнус замолчал, словно потрясенный таким требованием.

— Ты незаменима. — Он вдруг опустил глаза, потирая лицо и хмуро глядя себе под ноги. — Но я по-прежнему плачу тебе за работу. Так что больше никаких побегов.

— Да, сэр.

— Называя «сэром», ты лишаешь меня жизни. Ты убьешь меня раньше, чем я умру от старости.

— Магнус, — исправилась я.

— Да?

Я прикусила губу, чтобы не засмеяться.

Он уже собрался что-то сказать, но передумал и вместо этого откашлялся. А чуть позже спросил:

— Ты хотя бы скучала по мне?

Я почувствовала стук сердца в своем горле. Так странно — ощущать одновременно удовольствие и тошноту.

— Не слишком.

Он выгнул бровь.

— Жестокая девчонка. И это после всех моих попыток быть милым с тобой.

— Каких, например?

— Я сказал, что ты незаменима, верно? Не говоря уже об испытываемых мной неудобствах, когда я надевал брюки на ходу.

— Вы мой работодатель и по определению должны их носить.

— Я имел в виду... — Он замолчал, на его щеках разлился румянец смущения. Затем он взял мою бутылку тэжа и принялся крутить горлышко в руках. — Да, ты права. Как говорит Эсджей, нам ни к чему судебные иски.

Его реакция была такой... очаровательной. Стоило мне это признать, как мои щеки тоже зарделись, поэтому я быстро задвинула эту мысль подальше и взяла себя в руки.

— Хотите сказать, отсутствие брюк для вас постоянная проблема?

— *Один раз* не считается постоянным. — Он откупорил бутылку и тут же отпрянул, не успев поднести ее к губам. — Боже! Этот апельсиновый сок протух.

— Это медовое вино, — пояснила я и, забрав у него бутылку, прижала ее к себе. Магнус закашлялся, а после содрогнулся от рвотного позыва, словно кот, подавившийся комком шерсти. Я закатила глаза. — Вот что бывает, когда берешь чужое без спроса.

— Отвратительно. — Он с усилием сглотнул. — Я уже от одного только запаха слегка опьянел.

— Ой, перестаньте. Алкоголь действует по-другому. — Я взяла его за руку, чтобы проводить до двери. В ответ он положил свою ладонь поверх моей — тепло и жизнь оставили на моей коже успокаивающий след. — Если не возражаете, я хотела бы немного отдохнуть.

— Конечно, Андромеда, — произнес он, похлопав меня по руке, — все что пожелаешь.

Я посмотрела на него, вскинув брови.

— Благодарность?

Он вышел в коридор.

— Может быть, поужинаем вместе? Через несколько часов, когда ты проснешься?

Я кивнула.

Магнус прислонился к дверному косяку, барабанил по нему пальцами, затем глубоко вздохнул и посмотрел на меня.

— Я правда... *очень* рад, что ты вернулась.

И с этими словами он ушел — как обычно, настолько быстро, что я не успела ответить. Станный юноша. Станный, непростой... забавный... временами милый... и совершенно очаровательный.

Мои щеки вновь запылали, только на этот раз я не стала этому противиться, даже если кто-то увидел бы меня.

— Я тоже рада, что вернулась, — крикнула я в сторону распахнутой двери его спальни, после чего закрыла свою и отправилась спать.

Глава 13

Из сна меня вырвал стук в дверь. Открыв ее, я обнаружила на пороге приветливо улыбающуюся Сабу с изысканной коробкой в руках.

— Привет, Саба, — поздоровалась я, почесывая голову. — Очень надеюсь, что там шоколадные конфеты.

Она вскинула брови, как бы говоря: *«А я очень надеюсь, что вы шутите»*, и подняла крышку: внутри оказались всевозможные бутылочки, баночки, крема и масла.

Я разинула рот. А потом издала звук, который не слышала от себя уже очень давно.

Радостный визг маленького ребенка.

— Это все твои? — спросила я, не в силах скрыть нетерпение.

Саба покачала головой, ее улыбка сделалась шире.

— Мои? — удивилась я, хотя уже и так знала ответ... Никак не могла поверить. Но знала.

Саба подтолкнула ко мне коробку, побуждая взять ее, хотя меня даже не нужно было уговаривать. Я торопливо положила ее на кровать, чтобы перебрать косметику. Мыло, лосьоны, скрабы. Масла, которые до этой работы я могла бы себе позволить, только копив деньги

несколько месяцев. Я даже и не мечтала когда-нибудь прикоснуться к этим пузырькам, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться их содержимым.

Девушка опустила на пол маленькую деревянную кашку и поставила воду греться на огонь. Затем стала распускать мои волосы, параллельно разглядывая их. Она достала из коробки с маслами серебряные ножницы и показала мне.

— Да, спасибо, — сказала я. — Уверена, моим волосам очень нужна стрижка.

Саба сжала мои плечи, взяла расческу и принялась за работу. Я сидела молча, а в моей памяти всплывали воспоминания.

— В последний раз мне стригли волосы, — заговорила я, — в начале моего обучения на дебтеру. Тогда Джемберу пришлось их мне сбрить. Наверное, священники боялись подцепить вшей.

Особенно мне запомнилось, как я плакала в переулке за церковью, пока Джембер сидел у меня за спиной с опасной бритвой в руках. Не потому, что мне было больно или я очень не хотела расставаться с волосами, а потому, что это нужно было сделать, — потому что несколько мужчин, которые меня даже не знали, беспокоились, что я могу принести в церковь вшей.

Они считали меня грязной.

Однако на этот раз все было иначе. С каждым щелчком ножниц моей голове становилось легче. Наверное, будучи служанкой, Сабе не раз приходилось заниматься подобным, но сейчас она делала это не из-за работы. А потому, что ей... было *не все равно*.

Закончив стричь и причесывать меня, она жестом показала мне раздеться. Сначала я мешкала, а потом, заперев дверь спальни, стащила с себя одежду и положила

ее на кровать. Только амулет оставила на месте — после того первого Пробуждения я больше не собиралась его снимать.

Саба протянула мне сосуд и показала на своих руках круговые растирающие движения. Я кивнула, после чего она помогла мне забраться в кадку. Внутри сосуда, судя по запаху, был сахар, смешанный с ароматными маслами. Она вылила мне на голову воду — горячую, но не обжигающую. Я взяла немного смеси в руки и начала ее втирать. Это было... Я никогда не испытывала ничего подобного. Смесь оказалась менее шершавой, чем песок, а шелковистый след масел дарил неземное блаженство. Тем временем Саба принялась натирать мне кожу головы маслом без сахара, и я даже была вынуждена остановиться, чтобы насладиться происходящим.

Если бы меня попросили расставить по местам самые приятные ощущения на свете, то массаж головы с небольшим отставанием занял бы третье место, сразу после чувства полного желудка и возможности спокойно опорожнить кишечник. Одним словом, это было чудесно. Я закрыла глаза, чтобы лучше запомнить ощущение нагревающегося при трении масла, успокаивающие ритмичные движения по коже головы, удовольствие от того, что пальцы наконец свободно скользят по всей длине волос, не натываясь на колтуны.

К концу мытья я ощущала себя так, словно скинула десять фунтов проблем и песка.

Честно говоря, я даже не помнила, чувствовала ли я себя когда-нибудь настолько чистой. Однако решила слишком много об этом не думать, иначе могла расплакаться.

Саба окатила меня несколькими ведрами холодной воды — вынести это было бы куда сложнее, не будь моя

комната нагрета с помощью амулета. Потом заставила меня снова одеться и усадила напротив зеркала, чтобы заплести альбасо: тонкие и толстые косы чередовались спереди и переходили в копну кудрей на затылке. Кудри. Настоящие кудри, а не просто пушащиеся завитки. Прическа выглядела мило. Я выглядела милой. А еще здоровой, и... намного лучше, чем за всю свою жизнь.

Мое ничем не примечательное лицо вряд ли можно было сильно улучшить, хотя с моей стороны, наверное, было глупо отказываться от предложенного Сабой макияжа. Тем не менее прежде чем растворяться в чужом представлении о совершенстве, нужно было немного привести себя в порядок. Пока я чувствовала себя собой, только чище.

А вообще мне было хорошо. Хотелось верить, что и остальные умели ценить чистоту и приличный внешний вид. Я-то уж точно. Вся процедура заняла несколько часов, но результат стоил каждой потраченной минуты. Наверное, это было лучшее, что когда-либо происходило со мной.

— Спасибо, Саба, — выдохнула я. Затем коснулась волос — секущиеся поврежденные кончики сменились относительно мягкими прядями — и посмотрела на довольное выражение лица моей подруги в зеркале. — Можешь себе представить? Все это время я молчала.

Саба охнула и склонилась над моим стулом, ее плечи затряслись. Я вскочила и уперлась коленом в сиденье, желая узнать, что же случилось, но гримаса испуга быстро сменилась широкой улыбкой. Она смеялась. Зрелище было настолько радостным и заразительным, что я мгновенно, подавшись порыву, присоединилась к ней.

— Для меня ты, наверное, лучший человек, — поделилась я, схватив ее за — ничего себе! — поразительно

жесткое плечо. — У тебя такие твердые мышцы. Видимо, оттого, что Магнус заставляет тебя выполнять всю тяжелую работу.

Саба закатила глаза, но при этом на ее губах играла легкая снисходительная улыбка.

— Мне пора возвращаться к работе, пока Магнус снова не сошел с ума, — сказала я, подавшись вперед. И замерла. Не будет ли Саба против объятия?

Нет. Мне не хотелось переступить личные границы своей единственной подруги. К тому же я и сама была в объятиях не искушена, а потому боялась все испортить.

— Только давай я сначала помогу тебе прибраться, — предложила я, на что Саба, вскинув руки, покачала головой. Затем с усмешкой вручила мне мою корзину с инструментами, выпроводила из комнаты и захлопнула за мной дверь. Я оказалась перед собственной закрытой спальней.

В этом доме все были очень странными. Но Саба, во всяком случае, в хорошем смысле.

Я стала спускаться. Поездка в город, дневной сон, сильное запоздалое преображение — большую часть дня я не работала. С другой стороны, я никогда не устраивала себе выходной. При этом можно было бы в полной мере воспользоваться тем, что в моем распоряжении имелся более мощный амулет.

Как только я сошла с лестницы и завернула за угол, до меня донесся странный звук, похожий на тугие щелчки какого-то инструмента. Я слышала его и раньше, в первую ночь здесь — ночь настолько пугающую, что я практически забыла: она началась с прекрасной музыки. Я пошла на звуки мелодии и обнаружила Магнуса за маленьким пианино. Инструмент, как и все предметы, которые

ему нравились, был искусно украшен. Остальную мебель закрывали белые простыни, а сквозь раскрытые шторы в комнату проникал яркий солнечный свет. Кружащая в его лучах пыль походила на волшебство и выглядела почти неосязаемой. В комнате, как и в других помещениях, было холодно, но сегодня воздух почему-то казался чуточку теплее.

Я поставила на пол корзину и облокотилась на пианино, некоторое время наблюдая за игрой Магнуса, а потом сказала:

— У вас сломано пианино.

Магнус вскинул глаза, потом еще раз, уже внимательно, посмотрел на меня и пропустил несколько нот, словно не ожидал меня увидеть. Или, скорее всего, удивился тому, что я действительно подготовилась к вечеру. Я издала смешок, и он залился краской, одарив меня застенчивой улыбкой, после чего продолжил играть.

Не знаю, почему я рассмеялась. В том, что я его напугала, не было ничего смешного.

— Хорошо выглядишь, — заметил Магнус. Складывалось впечатление, будто он не закончил свою мысль. Но вместо того чтобы договорить, принялся теревить край листа, то складывая, то разворачивая ноты.

— Э-э, спасибо. Саба подрезала мне волосы. — И сейчас они находились в лучшем состоянии, чем за все эти годы, но ему необязательно об этом знать. — Похоже, она всецело предана вам. Надеюсь, вы хорошо ей платите.

— О, Саба получает все что захочет. То, что принадлежит мне, принадлежит и ей.

Я в этом сомневалась, однако с Магнусом лучше было решать вопросы поочередно.

— Я имела в виду плату за работу.

— Ей не платят. Она имеет такой же доступ к моему состоянию, как и я. Одно из преимуществ быть старым другом, — сказал он, продолжив исполнение быстрых канонических нот. — И, кстати говоря, это клавесин, а не пианино. — Он играл молча еще некоторое время. — Ты хуже любого призрака в этом доме, Андромеда. Хочешь напугать меня своим неожиданным появлением и расспросами?

Он сознательно закончил наш разговор, но я была не в силах злиться на него. В конце концов, я получила ответы на свои вопросы.

— Сомневаюсь, что это возможно, Магнус.

Было приятно видеть, как он улыбнулся, когда я произнесла его имя. Во всяком случае, я вообразила, будто причина улыбки крылась именно в этом. Скорее всего, он просто не мог одновременно играть и быстро переворачивать ноты, с чем сейчас как раз и столкнулся.

Магнус снова взглянул на меня.

— Полагаю, невозможно напугать равного.

— Я работаю на вас. В наших отношениях нет ничего равного.

— Ты оказываешь мне большую услугу. И я в ответ делаю для тебя то же самое.

— Вы наняли меня. Вы платите мне.

— Да, но ты не обязана была соглашаться на эту работу. Кроме того, мы равны во многих отношениях. — Между нами повисло молчание, и комнату заполнила музыка. — Мне нужно, чтобы ты переворачивала страницы.

— Пожалуйста.

— Что «пожалуйста»?

Я возвела глаза к потолку.

— Вы хотели сказать: «Пожалуйста, Андромеда, не могла бы ты переворачивать страницы?»

— Так ты сможешь мне или нет? Я уже приближаюсь к концу и предпочел бы не останавливаться.

— Скажите «пожалуйста», и я подумаю над вашим предложением.

Тут Магнус запнулся, его пальцы запутались и в конце концов со шлепком ударили по клавишам. Он неуверенно поднял на меня глаза, словно был не в силах совладать с нервами. Однако это я не могла справиться с его взглядом. Мне нравилось, когда он смотрел на меня, но сейчас этот взгляд был слишком пристальным, слишком глубоким. Я не хотела, чтобы он раскрыл меня прежде, чем я сама разгадаю его.

«Он тебе не враг, Анди».

И все же я с некоторой натянутостью в голосе поинтересовалась:

— Почему вы смотрите на меня?

— Потому что я могу, — почти небрежно ответил он.

— Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали.

— Ничего не могу с собой поделать. Ты не... — чем дольше он медлил с ответом, тем более неловко ему становилось. — ...не *исчезаешь*, когда мы смотрим друг на друга.

Все мое тело оцепенело, но не из-за холода.

— Исчезаю?

— Стоит мне кому-то посмотреть в глаза, как на следующее утро этот человек исчезает. Все его вещи остаются в комнате, но его самого будто никогда не существовало. Он просто... испаряется.

Я задумчиво прикусила губу.

— Все обитатели этого дома должны носить амулеты.

— Они не станут их носить. Пегги стара и полна предрассудков в отношении всех, кто не относится к протестантам. Я как-то пытался ей сказать, что считаю себя причиной этих исчезновений, но она решила, будто у меня психическое расстройство. Она знает, что во всем виновато проклятие, но не верит, что дело именно во мне. Вот тогда-то я и придумал список правил. Если никто не хотел меня слушать, то я мог бы по крайней мере держать их на расстоянии.

— Почему бы просто не добавить амулеты в этот список?

Магнус покачал головой.

— Они не станут их носить. Даже Эсджей с Келелой не смогли никого убедить.

— Теперь понятно, — сказала я, указав на его запястья. — Почему вы носите колокольчики.

Он кивнул.

— Так люди слышат мое приближение.

— А я думала, вам просто нравится всех раздражать.

Магнус снова ухмыльнулся. Мне, пожалуй, даже нравилась эта ухмылка.

— За эти три года Саба была моим единственным настоящим другом. Мне трудно общаться с людьми, если я не могу на них смотреть... Мне нравится видеть глаза людей.

Его взгляд манил меня, подобно маяку. Я никак не могла собраться с мыслями, когда он смотрел на меня столь пристально.

— Что вы играете? — торопливо поинтересовалась я, глядя на его инструмент.

— Сонату Баха. — Сначала его лицо просветлело, а затем он поморщился. — При этом очень плохо. Его произведения стоит играть по всем правилам, а я никогда не был силен в точности.

Я понятия не имела, о чем речь. Однако Магнус хотя бы перестал гипнотизировать меня взглядом, чего я как раз и добивалась.

— А мне ваша игра показалась чудесной.

— Ты знаешь Баха?

— Я вообще не знакома с иностранной музыкой.

— Отлично. Значит, ты не заметишь разницы, если я испорчу еще одно произведение.

Я сдавленно рассмеялась, пытаюсь сдержаться, и закрываю лицо руками — мне потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

— Возможно, если бы вы занимались музыкой столько же, сколько и рисованием, то не были бы так недовольны собой.

Магнус скрыл веселье за маской обиды.

— Господи, Андромеда. Не напоминай мне о моих неудачах. Это слишком жестокое наказание.

— Тогда больше занимайтесь.

— Не хочу прикладывать много усилий.

— Значит, довольствуйтесь посредственностью.

На этот раз он по-настоящему уставился на меня во все глаза, вновь теребя уголок страницы.

— Иногда ты и правда меня пугаешь. Не до ужаса, конечно, но... заставляешь чувствовать все намного сильнее. Мыслить глубже. И много потеть. С тобой ничего не бывает легко. И, честно говоря, после того как люди всю жизнь только и делали, что выслуживались передо мной... Мне действительно нравятся такие перемены.

Я ощутила, как мою шею залил румянец. Непонятно почему. Вряд ли его речь можно было назвать комплиментом.

— Вы странный человек.

— Из твоих уст это звучит как похвала. — Его мальчишеская обнадеживающая улыбка стала еще шире, когда я усмехнулась. Он похлопал по скамейке перед пианино. — Не желаешь присесть?

Немного помедлив, я обошла инструмент и опустилась на скамейку. От Магнуса, как и от любого мужчины, исходило сильное тепло, и я вдруг поняла, что сижу вплотную к нему, плечом к плечу. В таком положении он был выше меня. Не знаю, почему я заметила это только сейчас.

В любом случае сидеть было куда приятнее, чем стоять. Солнце грело мне спину, прогоняя холод.

Я почувствовала, как он склонился ко мне и моих волос что-то коснулось — возможно, его нос, поскольку все это время я смотрела на его руки, сложенные на коленях.

— Ты приятно пахнешь, — произнес он.

— А вы, похоже, удивлены. Неужели раньше я волновала?

— Просто в этом доме все кругом пахнет сыростью. Я никогда не замечал.

Точно разъяренная кошка, я смахнула его нотную тетрадь с подставки, продолжая при этом ухмыляться, пока он сверлил меня хмурым взглядом.

— Что значит никогда не замечали?

Его недовольный вид медленно, словно он не привык делать это искренне, сменился улыбкой.

— Я лишь хотел сказать, что запах человека не имеет значения.

Я уже не помнила, о чем шла речь до этого, поэтому некоторое время мы сидели молча. Я сжимала губы, чтобы не заулыбаться. Просто я слишком сильно наслаждалась нашей милой беседой. Затем развернулась лицом

к инструменту — как он его назвал? Квалесин? — и провела пальцем по его отделке.

— Спасибо вам за крем и масла, — сказала я в попытке сменить тему, чтобы не чувствовать себя такой... окрыленной.

— Благодарю Сабу, только она разбирается в подобных вещах. — Он поглядел на меня. — А теперь, пожалуйста, не могла бы ты переворачивать страницы?

Я улыбнулась. Исходившее от его тела тепло, которое я ощущала даже сквозь свитер, вызывало восхитительно сладостные мурашки на коже.

— Раз уж вы так любезно просите.

Магнус наклонился, поднял с пола тетрадь и раскрыл ее на нужном музыкальном произведении, загнув страницы назад и немного смяв корешок.

— Ты умеешь читать?

— Ноты? Нет. Джембер обучал меня гимнам устно.

— Тогда я кивну, когда буду готов, хорошо?

Я кивнула в ответ и, приготовившись, подалась вперед.

Он заиграл.

Звучавшая музыка была похожа на льющееся масло — медленная, плавная, но при этом непредсказуемо небрежная. Не его игра, а сама мелодия. Ее смысл. Словно любовная история посреди переполоха.

— Я только мешаю, — сказала я, когда его теплая рука потянулась мимо меня к клавише с высокой нотой.

— Ты никогда не мешаешь, — ответил Магнус, и эти слова показались мне чем-то большим, чем правда.

В следующий миг он кивнул, и мое сердце, как бы глупо это ни было, бешено заколотилось, сбавив темп, лишь когда я благополучно перевернула страницу и услышала, что он спокойно продолжил играть.

— Переворачивать страницы всегда так тяжело?

Магнус рассмеялся и пропустил пару нот. Похоже, смех давался ему все лучше. Он звучал более естественно.

— А ты как думаешь, почему я поручил это дело другому?

— Избавляться от Воплощений Сглаза куда проще.

— Для тебя — безусловно. Ты продвинулась в этом деле дальше всех дебтер.

Я уже начала переворачивать страницу, когда Магнус недовольно цокнул языком, будто прогонял кошку со стола.

— Вы кивнули! — возразила я.

— В другую сторону, это реплика.

— Что за реплика?

— Верни на начало!

Моя рука метнулась к другой странице, но дернула ее слишком резко — и тетрадь упала на клавиши. Магнус вовремя убрал руки и засмеялся. Не со злобой или сарказмом, а с очаровательной искренностью, как мальчишка, услышавший самую смешную шутку на свете. Его смех был заразительным, пробуждавшим во мне желание рассмеяться в ответ.

Наверное... я могла бы выжить за счет одного этого смеха, если бы для выживания в этом мире не требовались деньги.

Я пихнула его в руку.

— Я же вам сказала: я не умею читать ноты.

Магнус обнял меня за плечи одной рукой, и у меня перехватило дыхание — мне с большим трудом удалось его восстановить.

— Для первого раза ты справилась прекрасно, — общил он, продолжая широко улыбаться, и потянулся вниз, чтобы подобрать с пола тетрадь. Для этого ему пришлось убрать руку — я мгновенно ощутила ее отсутствие.

Он уже выпрямлялся, когда застыл на полпути, глядя куда-то поверх меня.

Я обернулась и увидела кровь, стекавшую по стенам с потолка. Изготовить амулет было намного проще в момент активности Воплощения. Мне нужно было зачистить его до того, как оно стихнет.

— Оно больше не причиняет вреда, — сказал Магнус, стоило мне встать. — Останься.

Его слова вынудили меня на время замереть. Я посмотрела на Магнуса: он по-прежнему сидел на скамейке, в его глазах читалась надежда, как в тот вечер, когда он вручил мне шоколадные конфеты. Этот взгляд будоражил меня как ни один другой. Он просил всего-навсего о человеческом общении, контакте глаз, какой-то дружеской близости. И я была единственной, кто мог ему это дать. В некоторой степени я чувствовала себя эгоисткой, поскольку отказывала ему в том, что сама принимала как данность каждый день. Однако освобождение этого дома — единственный способ его спасти, чтобы больше никогда ему не пришлось полностью зависеть от одного-единственного человека.

С другой стороны, я считала себя эгоисткой по иной причине... из-за нежелания его спасти. Мне хотелось оставить этот прекрасный, полный надежды взгляд лишь для себя.

С моих губ сорвался вздох отвращения к самой себе, и я увидела, как лицо Магнуса поникло. Мне тут же захотелось стереть последние несколько секунд и начать все заново, без этого опрометчивого звука.

— Магнус... — начала я.

— Ты права. — Он порывисто встал, больше не глядя на меня. Лишившись установившегося между нами контакта, я почувствовала, как у меня сдавило

горло. — Очищение дома от Сглаза куда важнее. Оставляю тебя работать.

С этими словами он ушел. Вот так запросто — ни минуты не колеблясь и не глядя в мою сторону. А я из-за кома в горле даже не смогла окликнуть его.

Глава 14

Весь оставшийся день Магнус просидел в своей комнате, поэтому следующим утром я, одевшись, прямиком направилась туда, где могла найти его наверняка, — в библиотеку. Шторы на высоких окнах были задернуты, свет сквозь них почти не проникал — если б я жила в этой комнате, решила бы, что сейчас еще ночь. Магнуса нигде не было видно, однако на маленьком столе стояла грязная тарелка. К тому же такое количество зажженных свечей было опасно оставлять в комнате, полной книг, так что он не мог уйти далеко.

Внезапно книга слетела с полки и в открытом виде приземлилась на кресло Магнуса. Я инстинктивно схватилась за нож.

— Магнус? — Тишина. Я вдруг почувствовала себя глупо. Книги, слетающие с полок, были нормальным явлением в проклятом доме... я так полагала.

Наверное, это дело рук той кровавой женщины с рисунка, над которым работал Магнус в первый день моего пребывания здесь. Библиотекарь — так он ее назвал. Это ведь она оставляла ему послания с помощью книг?

Я подошла к креслу, взяла раскрытую книгу и стопку других под ней и села, положив их себе на колени. В верхней книге часть отрывка была обведена темными чернилами — нет, не чернилами, осознала я, погладив пальцами страницу. Та смазалась под подушечками пальцев, которые теперь отсвечивали красным в свете камина. Как если бы Библиотекарь прикоснулась пальцем к своим окровавленным губам и провела им по листу.

Дерзкая, смолкни! Меня не серди, или я тебя брошу...*

Должно быть, это послание для меня. Угроза, как в ту ночь после первого ужина. Однако, как и в прошлый раз, это были всего лишь слова — мне это напомнило Джембера и все его невыполненные угрозы. Я ухмыльнулась, захлопнула книгу и положила ее на маленький столик рядом с собой, ярко-белое слово «Илиада» взирало на меня с черной обложки.

Затем взглянула на оставшуюся у меня на коленях книгу — альбом для рисования, открытый на листке, практически полностью заполненном изображениями рук в различных положениях захвата.

На следующем развороте оказалось все то же самое — очередные длинные ряды рук. Открыв третью страницу, я замерла. На меня смотрела нарисованная по плечи Келела. Пять разных портретов с разными прическами. Все в профиль. Выполнены немного схематично, без особых деталей, но исключительно хорошо.

И красиво. На них она была такой же прекрасной, как и в жизни. Они идеально ее отображали.

---

* Гомер, «Илиада» (пер. В. В. Вересаева).

При виде столь великолепных рисунков я ощутила раздражение. Нет. При виде столь великолепных рисунков Келелы.

«Не могу поверить, что я ревную к какому-то глупому произведению искусства».

На новом листке я задержалась еще дольше.

Кончики моих ушей вспыхнули. На рисунке была изображена пара влюбленных, которые обнимались в тени книжных шкафов. Как и все остальные работы, эта представляла собой незаконченный эскиз, хотя догадаться, что на нем происходило, не составляло труда.

— Что ты делаешь? — Магнус подлетел ко мне, вцепился одной рукой в спинку кресла возле моей головы, а другой захлопнул альбом. Растопыренные пальцы ладони закрывали поверхность обложки, прижимая альбом к моим коленям.

— Это что *вы* делаете? — пригрозила я. Инстинктивно вытащив нож, я приставила его к горлу Магнуса, но, передумав, быстро убрала. Я и без ножа могла с легкостью его убить. К тому же он был неопасен. В этом бою нож был ни к чему.

Тут его глаза расширились, словно он только что заметил оружие.

— Пытаешься меня убить?

Я вызывающе вскинула подбородок.

— Разумеется, нет. Если вы умрете, мне не заплатят.

— В таком случае, — пробормотал он, — ты позволишь? Я ведь не роюсь в твоих вещах.

Мне следовало сказать ему, чтобы он отодвинулся. Но я этого не сделала.

— Я не знала, что это личное. Простите.

Магнус едва заметно поник, как будто ожидал от меня другой реакции.

— Что ты думаешь о моих рисунках?

Я считала их превосходными. Однако почему-то не могла заставить себя этим поделиться.

— Вы рисуете очень много рук.

— Я рисую то, что меня волнует.

В моей голове, словно издевка, вспыхнули рисунки Келелы, и я поморщилась.

— А Келела знает, что вы часто рисуете ее?

— Я рисую ее, только когда она сама об этом просит, так что да.

— А что насчет того возмутительного рисунка, где вы целуетесь? Она и о нем знает?

Он усмехнулся.

— Ты уверена, что это Келела? Лица не видно. Если включить воображение, это может быть кто угодно.

Мой пульс участился, на миг я позволила себе думать, что он действительно нарисовал не Келелу. Что он нарисовал... меня. Однако реальность все-таки победила.

— Не думаю, что ей понравилось бы увидеть себя в подобном свете.

— Мне кажется, ты злишься, — произнес он, наклонившись ближе, — потому что хочешь оказаться на месте той, кого я целую.

Я ударила его по лицу так сильно, что голова его дернулась в сторону. Я мгновенно задержала дыхание, словно мое сознание только сейчас вернулось в тело. Словно он... прочитал мои мысли.

— Если подумать... — Магнус несколько раз подвигал челюстью, проверяя ее состояние, — чтобы потереть лицо, ему пришлось убрать руку с альбома. — Я это заслужил.

Мне следовало сказать, что я действовала инстинктивно. Я привыкла сама себя защищать. Однако он не заслуживал объяснений и тем более извинений.

Я положила альбом на стол и попыталась встать с кресла, но Магнус даже не сдвинулся с места, чтобы меня пропустить. Я угрожающе посмотрела на него.

— Вы вторгаетесь в мое личное пространство.

— *Твое* пространство? Вообще-то ты сидишь в моем кресле.

— Дайте мне встать, Магнус.

Он одарил меня дразнящей улыбкой.

— А волшебное слово? То, которое ты сама советуешь мне использовать...

Я знала, как Джембер поступил бы на моем месте. Приставил бы к горлу Магнуса нож и произнес свое волшебное слово: «Отвали». Возможно, даже сопровождал бы его каким-нибудь цветистым ругательством. И чтобы подчиниться, у Магнуса было бы всего три секунды, прежде чем Джембер вырвал бы у него кишки.

Но я смогла лишь тяжело вздохнуть, точно мое тело ругалось без слов. Потому что в одном он был прав: больше всего на свете мне хотелось затащить его теплое тело в это кресло и узнать, действительно ли его губы имеют вкус меда и мускатного ореха, которые он добавлял в кофе.

Вот только мне нельзя было этого желать. Ведь я работала на него.

К тому же он вечно выводил меня из себя.

Было странно смотреть ему в глаза на таком близком расстоянии, тем не менее я твердым взглядом постаралась показать ему всю серьезность своих слов.

— Вам меня не запугать.

Магнус нахмурил брови.

— Я и не пытаюсь тебя запугивать.

— Тогда отойдите, — сказала я и дернулась вперед, несмотря на его попытку преградить мне путь. Обычно

мне удавалось смутить его, однако сейчас он уверенно стоял на ногах, и мое лицо оказалось еще ближе к нему. — Или мне следует ударить вас сильнее?

— Буду только рад, — ответил он мрачным голосом. — Твоя ладонь — первый мой физический контакт с человеком за последний год.

Его слова заставили меня застыть, на глаза навернулись слезы. Желать чьего-либо прикосновения, любым возможным способом... даже если это причиняет тебе боль. Безумный и печальный образ мыслей.

С другой стороны... я и сама росла, лишенная прикосновений. Меня учили по возможности их избегать. Именно поэтому я могла лишь посочувствовать ему. Только представьте: вы росли, обладая такой роскошью, а потом у вас ее украли.

На него нельзя было обижаться. Его бестактность и грубость были результатом его положения. Несдержанный, невоспитанный. Плохое поведение являлось не только его виной... да и мое ничуть не улучшало ситуацию.

Я нежно прижала ладонь к его щеке, все еще красной, и поцеловала его.

Крайне необдуманное решение и, возможно, такое же ошибочное, как и дать ему пощечину. Сначала его мягкие губы плотно прижались к моим, словно почва ушла у него из-под ног, а после я услышала скрип вощёной кожи — он крепче вцепился в спинку кресла. Даже когда его губы оторвались от моих, он не отстранился полностью, его неуверенность была столь же очаровательной, сколь и невыносимой. Он прильнул ко мне теснее, и тепло его тела заставило мое сердце биться чаще...

А потом Магнус резко отпрянул к камину, споткнувшись по пути. Ухватился руками за каминную полку как раз в тот миг, когда я потянулась за ним в надежде поймать.

Едва не прикоснувшись к нему, я обняла себя руками, чтобы удержать равновесие.

— Зачем ты это сделала? — спросил он. Со злобой.
С горечью.

Мое сердце колотилось как бешеное, его стук гулом отдавался в ушах, тем не менее я сумела встретиться с ним взглядом. На его лице, в отличие от голоса, отражались противоречивые чувства. *Что* я могла сказать ему? Какой ответ дать, чтобы он устроил нас обоих?

К счастью, он не стал ждать моих объяснений.

— Я не заслуживаю поцелуя.

— Почему?

— Потому что я... чудовище, Андромеда. — Исходивший от его лица жар заставил меня замереть. Я вдруг осознала, что больше не смотрю в его глаза. Я глядела на его гладкую кожу, теплую и смуглую в тусклом свете огня, изгиб его шеи так и манил провести по ней пальцами. — Впрочем, если проявление нежности с твоей стороны — это вклад в мою доброту, то я совсем не против...

Его шепот был подобен расплавленному серебру — прекрасный и опасный.

Мое сердце гулко стучало. В животе ныло. Порой я ненавидела себя за то, как глупое сочувствие влияло на меня. Или же просто ненавидела себя за мысли о том рисунке, о влюбленных, прячущихся в тени книжных шкафов... о том, что сделали бы мы сейчас, если бы на несколько шагов отступили от камина...

Невзирая на все недовольство собой, я прикусила губу, подавив желание вновь прильнуть к его рту. Затем отодвинулась на почтительное расстояние.

— Вы дикарь. Вам просто нравится смущать людей.
Он вскинул густые брови.

— Я смутил тебя, Андромеда?

Я покраснела, а Магнус — этот маленький демон — улыбнулся.

— П-прекратите, — пробормотала я.

— Но ты же *сама* меня поцеловала, забыла?

Тогда я схватила его альбом для рисования и пихнула ему в грудь. Сила, с которой я это сделала, вызвала удивление на его лице.

— Пегги груба со мной, — отчаянно попыталась я сменить тему. — Если она не станет относиться ко мне и Сабе на равных, я больше не смогу здесь работать.

На лице Магнуса вспыхнуло замешательство, которое сменилось расстройством.

— Я позабочусь об этом.

— Хорошо. Мне... мне нужно идти.

— Тебе не стоит слишком сближаться с ней. — Его голос вынудил меня резко остановиться и обернуться.

— О чем вы?

— Как только ты очистишь весь замок, Саба уйдет. Что произойдет довольно скоро, учитывая твою скорость работы.

Я медленно развернулась к нему лицом.

— Она охраняет вас, пока действует проклятие?

— Можно и так сказать. — Магнус захлопнул альбом и прижал его к себе. — Она для меня самый важный человек на свете. Я люблю ее как члена семьи. Но прошу тебя не слишком сближаться с ней.

— Вы пытаетесь указывать, с кем мне дружить, а с кем нет?

— Я лишь хочу сказать, что ты будешь об этом жалеть.

Я открыла рот, собираясь ему возразить, но потом передумала и вышла из комнаты. Спорить не имело смысла. Он все равно не мог лишить меня единственного

друга здесь. Единственного человека в этом доме, кто был мне не безразличен.

Хотя... Это не было правдой. От одной этой мысли в животе у меня запорхали бабочки.

Потому что, если быть откровенной, Магнус тоже был мне не безразличен — и даже слишком.

Глава 15

После случившегося мне удавалось избегать Магнуса два дня подряд. У меня просто не было выбора. Тот поцелуй был... удивительным. Оскорбительным, ошибочным, но в то же время самым правильным поступком, который я когда-либо совершала. Мне хотелось повторить его снова... и снова... Боже, что со мной не так?

Я поцеловала своего работодателя. И чем быстрее мы оба об этом забудем, тем лучше.

Прежде чем отправиться в библиотеку, я дождалась, пока зазвучит соната Баха. Наступило время избавиться от Библиотекаря, хотя я понимала: она доставит немало хлопот. Она была невероятно общительным Воплощением, а это, как правило, служило верным знаком, что так просто оно не сдастся. Однако судя по рассказам Магнуса, она, похоже, могла общаться только посредством книг. Так что мне, во всяком случае, не придется беспокоиться, что этот злобный дух прибьет меня каминной кочергой.

Сначала я заглянула в библиотеку: убедиться, что там никого нет. Но стоило мне зайти внутрь, как атмосфера в комнате изменилась: Библиотекарь словно поняла, что я собираюсь делать. Не обратив на это внимания, я села

в кресло у камина. Чем раньше начну, тем скорее закончу. А на всю работу, вероятно, уйдет два часа времени и два амулета: один — чтобы схватить духа и лишить его возможности вступить в контакт, второй — чтобы полностью его убрать. Чем меньше времени потрачу впустую, тем больше вероятность...

Я услышала стук, а затем краем глаза заметила, как книга упала на пол.

Пора за работу.

Я действовала быстро, но осторожно. Не хотелось начинать все заново. Через десять минут еще одна книга шлепнулась у моих ног. Я проигнорировала ее. Спустя несколько минут вторая книга приземлилась поверх первой. Я подобрала под себя ноги и стала работать дальше. Так продолжалось в течение следующих двадцати минут, пока мой амулет не начал пульсировать, а у меня не появилась возможность разглядеть страницу верхней книги, не наклоняясь.

Тут мое внимание привлекло что-то ярко-красное, чего не было в других книгах. Прервавшись, я бросила туда беглый взгляд.

Посмотрела на верхний колонтитул, где заголовок соседствовал с номером страницы. «Джейн Эйр». Не читала эту книгу, но слышала, что это роман. И видимо, довольно выдающийся, раз параграф был обведен красной линией, широкой и неровной, будто бы сделали это пальцем.

Когда нас бьют без причины, мы должны отвечать ударом на удар — я уверена в этом, — и притом с такой силой, чтобы навсегда отучить людей бить нас*.

---

* Шарлотта Бронте, «Джейн Эйр» (пер. В. Станевич).

В комнате с самого начала царил холод, но только сейчас я вдруг почувствовала озноб.

Затем услышала, как капля воды упала на защитную сферу, образованную моим амулетом. Звук был приглушенным — он доносился издалека, но в то же время ощущался вблизи. Я увидела, как капля, стекая по внешней стороне невидимого щита, оставляла за собой красный след.

Я сглотнула образовавшийся в горле ком, чтобы голос оставался звонким и сильным.

— Тебе меня не запугать. Мы обе знаем, что тебе здесь не место.

Вновь послышался стук капель. Я подняла голову и замерла, стараясь не показывать страха, потому что на меня смотрело лицо Библиотекаря. Она склонилась надо мной, ее костлявые руки лежали на спинке моего кресла, с полных губ стекала густая темно-красная жидкость.

Я быстро отвела взгляд и, немного помедлив, вновь щелкнула кремнем на паяльной ручке.

— Ты не причинишь мне вреда, — заявила я, подкрепив свои слова тем, что продолжила работу.

Казалось, прошла целая вечность, а на самом деле всего пара минут, когда капающий звук прекратился. В ожидании нового притока мерзкой жидкости меня передернуло. После чего я выдохнула.

В это мгновение что-то просвистело надо мной: задело мою голову и шлепнулось на пол позади меня. Я коротко обернулась. Книга в мягкой обложке. Если с ее помощью предполагалось передать послание, то способ для этого был выбран неудачный — корешок не тяжелый и к тому же недостаточно сломанный, чтобы книга осталась в открытом виде. В следующую секунду я ощутила

резкую и сильную боль в затылке, что-то тяжелое ударило меня в плечо и упало рядом со мной на кресло, напугав меня и заставив подскочить. Сжимая в одной руке амулет и ручку, а другой — держась за затылок, я попятилась к камину. Стоило мне отнять руку от головы, как кожа в том месте отозвалась ноющей болью. Я с ужасом уставилась на красное пятно на ладони, которое, судя по жжению и пульсации, скорее всего, было вызвано раной, а не кровавыми каплями. Отведя дрожащую руку чуть в сторону, я увидела покоившуюся в кресле тяжелую книгу.

В отличие от изданий в предыдущей стопке, эта книга не была раскрыта намеренно. Нет, она, как и тот экземпляр в мягкой обложке, несла совершенно другое послание.

Послание, которое могло убить меня, если я не стану работать быстрее.

Тут очередная книга соскочила с полки и понеслась на меня, я быстро пригнулась и нырнула в сторону. Спрятавшись за креслом, прикрыла затылок рукой, чтобы еще одна книга не упала мне на голову. Затем я вскочила на ноги и выбежала в коридор в надежде скрыться за дверным проемом, когда новая книга вылетела из комнаты и врезалась корешком в стену напротив меня.

Я стояла, прижавшись к стене, и тяжело дышала. Книги успокоились... но и Библиотекаря я почти не чувствовала. Стоило мне выйти из комнаты, как меловые линии в моей голове смазались, все ощущения от них стали нечеткими. А значит... я никак не могла очистить библиотеку, находясь в безопасности, за пределами комнаты. Мне ничего не оставалось, как вернуться обратно.

Сделав глубокий вдох, я вновь ворвалась внутрь.

Сердце бешено колотилось. Голова пульсировала. Амулет вибрировал так, словно и не находился только что вне комнаты. Следовало проанализировать ситуацию, прежде чем возвращаться, потому что нападение мгновенно возобновилось. Я вовремя пригнулась — мимо моей головы пролетел словарь.

«Само Воплощение не может тронуть меня».

Я остановила две летящие в меня книги в мягкой обложке, выставив перед лицом согнутые руки.

«Вот почему она использует книги. Если бы я только могла...»

От сильного удара в плечо я споткнулась — впрочем, в нужном направлении. У стены стояли два книжных шкафа, между которыми имелось расстояние не более двух-трех футов.

«Если бы я только могла преградить...»

Я увернулась от еще одной книги и побежала к камину. Мое тело поняло, что нужно делать, раньше, чем я успела об этом подумать. Я сбросила вещи с маленького круглого столика между креслами — что-то разбилось об пол, но разбираться было некогда — и подняла его за две ножки. Две книги ударили меня по бедру и руке, как будто хотели, чтобы я выронила стол. Но я лишь поморщилась и потащила его к найденному ранее узкому проему.

«Проходит...»

Я взревела от боли, когда книга ударила меня в спину острым углом, и быстро развернулась, чтобы предплечьем отбить еще одну.

«Теперь нужно защищаться спереди...»

Я снова увернулась от книги и резко остановилась, почувствовав жар огня у себя за спиной. Схватила одно из кожаных кресел за подлокотники и толкнула его вперед.

Должно быть, оно было выполнено из массивной древесины или же долгое время стояло на одном месте, потому что никак не желало двигаться...

Тогда я, стиснув зубы, вопреки бьющим в поясницу книгам, всем телом навалилась на кресло. Только оно начало сдвигаться, как с ног меня сбил фолиант, ударив сбоку по лицу. Я упала на пол, схватившись за ноющий висок. Я задыхалась, силы были на исходе. В голове звенело. Сквозь туман перед глазами я разглядела лежащий рядом гигантский атлас.

За ним последовала другая книга: я отпрянула как раз вовремя, но прикусила язык.

«Вставай, Анди. Нечего разлеживаться, ты же не хочешь быть убита книгами».

Я попыталась приподняться на локте, но закружившаяся голова и пролетевшая сбоку книга чуть вновь не повалили меня на пол. Я отчетливо ощущала, как струйка жидкости бежит по моему лицу, стекая по виску. Я облизала губы и почувствовала вкус соли собственных слез, смешавшихся на языке с кровью. Ладонь, сжимавшая висок, окрасилась в красный цвет, я ухватилась за кресло.

— Боже мой, — выдохнула я. — Помогите...

А затем услышала сбивчивый стук. Чья-то тень метнулась в мою сторону, при этом двигалась она не по воздуху, а по земле. Я на секунду запаниковала, прикрыв голову и лицо обеими руками. Однако вместо удара раздался металлический лязг, заставивший меня выскочить из укрытия.

Передо мной стоял человек, широко расставив ноги и приготовившись к атаке. Предмет в его руках, отражая свет камина, слепил мне глаза. Я потеряла их запястьем, чтобы лучше видеть, и мое сердце забилось чаще.

Это был Магнус, который обеими руками держал металлический поднос. Сердце взволнованно подпрыгнуло при виде того, как он отбил им летящую на нас книгу.

— Ты ее разозлила, Андромеда, — сказал он. — Помоему, ты ей нравишься еще меньше, чем я.

Несмотря на всю опасность ситуации, я усмехнулась.

Дважды попыталась встать на ноги, и лишь на третий у меня это получилось. При этом я вовремя успела выставить руку, защищаясь от книги. Магнус отшвырнул ее с дороги, а потом затащил меня в маленький уголок между краем каминной полки и стеной, но я была слишком сбита с толку, чтобы сопротивляться. Он загородил меня всем телом и поднял поднос над нашими головами. Тот почти полностью закрывал свет, поэтому я часто заморгала, привыкая к темноте.

— Приготовься бежать, — скомандовал он. — Я тебя прикрою.

Тыльной стороной ладони я смахнула слепящие глаза слезы, чтобы как следует его рассмотреть. Выглядел он уставшим: глаза потемнели, брови нахмурились от досады.

Я щелкнула паяльной ручкой.

— Вы не могли бы так постоять, пока я буду работать?

— Постоять?

До меня донесся металлический звон врезавшейся в поднос книги, но это не помешало мне выплавить несколько линий в серебре. Это был идеальный план.

— А еще отбивать книги. Обещаю, я всё возьму.

— Ты совсем спятила? Нам нужно выбираться отсюда.

Очередная книга ударилась о стену рядом с нами; и у меня перехватило дыхание, когда Магнус наклонился

ближе. Я прижалась спиной к стене, будто это был вполне логичный способ убежать от своих чувств. Все во мне жаждало продолжить то, что мы начали в прошлый раз.

Но меня ждала работа. К тому же он изрядно меня злил.

— Магнус, — твердо произнесла я.

— Андромеда? — парировал он, пожалуй, чересчур легкомысленно, с некоторой ноткой издевки, что придавало мне еще больше сил. Даже не знаю, хорошо это или плохо?

— Я понимаю, что вы любите это Воплощение, но рано или поздно им всем придется уйти.

— Только не ценой твоей безопасности. — Он обхватил меня рукой за талию — и мне показалось, что ноги мои сейчас предательски подогнутся. — Считаю это возвратом тебе долга. Жизнь за жизнь.

— Вы не обязаны мне жизнью, Магнус. — Он встал передо мной и сделал несколько маленьких шагов навстречу, вынуждая меня отступить назад. Но я остановила его, уперев руки ему в грудь. — Просто стойте передо мной. Это не займет много времени.

— В конце концов она швырнет в нас гигантский атлас, и этот миленький поднос уже не сможет его остановить.

Внезапно его пальцы скользнули по моей талии, и я удивленно выгнула брови.

— Что вы делаете?

С удрученным видом он переместил пальцы к моей шее и подмышкам.

— Ты не боишься щекотки? Я пытаюсь защекотать тебя, чтобы ты расслабилась и сдвинулась... Ай! — Он прижал руку, по которой я только что шлепнула, к своей груди.

В следующую секунду я шагнула назад, увернувшись от книги.

— Если не собираетесь мне помогать, тогда уходите с доро...

Тогда Магнус отшвырнул поднос и ринулся на меня: схватил за плечи, вынуждая меня отступить назад. Он был крупнее, да и скорость, с которой он двигался, не оставляла мне иного выбора, как подчиниться ему или беззащитно упасть на спину. Будь мы сейчас в пустыне, я бы двинула ему коленом в пах, хотя нынешнее положение не было столь отчаянным. Мне не хотелось причинять ему боль. И все же его метод меня разозлил.

— Я не просила меня спасти! — Я попыталась вырваться из его хватки, но он так крепко держал меня за плечи, что от моих рук все равно было мало толку. — Меня *не* нужно спасать!

— Оно не стоит того, чтобы тебе словарем разбили лицо!

— А вот и стоит! — от произнесенных слов я ахнула сама, хотя вряд ли Магнус это заметил.

В это мгновение мы вывалились в коридор, от неожиданности я выронила кусок серебра и паяльник. В попытке удержаться на ногах я ухватилась за кофту Магнуса, как раз когда он выпустил меня, чтобы не дать нам врезаться в стену. Нам чудом удалось остановиться до столкновения с ней. Некоторое время мы просто стояли и пытались отдышаться.

Внезапно чей-то кашель заставил мое сердце испуганно замереть.

Я подняла голову и увидела стоявшего в коридоре Тома: он держал в руках корзину с дровами и ухмылялся так, будто только что стал свидетелем постыдной тайны.

— Э-эм... — Я отпихнула от себя Магнуса, желая раствориться в стене. — Магнус, э-э, охранял меня, пока я работала. — Мое лицо пылало, и чтобы это скрыть, я быстро опустила на колени и принялась собирать вещи.

— Вот как? — произнес Том, в его голосе слышались веселые нотки.

Я осмотрела свою паяльную ручку. Слава богу, повреждений нет.

— Магнус, вы могли сломать мою ручку, — сказала я, лишь бы сменить тему — на *любую другую*.

Магнус усмехнулся и, как я заметила, повернулся спиной к Тому.

— Ты могла получить сотрясение мозга Толстым, *Андромеда*.

Мне с трудом удалось сохранить невозмутимое лицо, поскольку в эту минуту я с сосредоточенным видом поднимала оброненный кусок серебра — теперь с таким отколотым краем он был бесполезен...

Как будто меня волновало отбитое серебро. Как будто я не пыталась отвлечь внимание от того неловкого положения, в которое попала.

Том поудобнее перехватил корзину.

— Ну, тогда я, э-э, оставляю вас, не буду мешать разбираться, — сказал он и, подмигнув мне, ушел.

Я выпрямилась, дождалась, пока Том исчезнет в комнате в конце коридора, и сказала:

— Надеюсь, вы счастливы. Том, наверное, думает о нас невесть что.

— Я счастлив, — подтвердил Магнус. — И он, надеюсь, тоже.

Я бросилась к нему. Магнус поморщился, когда я схватила его за свитер и дернула вниз, чтобы наши глаза

оказались на одном уровне, хотя мне все равно пришлось немного задрать голову.

— Почему вы не выполнили мою просьбу? Почему просто не загородили меня, пока я работала? Разве вы *не хотите*, чтобы дом был чист?

— Ты злишься, потому что я спас тебе жизнь без твоего разрешения или потому что Том решил, будто мы тут занимались чем-то иным... Ай! — Я оттолкнула его, и он ударился спиной о край дверного проема. Магнус нахмурился. — Почему ты срываешь свое зло на мне? В доме еще полно комнат, которые требуют чистки, выбери другую.

— Вы защищаете Библиотекаря.

— Что? — ахнул он, сжав в кулаках свои буйные кудри. — Я защищаю *тебя*, крохотная ты огрызающаяся черепашка.

— Не называйте меня огрызающейся черепашкой!

— Сейчас ты как раз огрызаешься на меня!

— Просто держитесь от меня подальше и не мешайте мне работать, — выкрикнула я в отчаянии.

— Ты поэтому избегала меня последние два дня? — спросил он, когда я уже уходила. — Или тебе просто стыдно признаться, что понравилось со мной целоваться?

Я остановилась и с пунцовым лицом развернулась к нему.

— Не льстите себе.

— По правде говоря, у меня получается лучше, когда я готов.

— Рада за вас, — откликнулась я без энтузиазма.

Он издал легкий смешок.

— К твоему сведению, сегодня я готов.

Я сжала кулаки и слотнула ком в горле, сохраняя голос ровным.

— Не стоит надо мной смеяться, сэр.

— Ни в коем случае, — ответил Магнус, и впервые за сегодня он говорил абсолютно спокойно и искренне. Он вынул носовой платок и, намочив его языком, прижал к моему окровавленному виску. Я и забыла о нем — он уже почти не болел. — И не называй меня «сэр».

— Иначе вы замените меня? — Я уже собиралась развернуться и оставить его дуться в одиночестве. Но вместо этого заглянула в его карие глаза, излучавшие удивление. — Вы сами это сказали во время собеседования. Что замените меня тем, кто станет называть вас по имени.

— Не припоминаю такого. Зато помню, как назвал тебя незаменимой. Жаль, что ты этого не запомнила, моя маленькая грозовая тучка.

Я со вздохом отвернулась от него, оттолкнув носовой платок.

— Я не ваша маленькая тучка или кто-то там еще.

— Почему?

Вскинув брови, я посмотрела на него: в эту минуту я чувствовала себя в точности как Джембер, несмотря на отсутствие у нас родственной связи.

— В каком смысле «почему»?

— Что мешает тебе стать моей?

У меня затряслись руки, и чтобы унять дрожь, я прижала кусок серебра к животу.

— Вашей?

— Да, Андромеда. Будь со мной.

— М-магнус, я... — Я обернулась, желая убедиться, что Тома нет в коридоре и он не увидит вспыхнувшего на моем лице румянца. — Я не могу. Я работаю на тебя.

Он легонько выдохнул и улыбнулся.

— И всё?

Отразившееся на его лице облегчение заставило мои легкие сжаться, потому что я знала: в этой ситуации есть только один выход.

— Пожалуйста, не увольняй меня, — произнесла я. Из-за звона в ушах мой голос показался мне ужасно тихим и сдавленным.

Его холодные руки обхватили мое лицо, принося успокоение пылающим щекам.

— Если я уволю тебя, то, скорее всего, никогда больше не увижу. А я хочу видеть тебя каждый день своей жизни.

— Магнус, — простонала я, прижимая его ладони к своим щекам, перед глазами все помутнело. — Это не так правильно, как тебе кажется. Мы не равны.

— Согласен, — сказал он, подавшись вперед. — Но я сделаю все возможное, чтобы покориться твоему влиянию со всем благородством джентльмена.

Я рассмеялась, но нежное прикосновение его губ к моему лбу тут же оборвало мой смех.

— Я боюсь, на нас может обрушиться наказание... Мне никогда ничего не дается легко.

— Наказание, моя дорогая, — сказал он, поиграв бровями, и спустился ладонями от моей шеи к плечам, — заключается в том, что мы будем ожесточенно спорить почти каждый день.

— В таком случае я передумала. — В ответ на его хмурый взгляд я ухмыльнулась и приподнялась на цыпочках, наши губы разделяли лишь считанные миллиметры. — От тебя, похоже, одни неприятности.

Наклонив голову, он провел носом по моей щеке — меня охватил трепет.

— Странно, обычно все, в отличие от тебя, поют мне дифирамбы.

— Они лгут. — Его губы заглушили последние слова, накрыв мой рот поцелуем.

Этот поцелуй не был похож на предыдущий. Он был уверенным и нежным... он дарил обещание. Не боли. Это было обещание беречь мое сердце. А однажды, возможно, даже полюбить меня.

Обещание никогда меня не бросать.

Глава 16

Ужин был не чем иным, как пыткой. Еда, как и всегда, была восхитительной, но я не могла в полной мере насладиться ею, потому что Магнус занимал практически все мои мысли. Он был таким тихим... печальным. После библиотеки мы не виделись, но с тех пор прошло всего два часа. Два часа назад мы отдали друг другу сердца, а теперь... что-то было не так.

Мне отчаянно хотелось узнать, что же произошло, как-то утешить его... прикоснуться к нему. Он сидел в своем обычном кресле во главе стола — самое подходящее положение, чтобы мы могли держаться за руки поверх столешницы.

Боже, помоги мне. Как можно было в присутствии других людей проявить заботу, не боясь, что она будет расценена как наглость по отношению к своему работодателю? Его кожа так и манила меня, да и сам он наверняка нуждался в прикосновении не меньше моего. Бороться с непреодолимым желанием быть рядом с ним — просто невыносимо.

«Зачем ты так с собой поступаешь, Анди?»

Красивый — не совсем то слово, которым бы я описала Магнуса, будь мы обычными прохожими на улице, однако знакомство с ним подобно встрече с красотой змеи. Наводящий страх и непонятый другими не по своей вине. Стройный, почти хрупкий на вид, а внутри — несомненная сила. Напуганный, попеременно то прячущийся, то нападающий. Он обладал красотой, предназначенной не для всех. В нем не было очарования, заслуживающего внимания, и в то же время он весь состоял из непослушных волос, неловких пауз и робких улыбок.

Но все это было бессмысленно. Неразумно. Это не причины, чтобы влюбляться в...

— Что смешного?

Я оторвала взгляд от еды и посмотрела на сидевшую напротив Келелу. Сегодня ее волосы были заплетены в длинные золотистые косы, украшенные тонкими золотыми цепочками и золотыми цветами из бусин. Уж на что я гордилась своей прической, но Келела выглядела великолепно. Блистательно. Однако с моей стороны было бы глупо делать ей комплименты.

На ее прелестном личике застыло любопытство, которому, впрочем, нельзя было доверять: как будто с помощью моего ответа она намеревалась меня смутить.

— Смешного? — переспросила я невозмутимым тоном. — Не помню, чтобы я смеялась.

— Ты улыбалась.

«Правда, Анди?»

— Я просто наслаждаюсь едой.

— Пегги прекрасно готовит, — подтвердил Эсджей. — Пора бы уже узнать у нее рецепты для нашего личного повара.

— Мне тоже не помешает выучить их, — добавила Келела. — Хотя бы рецепты любимых блюд Магнуса. — Она

одарила меня широкой улыбкой. — А тебе, Андромеда, хороший совет на будущее: путь к сердцу мужа лежит через желудок.

Казалось бы, вполне невинное замечание, но из-за скрытого в нем смысла все внутри меня сжалось.

— Тебе не нужно учиться готовить, — возразил Эсджей, — для этого есть нанятый персонал. Лучше сосредоточься на учебе.

— Да, братец, — ответила она, но на ее лице читалось победное выражение. Она знала, что выбила меня из колеи.

— О, так вы помолвлены? — поинтересовалась я беспечным тоном под стать ей, несмотря на медленно сжимавшееся горло. — Магнус не упоминал об этом.

— А с чего ему об этом упоминать? Мужчины не интересуются такими вещами, как свадьба, правда, Магнус?

Магнус издал невнятный звук, по которому трудно было судить: «да» это или «нет».

В любом случае это выглядело как предательство.

— Мне нужно пересесть в более удобное кресло, — вдруг сказал он и резко встал. Келела вскочила и в мгновение ока оказалась рядом с ним.

Эсджей потянулся ко мне раньше, чем я успела встать.

— Андромеда, не могли бы вы задержаться на минутку? Мне необходимо обсудить с вами несколько вопросов по договору.

— Опять этот дурацкий договор, Эсджей? — пробормотал Магнус. — К черту его. Нужно просто отдать ей все. К чему мне вообще деньги?

— Магнус, ты устал, — быстро произнес Эсджей. — Келела, помоги ему, отведи его в более удобную комнату.

Ее даже не нужно было просить: она обвила его рукой за талию и повела прочь прежде, чем Эсджей закончил фразу.

— Почему бы нам не спеть? — предложила Келела, уводя Магнуса в другую комнату. — Помню, я видела у тебя на музыкальной полке ноты песни, которая мне очень нравится.

— Прошу прощения за это, — сказал Эсджей, как только они ушли. — По словам Пегги, сегодня утром он был в порядке. Вы случайно не знаете, отчего могло измениться его настроение?

Я покачала головой, будучи еще более обескураженной, чем он.

Эсджей вздохнул.

— Не следовало Келеле поднимать тему помолвки. Да, они обручены, но... — Он тряхнул головой. — Я не хочу, чтобы она питала напрасные надежды.

— В случае, если Магнус никогда не избавится от проклятия? — спросила я.

— Да. Разумеется, я не сомневаюсь в ваших способностях, но мы имели дело уже с десятью дебтерами. Всегда есть вероятность, что никакая профессиональная помощь не поможет.

— Я *очищу* этот дом, — заявила я.

— Я верю вам.

— И все равно не даете Келеле учиться готовить любимые блюда Магнуса.

Повисла пауза — настолько долгая, что сложилось впечатление, будто я разболтала слишком много. Словно на лбу у меня было написано слово «любовь», и он может прочесть его так же легко, как на листе бумаги.

— Сначала я испытывал такой же энтузиазм по этому поводу, как и она, — произнес Эсджей. — Но сейчас все по-другому, и ей лучше получить образование, которое позволит ей занять должное место. Это — надежный вариант. Брак с Магнусом — нет.

— Тем не менее она, кажется, одержима идеей выйти за него.

— Келела молода, поэтому я позволяю ей мечтать. Но скоро она уедет во Францию, где будет жить с нашей тетушкой... и мечты в зависимости от обстоятельств могут поменяться.

Келела уезжает? Я жила здесь уже несколько недель и ни слова не слышала о Франции. А Келела из тех, кто непременно похвастался бы подобным событием. Значит, этот план родился в самый последний момент, поскольку их мечты выдать ее замуж за богатого шоколадного наследника не увенчались успехом.

В моей душе затеплился огонек надежды... но я быстро погасила его крупницей здравого смысла.

— Я так полагаю, на самом деле вы не о договоре хотели поговорить?

Он покачал головой, и я отправилась в музыкальную комнату. Не знаю зачем, ведь больше всего на свете мне хотелось закончить свою работу и больше никогда не видеть Магнуса. Потому что я... поцеловала его. А он ответил на мой поцелуй. Он сказал, что хочет быть со мной. Зная при этом, что связан с другой.

Я нашла Магнуса сидящим на диване, укрытым простыней, с чашкой кофе в руках. Келела рылась в книжном шкафу в другом конце комнаты. Я села на диван напротив него. На разделявшем нас столе стоял кофейник; можно было выпить кофе, но из-за сильного волнения я не могла бы сделать и глотка.

— Сегодня я посмотрел Тому в глаза, — произнес он тихим испуганным голосом.

Я покосилась на Келелу, которая, стоя к нам спиной, продолжала перебирать небольшую музыкальную библиотеку, и прошептала:

— Когда он застал нас в коридоре?

— Я был так увлечен, что не услышал его шагов. Мне следовало отвести взгляд. Я ведь знал.

— Наверняка он слышал звон твоих колокольчиков. Уверена, он успел отвернуться.

— Возможно, — откликнулся он, хотя мои слова его ничуть не убедили.

Внутри меня все скрутилось в тугой узел. Выбор у меня был невелик, правда? Мне придется выйти в коридор во время Пробуждения, чтобы не позволить Тому... исчезнуть. Если причина действительно крылась в этом.

— Позволь мне все уладить, хорошо? — сказала я. — Для этого я здесь.

— Ты дар небес, Андромеда. Надеюсь, ты это знаешь. — Магнус отхлебнул кофе и наклонился вперед, положив руки на бедра. — Я изо всех сил пытаюсь справиться с собой.

Я с трудом проглотила вставший в горле ком.

— Мне жаль.

— Это можно как-то исправить? С помощью амулета?

— Я не знаю ни одного амулета, который мог бы избавить от депрессии.

— Так вот что это? — проговорил он, уставившись в черноту на дне чашки. — Депрессия?

— Может, тебе стоит завершить сегодняшний вечер?

Он помотал головой.

— Эсджей и Келела приехали издалека навестить меня. Я благодарен им за компанию. — На поверхности кофе появилась рябь, когда Магнус собрался поставить чашку на стол. Я потянулась к ней и схватила ее в попытке удержать. Моя ладонь накрыла его руку. Его кожа была мягкой, пальцы дрожали, и мне нестерпимо захотелось

отшвырнуть эту дурацкую чашку и взять его за руку. Из-за этого я почувствовала себя ужасно глупо.

— Останься, Андромеда. — Сегодня эти слова звучали скорее как просьба, а не приказ.

— Конечно. — Я отняла руку, забирая его кофе с собой.

— Нашла!

Чересчур громкий голос Келелы заставил меня вздрогнуть, отчего я чуть не пролила напиток, но вовремя удержала чашку.

— Я говорила об этой песне, — сказала она, вручая Магнусу нотную тетрадь. — Ты играешь — я пою.

Магнус нехотя взял тетрадь — я никогда не видела у него такого отсутствия энтузиазма в отношении музыки.

— Дай мне немного времени посмотреть ноты.

— О, тебе эта песня не составит никакого труда, — возразила Келела и потянула его за руку, вынуждая встать. — Ты самый талантливый музыкант из всех, кого я знаю.

— Я *единственный* музыкант, которого ты знаешь, — ответил он, но беспрекословно последовал за ней.

Что бы там Эсджей ни говорил про Францию, они помолвлены. И скорее всего, поженятся, как только замок будет очищен. Мне следовало успокоиться. Усмирить свое трепещущее сердце. Вести себя как наемная сотрудница, даже как друг, но не более того.

Потому что Магнус никогда не будет — никогда не сможет — стать мне кем-то большим.

Решено. Мне просто нужно сосредоточиться на своей работе, заработать денег и заслужить покровительство. Все, больше никакого времяпрепровождения с Магнусом, никакой эмоциональной вовлеченности. К тому же любовь к людям — неправильный принцип выживания. Одной мне было гораздо лучше.

Как только молодые люди уселись за инструмент и зазвучали первые ноты, я как можно тише выскользнула в темный коридор. Не успела я дойти до лестницы, как услышала свое имя, сопровождаемое звуком преследующих меня шагов и колокольчиков.

— Ты обещала остаться, — сказал Магнус, следуя за мной по коридору.

Сердце бешено, до боли в груди, билось о ребра.

— Я думала, ты хочешь побыть наедине с Келелой.

Добравшись до лестницы, я ускорила шаг, но Магнус преградил мне путь.

— Я *попросил* тебя остаться.

И я хотела остаться. *Очень*. Но не могла. Поэтому сказала:

— Поздравляю с помолвкой.

Магнус застыл на месте. Мне хотелось, чтобы он все отрицал, недоуменно спрашивал, о чем речь. Но он лишь выглядел виноватым.

Воспользовавшись замешательством, я обошла его и кинулась вверх по лестнице.

Звон колокольчиков не отставал.

— Что тебе наговорил Эсджей?

— Похоже, ты потрясен, — произнесла я с горечью. — Отчего же, неужели мне не стоило знать об этом?

— Все не так, как ты думаешь...

— Вчера ты говорил, что хочешь быть со мной, а сегодня я узнаю, что ты помолвлен. Все *именно так*, как я думаю.

Я уже схватилась за ручку на двери своей спальни, когда его ладонь внезапно накрыла мою, не давая ее повернуть. Магнус тянул дверь на себя, в то время как я толкала ее вперед. Другой рукой он упирался в дверной косяк, чтобы не упасть. При желании с таким ростом он мог быть по-настоящему сильным.

— Это была всего лишь устная договоренность, когда мне было четырнадцать лет, — сказал он. — По сути, блажь. Я был молод. И не знал, о чем говорю.

— А вот Эсджей считает ее вполне законной.

— Эсджей вечно лезет в чужие дела.

— Твои дела — его дело.

Мне хотелось ненавидеть его стан за то, как он оберегал меня своим теплом. Хотелось ненавидеть его самого за то, что поцеловал меня. Но, видит Бог, я не могла.

— Хотя бы дай мне шанс все объяснить, — возмущался он.

— Объяснить что? Как ты используешь меня для собственного удовольствия, в то время как сам помолвлен с Келелой?

— Я не помолвлен с Келелой.

— Ты лжешь. — Я надавила на дверь сильнее, сумев образовать в проеме небольшую щель, прежде чем он снова захлопнул ее. Мое сердце забилося чаще, адреналин подскочил, — я оказалась загнанной в угол в маленьком пространстве. Неважно, что Магнус не представлял для меня угрозы, даже намеренно. Вскоре мои принципы вынудили меня пресечь все это более жестко. — Отойдите от меня, сэр.

— Опять «сэр». Андромеда, это же я...

Я развернулась к нему лицом.

— Вы мой работодатель, сэр. И ничего больше.

Он ослабил хватку, его ладонь поверх моей задрожала.

— Как мне доказать, что ты мне нужна?

До сегодняшнего вечера я бы залилась краской в ответ. Почувствовала бы себя недостойной того любезного внимания, которое мне оказывают. А теперь знала, что это внимание ничего не стоит.

Тем не менее на его лице читалась смесь боли и отчаяния — Боже мой, ну почему он смотрит на меня так? Мне приходилось раз за разом повторять себе, что он грязный лжец, что ему нужна только Келела, что он *рисовал* ее. Но он стоял настолько близко, что я чувствовала, как его дыхание ласкает мое лицо, я хотела его губы, желала их...

Словно прочитав мои мысли, он поцеловал меня. Сначала я отпрянула, с силой толкнув его в грудь, попыталась убрать его руку со своего затылка, отвернуть лицо. Но как только слова протеста сорвались с моих губ, они уже вовсе не походили на протест.

Я схватила его за свитер и притянула к себе так стремительно, что мы врезались в дверь. Он не прекращал меня целовать, да и я не хотела останавливаться. В это мгновение наши души рассказывали друг другу единственную правду, заглушив весь гнев и стыд. В это мгновение мы оба желали друг друга — глубоко и искренне.

Но вот этот миг закончился, вновь наступила реальность... и искренность к ней не имела никакого отношения.

Я отвела его лицо в сторону, чтобы отдышаться. Слава богу, Магнус позволил мне это сделать — наверное, потому что понимал: его фантазии пришел конец.

— Ты флиртуешь со мной, — проговорила я дрожащим голосом. — Целуешь меня. И при этом помолвлен с другой.

— Но ты ведь тоже этого хотела, разве нет? — спросил он, и я ощутила, что связывающая нас нить вот-вот оборвется.

Я пихнула его в грудь, и он отшатнулся.

— Может, я бедная и жалкая девчонка, — сказала я, — но у меня такие же права, как у всех. Я не стану для

тебя очередной блажью, как твоя помолвка. И не позволю себя использовать.

— Недоговаривать не значит лгать, Андромеда. Так поступают все, даже ты — черт, *особенно* ты. Но это не значит, что я использовал тебя. Я никогда бы не стал этого делать.

— Ты уже это сделал. — Я привалилась к двери, а как только он приблизился ко мне, осадила его словами: — Не прикасайся ко мне.

— Иначе что, укусишь меня?

— Да, если будет нужно.

Он издал короткий хриплый смешок. Взгляд его был настолько пристальным, что я чувствовала себя голой под ним.

— Ты удивительная.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь успокоить нервы.

— Я иду спать.

— Только не в таком состоянии, — возразил он, потянувшись ко мне. — Когда ты залишься на меня.

— Я свободный человек и имею свободу выбора. Я иду спать.

— Ты же знаешь, иногда я бываю бестактным дураком. — Магнус тяжело, словно от боли, вздохнул. — Останься со мной, Андромеда. Прости меня и останься.

— Я не могу тебя простить, потому что ты так и не извинился.

С этими словами я захлопнула дверь прямо перед его носом, частично отгородившись от раздраженного восклицания: «Разве я не извинился?»

Я прислонилась к двери и закрыла рот ладонью, заглушив прерывистое дыхание. Невероятно, как я могла подумать... Разумеется, все это было лишь в моей голове. Следовало помнить: настолько хорошее не может быть

правдой. Боже мой, какая же я дура. Мужчина, который целует одну женщину, будучи помолвленным с другой, несмотря на несерьезность этих обязательств... Как мне теперь верить его словам?

А с другой стороны его голос, приглушенно звучащий за дверью, но пробирающий меня насквозь...

— Прости меня, Андромеда. Пожалуйста, поверь мне. Прости...

Я злилась на то, что его мольбы смягчали мое сердце. Что он имел такую власть надо мной. Что мне больше всего на свете хотелось открыть эту дверь, простить его и целовать — снова и снова.

Но вместо этого я заперла комнату на замок и зарылась в одеяло, лишь бы не слышать его оправданий.

Глава 17

На разработку плана у меня было мало времени, поэтому тот, что я сумела придумать, выглядел как минимум ненадежным: встать рядом с комнатой Тома до начала Пробуждения. Убрать все Воплощения, которые попытаются сделать так, чтобы он «исчез». Параллельно не оказаться съеденной заживо самим домом. По словам Магнуса, помещения для прислуги уже очищены, поэтому мне не придется беспокоиться, что могут вмешаться другие силы.

Без трех минут десять я сунула нож в карман и на всякий случай захватила с собой каминную кочергу. Амулет я, конечно же, не снимала, поскольку после ужасов первого Пробуждения рисковать желания не было.

Стоило мне открыть дверь, как на меня налетела тень. Я вскрикнула от неожиданности, но привычка не опускать голову помогла замахнуться кочергой в нужном направлении. В свете от камина я разглядела стоявшую передо мной Сабу: одной рукой она захлопывала дверь... а другой схватилась за мою кочергу.

Честно говоря, подобное развитие событий можно было бы считать странным, если бы я не жила в доме, где из стен высывались руки.

— Я не могу избавиться от Сглаза, находясь в своей спальне, — сказала я. Саба, проигнорировав меня, заперла дверь. — Том может быть в опасности. Мне нужно попасть в его комнату. А для этого требуется выйти из своей... Саба, прекрати!

Я попыталась протиснуться мимо нее, но она отпихнула меня всего одним толчком в живот. На миг меня охватила паника — *почему она такая сильная?* — и Сабе хватило этого секундного замешательства, чтобы подавить мой порыв и силой вернуть к кровати.

Я упала на постель, глядя на нее.

— Что ты делаешь? Мне *нужно* туда попасть.

Она решительно покачала головой. Нет.

— Да. — Я встала, но она преградила мне путь. — Неужели тебя не волнует Том? А Магнус? Это единственный способ их спасти.

Я попыталась обойти ее, но она перехватила меня руками, крепко прижав к себе. Некоторое время я сопротивлялась, однако она была слишком сильна. Тело казалось крепким, но не таким, как если бы обладало твердыми мышцами. Оно было неестественным.

Даже сквозь рукава я ощущала ее ледяные руки. При этом она никогда не носила свитер, словно не испытывала этого холода.

— Отпусти, — попросила я и тут же почувствовала лбом движение ее подбородка, когда она помотала головой.

Я сделала глубокий вдох. Если я расслаблюсь и дам ей понять, что успокоилась, она отпустит меня. Тогда-то я и наставлю на нее нож. Да простит меня Бог, но я должна

буду это сделать. Лишь для того, чтобы не подпускать ее к себе, пока я не выйду из комнаты.

Большие часы внизу пробили ровно десять, тут же поднялся ветер. Послышались крики, стоны, удары, хотя и не такие сильные, как в ту первую ночь.

Мне надо было выбираться из комнаты. *Сейчас же.*

Еще пара глубоких вдохов, и мой пульс постепенно приблизился к норме. Обхватив Сабу за талию, я положила голову ей на грудь и обняла в ответ. Точнее, притворилась. Я никогда не умела плакать по заказу, но, видимо, пришло время попробовать. *«Господи, еще раз прошу не обращать внимания на любые подлые поступки, свидетелем которых ты сегодня станешь».*

Но обман сработал и без слез: через мгновение объятие Сабы вокруг моей шеи слегка ослабло, теперь оно казалось более естественным. В комнате стояла тишина, только стенания духов и завывания ветра слышались в коридоре, только огонь потрескивал в камине, только мое сердце стучало в ушах. Мое *собственное* сердце, вдруг осознала я... лишь мое. Ни биения, ни мерного стука не доносилось из груди, к которой я прижималась. Ничего.

Внезапно я больше не могла сохранять расслабленность.

Мгновенно почувствовав напряжение в моем теле, Саба стиснула руки, но на этот раз я не стала сопротивляться, мою голову наводнило слишком много мыслей.

Никто в этом доме, кроме Магнуса, не признавал ее служанкой... никто, кроме обладателя Сглаза. Холод не действовал на нее. Она была в буквальном смысле бесчувственной и бессердечной. Теперь все встало на свои места. Впрочем, не окончательно.

В некотором роде Саба являлась результатом Сглаза. Несмотря на отсутствие у нее характерных признаков

Воплощения, ее выживание зависело от проклятия. А значит, она не позволит мне разрушить его без боя.

Магнус просил меня не сближаться с ней, но я не подозревала, что причина заключалась в этом.

— Кем бы ты ни была, — произнесла я, и она вздрогнула, — чем бы ты ни была, знай: я испытываю к тебе глубокое сочувствие. Но я обязана с этим покончить. Пропало слишком много людей, и это нужно прекратить. Отпусти меня, Саба. Я не желаю тебе вреда.

В ответ Саба стиснула руки подобно железным клещам.

У меня скрутило живот. Мне множество раз приходилось драться на улице: за еду, за жизнь, за идеальное укрытие. Как подтверждение — бесчисленные шрамы. Но причинять боль другу...

«Просто сделай это по-быстрому, Анди».

Одной рукой я схватила Сабу за предплечье, впившись в него пальцами, а другой потянулась за ножом, одновременно пнув ее ногой в голень. Саба отпрянула на несколько шагов, а потом я услышала звук разбившейся тарелки — резкая боль теплом разлилась по моим пальцам, которую частично притупил холод дома. Не обращая внимания на боль, я сосредоточилась на ноже, наставив его на Сабу и ее отсутствующую...

Кровь застыла в моих жилах.

...ее отсутствующую...

Я медленно повернула голову к своему плечу, где по-прежнему сжимала руку Сабы, ее тело при этом находилось в пяти футах от меня. Мои порезанные пальцы прошли по верхней части ее руки, сквозь полую середину, и остановились внизу — с раздробленной конечности капала моя кровь.

Я быстро взглянула на Сабу: она стояла неподвижно, правая рука отсутствовала, а в предплечье зияла пустота,

делавшая ее похожей на прекрасную и печальную фарфоровую куклу.

Далекий крик эхом разнесся по лестнице. Боже мой. Том.

Я стряхнула оторванную руку с плеча. Та упала на пол и тут же поползла к своему телу, перебирая пальцами, точно гигантский паук. Саба нагнулась, чтобы ее подобрать. Сейчас или никогда, решила я и бросилась вперед. Вонзила нож в колено Сабы, провернула лезвие и с легким щелчком отломила ногу. Девушка, потеряв равновесие, упала на единственное оставшееся у нее колено. Я вильнула в сторону и попыталась ее обойти.

Внезапно что-то схватило меня за щиколотку и сбило с ног. От удара о землю у меня закружилась голова, нож отлетел в темный угол. Тогда я ударила ногой об пол, сломав сжимавшие мою лодыжку пальцы на отколотой руке, и бросилась на Сабу. Мне удалось повалить ее на пол прежде, чем ее нога сумела вновь полностью соединиться с телом.

Будь мы на улице, я бы просто врезала ей, но сейчас я не могла позволить, чтобы мне порезали и правую руку — ту, которой паяла. По этой причине я потянулась к металлической лопатке — в попытке ее достать мне пришлось опрокинуть целую корзину с инструментами. В этот миг Саба схватила меня неповрежденной рукой: даже этой силы оказалось достаточно, чтобы не дать мне дотянуться до лопатки. К тому же я совершила ошибку, взглянув на нее, меня охватил приступ вины при виде страха в ее расширившихся глазах.

— Саба, отпусти меня, — взмолилась я ради ее же блага и собственной совести. Мне не хотелось видеть, как тело моей подруги ломается под натиском моей силы, даже если она не выказывает признаков боли.

Она бурно замотала головой. Безусловно, ее целью было защитить себя. И я уважала ее за это. Потому что сама всю жизнь занималась тем же.

Тем не менее эта цель означала, что в эту минуту я больше не могла видеть в ней друга — если вообще когда-нибудь теперь смогу. Но с эмоциями я разберусь в другой раз. А сейчас принципы выживания требовали устранить препятствие, мешавшее мне достичь желаемого.

Значит, так тому и быть.

Я сжала ее руку обеими ладонями и пригвоздила к полу. Схватила лопатку и узким концом сломала ей руку в плече. Затем встала и то же самое проделала с оставшейся ногой. А после сунула конечности под кровать, чтобы им пришлось как можно дольше ползти до тела.

— Прости, — быстро проговорила я, едва взглянув на ее охваченное ужасом лицо. Затем схватила сумку с инструментами и выбежала из комнаты.

Я поспешила в том направлении, куда меня вела пульсация амулета — вниз по лестнице и за угол, — игнорируя каждое встречное Воплощение, за исключением крыс, которые бегали у меня под ногами, затрудняя мой путь. После стычки в комнате я была разгоряченной и вспотевшей, а потому почти не чувствовала холода. Я сжала пальцами рукава свитера, чтобы избавиться от излишков крови, но сердце продолжало мучительно ухать в груди, стуком отдаваясь в кончиках пальцев. Я нацепила сварочные очки, размазав теплую кровь по лицу, которая мгновенно остыла на холодном воздухе.

Вибрация амулета усилилась настолько, что болезненно отозвалась в теле, и как только я завернула за угол, стало ясно почему.

В тусклом свете догорающих углей я увидела распростертое на полу тело Тома, темная лужа медленно растеклась под ним, неподвижный взгляд был устремлен в никуда.

А над ним стояла и смотрела прямо на меня, сверкая зелеными глазами...

Боже мой...

Гиена.

Передо мной, без всякого сомнения, был не настоящий зверь, не Воплощение. Это было само проклятие. Сглаз во плоти.

Я знала это лишь потому, что Джембер уже уничтожил одного такого — единственный дебтера, который за последние двадцать, возможно, даже пятьдесят лет в этом преуспел. Хотя сам он никогда меня этому не обучал. Только сказал: если мне вдруг предложат подобную работу, чтобы я тут же бежала прочь без оглядки.

До меня внезапно дошло, куда подевались нога Джембера и его человечность, и реальность грозящей мне судьбы обрушилась на меня, словно удар кулаком по голове.

— Господи, прошу тебя, — взмолилась я и сжала в ладони амулет в поисках утешения, но его пульсация была настолько сильна и мучительна, что походила на крики ужаса.

Гиена переступила через тело Тома, звеня колокольчиками при каждом шаге, шерсть на ее сгорбленной спине встала дыбом.

Я достала серебряный диск и приступила к работе.

«У тебя нет плана, Анди».

Гиена подступала все ближе, ее рычание смешивалось с потрескиванием углей в камине.

«Думаешь, Сглаз будет спокойно сидеть и наблюдать, как ты работаешь?»

Слава богу, защита моего амулета простиралась по меньшей мере на три фута. Я села на пол и начала работать.

Сделав семь штрихов паяльником, я услышала, как скрежет острых когтей по деревянному полу остановился рядом со мной, почувствовала, как горячее дыхание заволокло окружающий меня кислород... уловила рычание в опасной близости от своего лица. Я подняла глаза, желая убедиться, что амулет выполняет свою задачу. На самом деле три фута — это не так уж много, когда кровожадный демон-гиена возвышается над тобой.

Я вдруг прервала работу. Голова гиены уже приблизилась к отметке в три фута; чудовище отошло назад и бросилось вперед, вновь ударив головой в то же самое место. Затем еще раз. И еще. Оно с легкостью справлялось с моим щитом, уменьшив его расстояние за все это время на целый фут.

Мое сердце забилося чаще. О боже. Если так будет продолжаться, мне ни за что не закончить амулет.

Но разве у меня был другой выход?

Я быстро возобновила работу, не обращая внимания на удары о щит.

Но чем дольше гиена била, тем громче становился грохот в моем амулете, пока мне не пришлось прерваться из-за накотившей тошноты.

«Анди, продолжай».

Я еще не скоро закончу.

«Господи, помоги. Дай мне сил...»

Я медлила слишком долго. Стоило мне щелкнуть ручкой, как я ощутила горячее дыхание гиены на своем лице. Я ближе подтянула к себе ноги. Осталась ли у меня хоть какая-то защита...

Вдруг что-то схватило меня и потащило за угол; я принялась с криками наносить удары, уронив наполовину

изготовленный амулет на пол. Но с одной порезанной рукой сопротивляться удавалось плохо. Я на мгновение зажмурилась, когда моя спина врезалась в стену коридора, — хорошо, что при ударе я не прикусила язык. Две сильные ладони прижали мои руки к бокам.

Я уставилась на Сабу, с которой наши глаза были теперь на одном уровне.

— Отпусти меня.

Она покачала головой.

— Не вынуждай меня снова тебя ломать. Я сделаю это, если придется.

В следующую секунду она загородила меня своим телом, когда из комнаты, в которой мы только что находились, медленно вышла гиена. Но я почти не видела ее, да и времени испугаться или что-то предпринять у меня не было, потому что Саба открыла дверь напротив и быстро втокнула меня внутрь.

— Саба, прекрати! Отпусти меня! — В комнате стояла крошечная тьма, если не считать света, лившегося сквозь узкую щель под дверью. Моя рука уперлась в стену. Проведя по ней ладонью, я нащупала еще одну, а за ней... еще одну. Тем временем присутствие гиены ощущалось все слабее и слабее, и я уже едва могла уловить малейшее дуновение. — Саба!

Последняя стена привела меня к двери, но было уже слишком поздно. Заперта. Я ударила по ней здоровой рукой.

— Саба!

Подергала ручку и одновременно пнула по двери ногой. Затем полезла в карман за ножом, проклиная себя на чем свет стоит за то, что не подобрала его с пола, когда выбегала из своей комнаты.

Вскрикнув от досады, я опустилась на пол и принялась искать то, что могло мне помочь. Должно же быть что-то,

чем можно взломать замо́к. Кто вообще держит кладовки в доме пустыми?

И только потом осознала, что больше не ощущаю присутствия гиены.

Я потерпела поражение.

Глава 18

Сквозь туман я расслышала свое имя. Почувствовала тряску, как в раскачивающейся телеге. Что-то касалось меня — мягко, но при этом настойчиво.

Я застонала, из-за странной слабости было трудно разлепить глаза. В конце концов мне это удалось, но даже от косых солнечных лучей на потолке у меня раскалывался череп. Кто-то сидел надо мной... и его голова горела.

Я моргнула, и мое имя выплыло из тумана. Моргнула еще раз, и огненное существо превратилось в истерично орущую Эмму, чьи рыжие волосы отливали на солнце золотыми бликами.

— Андромеда, бливейт унт!

— Где мы? — проговорила я заплетающимся языком.

— Тонгат ваби! Бли, ты хаббу есть!

— Что? — Я попыталась сесть и почувствовала, как ее руки легли мне на плечи, помогая принять вертикальное положение. Комната мгновенно закружилась.

Я схватилась рукой за ноющую голову, в нос ударил острый запах трав, который быстро привел меня в чувства.

Мне пришлось широко распахнуть глаза, чтобы сфокусировать взгляд.

Моя кровать. Моя комната. Пойдите, оно возвращается за мной... Пробуждение. Саба, рассыпающаяся, как глина.

Боже мой. Гиена.

Я вскочила на ноги, и колени тут же подогнулись подо мной — мне пришлось ухватиться за кровать обеими руками. Маленькое красное пятнышко начало расплываться по забинтованной руке: я смотрела на него, но при этом ничего не чувствовала.

— Андромеда, — проговорила Эмма, помогая мне сесть. Она похлопала меня по щекам, наверняка высматривая на моем лице признаки вменяемости. — Ты в порядке?

Я даже не помнила, что смогла выбраться из той кладовки. Хотя с другой стороны... Видела перед собой свои порезанные пальцы, которые теперь были поочередно забинтованы и перевязаны. Я почти не чувствовала их. Меня одолевала сонливость. Должно быть, последствия снотворного или обезболивающего. Но я не давала на это согласия — от этой мысли во мне вскипело раздражение.

Саба, догадалась я. Весьма любезно с ее стороны, учитывая то, как я поступила с ней. Несмотря на это, вчера она спасла мне жизнь. Или же, напротив, не дала спасти...

— Господи, — выдохнула я. — Том.

— Да, Том, — кивнула Эмма. Ее радостная улыбка тут же сменилась слезами. — Пожалуйста, Андромеда, помогите мне его найти. Я думаю, он пропал.

— Пропал... — На меня нахлынули воспоминания. И то, которое касалось Тома, прошибло меня насквозь, вызвав дрожь. Образ его искалеченного тела, распростертого на полу, взгляд устремленных в пустоту

глаз отпечатался в моем сознании. Нет, он вовсе не пропал. И если Саба не убрала его тело, как стерла все следы нашей вчерашней борьбы, то я знала, в какой комнате его искать.

Я медленно поднялась с постели, Эмма не отходила от меня ни на шаг. На мне была вчерашняя одежда — я решила, что вполне сойдет и так. Вспомнив про нож, я быстрым взглядом поискала его на полу, пока не обнаружила аккуратно лежащим на приставном столике, будто вчера его и не использовали вовсе. Осторожно, чтобы не перетрутить левую руку, я пристегнула нож к поясу, даже не пытаюсь его скрыть.

Затем посмотрела на Эмму, но не смогла выдавить из себя улыбку.

— Давайте найдем его.

Эмма взяла меня под руку, и мы вместе стали спускаться с лестницы. Несмотря на то что голова по-прежнему раскалывалась, движение помогало телу прийти в форму, словно выводило из организма остатки лекарства. К тому времени, как мы достигли последней ступени, мне уже хватало сил сжать ее плечо.

— Предлагаю разделиться, — сказала я, и ее глаза в ужасе расширились. — Иначе поиски займут долгие часы.

— Этот дом пугает меня, — простионала она.

Как ей объяснить, что сцена, которую она увидит, если пойдет со мной, испугает ее еще больше?

— По пути открывайте окна, пусть в них светит солнце, так вам станет лучше, — заверила я. — Через полчаса встретимся на этом же месте.

Она кивнула и поспешила в том направлении, где, как я знала, ничего не найдет. Я же отправилась в противоположную сторону — туда, где все произошло.

Сегодня комната выглядела иначе. Я попыталась вспомнить, какой она была вчера и во все предыдущие дни. Все верно, большой гобелен упал со стены и теперь лежал посреди пола. Нет... не упал. Он был расстелен наподобие ковра.

Плечом и здоровой рукой я сдвинула небольшой столик вбок, сошла с гобелена, откинула его в сторону. И тут же отпрянула.

Том лежал там же, где я оставила его, хотя и не совсем. Его тело наполовину утопало в полу, как в неглубоком бассейне: на поверхности виднелись лишь бедро, рука и лицо. Только вместо воды его заполняли твердый камень и потрескавшееся дерево, а тело мужчины походило на окаменевшее ископаемое. Кожа посерела после смерти или окоченения, на лице застыл пустой взгляд, устремленный к Богу.

Я быстро накрыла Тома обратно, восстановив тайник, а потом еще некоторое время не могла пошевелиться. Гобелен сняли со стены и положили на пол явно с целью скрыть свидетельства того, что натворил Сглаз.

Я встала и выбежала в коридор — от слишком быстрого движения у меня закружилась голова, но сейчас это волновало меня меньше всего. Случайное расположение стола и ковра посреди коридора больше не казалось таковым. На деле маленький деревянный столик оказался тяжелее, чем на вид: я сдвинула его плечом и откинула ногой ковер. На меня глядело потрясенное окаменевшее лицо Эдварда... мужчины, чьи добрые глаза встречали меня в первый вечер и который без сомнения исчез во время первого Пробуждения.

Я снова набросила на него ковер, а затем, подбежав к стене, сдвинула гобелен. Ничего. Я носилась по коридору и отодвигала от стены каждый предмет интерьера,

который попадался мне на глаза, пока не схватила какую-то корзину, которая, как мне показалось, висела слишком низко, и не обнаружила за ней руку: она тянулась ко мне, словно умоляя о помощи.

Охваченная дрожью, я застыла на месте.

В каком-то смысле Эмма была права. Дом удерживал свои жертвы в заложниках. Хотя что-то мне подсказывало, что после уничтожения Сглаза счастливого воссоединения не случится. Дом их поглощал. Высасывал трупы досуха, а после, о боже, извергал их кровь? От этой мысли мне сделалось дурно, я посмотрела в другой конец коридора.

— Магнус?

В коридоре стояла тишина, и мой голос даже без крика прозвучал чересчур громко. Звуков *квалесина* слышно не было, поэтому я напрямик направилась в библиотеку. Магнус сидел в своем обычном кресле и рисовал. На миг он прервался, чтобы метнуть в портрет отца дротик. Тот уверенно вошел в холст, присоединившись к скоплению других дротиков чуть ниже пояса мужчины.

— Кастрируешь своего отца? — поинтересовалась я.

— Идеальная утренняя терапия. — Магнус захлопнул альбом и, положив его на колени, все свое внимание обратил на меня. Он улыбался и, по всей видимости, не имел ни малейшего представления о том, что случилось прошлой ночью. В другой день я была бы только рада такой реакции, но сейчас мне требовалось поделиться своими ужасными открытиями.

— Андромеда, ты проспала, — сказал он, осуждающе погрозив мне карандашом. — Честно говоря, я и не знал, что такое возможно.

Боже, он был таким милым: смотрел на меня, вскинув в очаровательном любопытстве свои густые брови. Видеть его таким было необычайно приятно.

— Это все лекарства, — ответила я, сев рядом с ним. Он тут же потянулся ко мне и взял за руку. В ответ я чересчур крепко сжала его ладонь. Я должна была переживать из-за его лжи, но мне было все равно. Сейчас существовали более серьезные причины для беспокойства. — Мне нужно с тобой поговорить.

При виде моей забинтованной руки его глаза округлились.

— Господи. Что случилось?

Я ответила с глубоким вздохом:

— Люди в этом доме не исчезают. Их убивают.

Краска мгновенно схлынула с лица Магнуса.

— Убивают? С помощью Сглаза? Но я думал... — Он выглядел так, будто его вот-вот стошнит. И я не осуждала его за это. — Мне говорили, что именно это и происходит при зрительном контакте с носителем Сглаза. Но ни одно тело не было найдено, да и я сам на следующее утро никогда не помню, что делал накануне. Так что я... — Он подергал полотно своего свитера. — Я решил, что все-таки никого не убиваю.

— Тела есть. Просто дом поглощает их. Ты никогда не замечал, что предметы интерьера расположены как-то по-другому?

— Я разрешаю Сабе расставлять мебель так, как ей хочется. — Он замер. — Ты же не хочешь сказать, что она...

— Нет. Нет, она всего лишь замечает следы. Потому что... — Я сглотнула. — Потому что она часть Сглаза, не так ли?

Магнус непонимающе уставился на меня, хлопая глазами.

— Что ты имеешь в виду? В Сабе нет ничего плохого. Я вырвала руку из его ладони, в памяти всплыл весь его обман.

— Я ненавижу, когда мне постоянно врут, Магнус.

Он снова заморгал, нахмутив брови.

— Я не совсем понимаю, о чем речь.

— Ты сейчас прикидываешься?

— Вовсе нет, я просто не улавливаю смысла твоих слов...

Я перегнулась через стол и, оттянув ему ухо, повысила голос в попытке перекрыть бурные протесты.

— Тогда я повторю свой вопрос...

— Ладно-ладно, я услышал тебя, — всполошился Магнус, отдирая мои пальцы от своего уха.

— У нее не бьется сердце. Кожа холодная и раскаляется точно глиняная посуда. Никто в доме, кроме нас двоих, похоже, не видит ее. *Что она такое?*

Уже через секунду он сказал:

— Не закроешь дверь?

«Разве в этом доме остался еще хоть кто-то, кто может услышать нас?» — чуть не выпалила я, но решила не подливать масла в огонь. Глубоко вздохнув, я бросилась к двери, захлопнула ее и вновь опустила в соседнее кресло.

— Говори, — велела я.

— Она жертва Сглаза, — ответил Магнус, потирая ухо.

— Жертва? — Моя твердая уверенность пошатнулась. — Так она... мертва?

— Да. Воскресла, но, в сущности, не ожила.

Я застыла.

— Н-но... — Моя дражайшая подруга Саба... *мертва?* — Но почему? Как?

Он вздохнул тяжело, словно устал от этого вопроса.

— Не знаю, могу ли я сказать.

— Магнус, это вопрос жизни и смерти. Ты должен со мной поделиться. — Потянувшись через маленький столик, я схватила его за руку, чтобы привлечь внимание. — Пожалуйста. Скажи.

Магнус не смотрел на меня. Обычно он все время стремился взглянуть мне в глаза, но сейчас...

— Только не стоит ненавидеть меня за это.

— За что? — Когда он ничего не ответил, я развернула его лицо к себе. — Скажи мне.

Магнус сглотнул. Сделал глубокий вдох.

— Как думаешь, на кого она похожа?

Я помедлила.

— На тебя — так мне показалось в первый день. Она твоя сестра?

— Близко.

На этот раз я молчала дольше.

— Магнус, я ничего не понимаю.

— После того как жертву Сглаза захоранивают, остается небольшой срок для эксгумации тела, для Сглаза — это возможность оживить его в своих целях. — Некоторое время он смотрел на огонь. — Именно так поступило жалкое подобие моего отца... с моей матерью.

Я вцепилась в столешницу, пальцы сжали дерево так, будто могли расколоть его.

— Что? — ахнула я. С пятого раза.

— Сглаз, прежде чем выпустить свое проклятие, дождался моего рождения. В его распоряжении оказался миллиардер и его наследник... два поколения богатства. — Магнус замолчал, несколько раз сглотнул. — Моя мать стала первой жертвой моего отца... первым человеком, кто посмотрел в его глаза и умер.

Я вскочила на ноги, беспокойно сжимая и разжимая здоровый кулак.

— Саба — твоя мать.

Его мать. А значит, она была по меньшей мере на двадцать два года старше, чем можно предположить по ее внешности.

Мы оба замолчали. Порезанная рука начинала ныть, но вставший в горле ком причинял еще бóльшую боль. Я попробовала несколько раз сглотнуть — тщетно. Тогда я бросилась к камину и, избавляясь от противного привкуса желчи во рту, сплюнула в огонь.

— Именно поэтому ты сказал, что, как только Сглаз будет уничтожен, Саба уйдет. Потому что она связана. Она служит ему. И умрет, когда его не станет.

— Она мой друг, — обиженно возразил Магнус. — Мне не довелось узнать ее в роли матери, но она всегда была моим другом. Она подчиняется Сглазу, потому что не может ничего с этим поделать, у нее нет защиты от него. Иногда она даже... — Он еще больше ссутулился в кресле, прижав альбом к груди. — Она плачет, выполняя его приказы. Ей не хочется этого делать, но тело вынуждено подчиняться. Мне тошно видеть ее такой.

— Магнус... — Я опустилась перед ним на колени и положила руки ему на бедра. Дорожки слез, стекавших по его щекам, блестели в свете огня. Все еще сдавленным голосом я произнесла: — Я чувствую себя ужасно виноватой. Я слишком медлила. Нужно было очищать дом гораздо быстрее.

— Я рад, что ты не спешишь. — Он наклонился вперед, альбом для рисования упал на пол к его ногам. — Я еще не готов с тобой расставаться.

Он провел пальцами по изогнутой линии моих ушей, обхватив мое лицо ладонями. Я закрыла глаза. Его руки

излучали точно необходимое количества тепла. Я могла просидеть вот так целый день, если бы тело мне позволило. Если бы разум мне позволил. Я до сих пор сомневалась в том, что здесь нет ничего предосудительного.

В любом случае сейчас надо было думать о более важных вещах, поэтому, высвободившись из его рук, я встала.

— Мне нужно рассказать Эмме про Тома.

Магнус закусил губу.

— Ты правда думаешь, что это хорошая мысль? Исчезновение — более милостивая участь, чем смерть.

— Более милостивая для кого? Она надеется, что после исчезновения Сглаза все будут освобождены. Я должна сказать ей то, что заставит ее покинуть это место.

— Хотя бы не говори про смерть. — Магнус встал и коснулся моей щеки. — У нее и так больше ничего не осталось.

— Но она хотя бы все еще может дышать, не так ли?

— Жестокая правда нужна не всем, Андромеда. Иногда единственная милость — это ложь. Не все такие сильные, как ты.

Я помолчала. Глубоко вздохнула.

— Хорошо, я не скажу ей. Но уговорю уйти. И жить дальше.

— Ты гораздо лучше нас всех. — С этими словами он поцеловал меня в лоб, задержавшись губами на коже, отчего на миг у меня перехватило дыхание. — Итак, каков наш следующий шаг?

— Наш следующий шаг? — Я посмотрела на свою перевязанную руку, и во мне вспыхнула решимость. — Мы избавимся от этой гиены.

Глава 19

Как хорошо, что я последовала совету Магнуса, потому что Эмма восприняла новость об «исчезновении» Тома именно так, как и следовало ожидать. Я позволила ей несколько минут поплакать у меня на коленях, после чего меня сменила Пегги, хотя, на мой взгляд, эта женщина вряд ли умела сочувствовать. Эмма не могла путешествовать в слезах, тем более в одиночку, — мне не хотелось, чтобы она становилась мишенью для озабоченных психов или воров. Так что я убедила ее, что сегодня она может переночевать в моей комнате, а завтра, как только будет готова, я отвезу ее в город.

Но медлить было нельзя. Мне нужно было повидаться с Джембером, и как можно скорее. Только на этот раз я забуду про вежливость и не стану соблюдать установленных ограничений. Буду надоедать ему весь день, если понадобится, и получу нужные мне ответы, нравится ему это или нет.

Когда мы с Сабой подошли к конюшне, дверь была уже не заперта: Эмма потихоньку запрягала лошадей. На ней были брюки и белая рубашка — для вещей Тома они сидели слишком хорошо. На голову она надела плоскую

шляпу, которая была бы ей велика, не спрячь она под нее волосы, выступающий край заслонял ее лицо от солнца... Ту же самую шляпу Том носил в день нашего знакомства. Рядом с повозкой лежала большая наплечная сумка.

Если повезет, Эмма могла бы сойти за четырнадцатилетнего паренька, но, возможно, и этого было достаточно.

— Вы уверены, что справитесь? — спросила я.

— Все лучше, чем оставаться здесь, — ответила она.

Эмма забралась в повозку, а я пыталась отвлечься от ее слез, пока Саба заканчивала приготовления.

Время завтрака давно прошло, и теперь близился обед. Я спрыгнула с повозки и, заплатив конюху, стала ждать, когда Эмма медленно спустится на землю. Судя по ее виду, она плакала: лицо покраснело и опухло, поэтому я взяла на себя смелость и натянула ей шляпу на глаза.

— Вам есть на что жить? — спросила я. Мне не хотелось упоминать деньги в общественном месте, но она, похоже, и так меня поняла, похлопав рукой по нагрудному карману и сумке.

— Этого хватит, чтобы добраться до Англии. А там у меня полно друзей и родственников, которые мне помогут.

Теперь лицо Эммы покраснелось от жары. Я боялась, что к концу дня она и вовсе сварится.

Мы помолчали минуту.

— Я действительно восхищаюсь тем, что ты делаешь, — внезапно проговорила Эмма. — Ищешь свое призвание, свой путь в жизни. У женщин на моей родине нет такой возможности.

У здешних женщин выбор тоже невелик. Только если у тебя водятся деньги. Голодай или выживай — вот и все, что у нас было.

Я пожала плечами.

— Я лишь делаю все необходимое, чтобы выжить.

— Похоже, пришло мое время заняться тем же самым.

— У вас есть защита? — спросила я.

В ответ она продемонстрировала мне пистолет в кармане.

— Храни вас Бог, Эмма.

— И тебя. — Кивнув, Эмма сжала мою руку. На ее лице читались уверенность и сомнение одновременно.

Некоторое время я смотрела ей вслед, а потом перевела взгляд на Сабу, возникшую рядом со мной.

Надо было идти — мои принципы выживания не позволяли мне стоять слишком долго посреди улицы.

Мы пробрались между рядами заполненного людьми рынка, минуя кричащих продавцов фруктов и орехов, торгующихся за мясо покупателей, и нырнули в лабиринт улиц.

На этот раз в самую церковь я не пошла: в это время Джембер должен был отсыпаться после сложной трудовой ночи. Вместо этого я привела Сабу в переулок позади церкви, который отделялся от лабиринта стенами со всех сторон, кроме одной: здесь в землю была вкопана подвальная дверь. Цепи и замка на ручках не было, значит, Джембер запер дверь изнутри. Он определенно был дома.

Я посмотрела на Сабу.

— Ты не против подождать снаружи несколько минут? Уверю, сюда никто никогда не заходит.

Это было действительно так. Служители закона не имели власти над церковью — вернее сказать, люди уважали церковь больше служителей закона, — поэтому часть своего детства я провела при ней, чувствуя себя свободной во многих отношениях. Возможно, поэтому

Джембер предпочел жить под церковью в буквальном смысле этого слова. Ни один человек не осмелился бы совершить преступление где-то поблизости. Это было самое безопасное место во всем городе.

Несмотря на это, вокруг двери имелась пара мини-ловушек. То, что здесь было безопасно, еще не означало, что Джембер доверял людям.

— И не трогай дверь, — добавила я.

Саба ободряюще улыбнулась мне и взмахом руки подтолкнула к двери. Я опустилась на колени перед небольшой решеткой рядом, с усилием потянула за нее обеими руками — створка, прежде чем поддаться, скрежетнула по металлическому проему.

Я ухмыльнулась.

Ленивый старик так ее и не починил.

Сначала я заглянула внутрь: убедиться, что путь свободен, а потом скользнула в небольшое отверстие ногами вперед. Приземлившись прямо на ящик, я вернула створку на место.

Внизу царил полумрак, лишь дневной свет слабо пробивался сквозь решетку. Я спустилась с ящика, подняв пыль движением ног. Кашель пришлось заглушить сгибом локтя. Затем с помощью паяльной ручки я зажгла первую попавшуюся под руку масляную лампу. Живи я здесь до сих пор, это помещение было бы свободно. А так оно использовалось в качестве кладовки и было завалено книгами, коробками, вазами и велосипедом. Наша маленькая кухонная печь была полностью заставлена деревянными ящиками, затвердевший слой пыли и грязи свидетельствовал о том, что в таком состоянии она находилась уже несколько недель.

Не будь дверь заперта изнутри, я бы решила, что здесь больше никто не живет.

На полу я разглядела дорожку от спальни к лестнице, ведущей ко входу в подвал, которая выглядела чуть менее пыльно, чем все остальное.

Я подняла масляную лампу и, пробравшись сквозь многочисленный хлам, откинула занавеску над дверью у дальней стены. Свет лампы проложил желтую полосу до кровати, стоявшей у стены по центру. Я глубоко вздохнула и расслабила тело, раздражение сменилось облегчением. На постели вырисовывался силуэт Джембера, лежащего на спине. Поставив лампу на комод, я увидела, что на мастере лишь белые штаны и красные кожаные перчатки, протеза на ноге нет. Надо заметить, Джембер никогда не питался лучше меня, к тому же пожилые люди переваривали пищу иначе или же вовсе меньше нуждались в ней, поэтому его тело отличалось относительно подтянутым торсом и руками. На кровати валялись стеклянные бутылки и банки, на приставном столике лежал бумажный пакет с лекарствами — определенно запрещенными.

— Джембер, — позвала я с порога, а когда он не ответил, подошла ближе и хлопнула в ладоши. — Вставай, старик.

Снова тишина. Сердце вдруг забилось чаще, и я невольно разозлилась на себя за это. Он не мертв, а если и так, то меня не должно это волновать. Но я привыкла беспокоиться о людях, а от старых привычек трудно избавиться.

Приблизившись к кровати, я приложила два пальца к его шее. Однако пожалеть о принятом решении и уж тем более закричать мне не представилось возможности, поскольку в следующую секунду затянутые в перчатку пальцы Джембера сомкнулись на моем горле. К тому времени как моя спина ударилась о матрас, в моей руке уже был нож.

— Ну же, девчонка, — произнес он и склонился надо мной, его дреды упали мне на лицо. — Заставь меня разжать пальцы.

Несмотря на то что он крепко прижимал мое запястье, я все равно могла порезать ему руку. Там располагалась подходящая артерия.

Но именно по этой причине я и не стала этого делать.

Я ощутила сильное жжение в сдавленной гортани. У меня было всего несколько секунд, чтобы решить, как действовать дальше, прежде чем силы покинут меня. Я потеряю сознание. А потом он, как обычно, выиграет, и весь оставшийся день я буду страдать головной болью и першением в гортани.

Без деревянного протеза он опирался лишь на одну ногу. Я выбила ее из-под него, опрокинув на спину. Коленом придавила его руку и обеими ладонями нацелила нож ему в лицо. Он перехватил их свободной рукой, подтянувшись мне навстречу.

— Почему ты не порезала мне руку? — прохрипел он. — Я предоставил тебе самый легкий путь.

— Артерия.

— Слабачка.

— Я не слабачка, просто ты нужен мне живым. — Я перенесла свой скромный вес тела в сторону ножа и приблизила кончик к его лицу. — Сдавайся, старик, пока я не лишила тебя глаза.

— Твои угрозы стали более реальными. — Он покоился на нож. — Сдаюсь. — Я ослабила давление, позволив ему опустить руку, которой он защищался, но лезвие от лица не убрала на случай, если он передумает. — Скажи мне, как проверить пульс человека?

— Воткнув в него нож, — ответила я.

— Тогда почему я должен тебе снова это повторять? Никогда не приближайся настолько, чтобы тебя можно было схватить, особенно к тому, кто больше тебя. — Он прогнал меня взмахом руки, и я встала, убирая оружие. — Что, черт побери, случилось с твоей рукой с нашей последней встречи?

— О... — Я посмотрела на свои перебинтованные пальцы, которые, несмотря на лекарство, вновь начинали болеть после нагрузки. — Порезалась... о какую-то посуду.

— Так это была посуда или нет? Звучит так, будто ты сама не уверена. — Он почесал бороду, смерив меня недоверчивым взглядом. — Мы оба знаем, что это не обычный сентиментальный визит. Что ты здесь делаешь, девчонка?

Я сложила руки на груди и отступила еще на шаг, пытаюсь собраться с духом. *«Ну же, скажи ему, Анди».*

Однако с губ моих сорвались совсем другие слова:

— Это место отвратительно.

— Потому что тебя здесь нет, чтобы убираться.

— Еще не обзавелся новым подопечным?

— Пока не нашел того, кто обладал бы достаточным потенциалом и стоил потраченного на него времени. — Джембер закашлялся от смеха, а затем со стоном сел на краю кровати. До меня донесся хруст суставов. Ему было почти тридцать восемь, но из-за боли он выглядел старше. Он поморщился, помассировал обрубок, на месте которого раньше было колено, и проглотил, не запивая водой, две запрещенные таблетки. Вся его прыть, скорее всего, была вызвана лишь приливом адреналина.

Живя на улице долгое время, учишься включать и выключать его запуск по мере надобности.

Мне хотелось злиться на него. Хотелось ненавидеть. Но я не могла.

— Как же ты выживаешь тогда? — спросила я. — Церковь платит, только если ты обучаешь для них детей.

Джембер испустил долгий вздох и поник, наградив меня испепеляющим взглядом, будто я порядком надоела ему уже после нескольких минут общения. Он стянул перчатки и кинул их на кровать, встряхнув вспотевшие ладони, затем открыл ящик рядом с собой и достал из него трубку.

— По-моему, в прошлый раз я ясно дал понять, чтобы меня не беспокоили.

Я выхватила трубку у него изо рта, прежде чем он успел ее зажечь.

— Твое тело — это храм во славу Господа.

— Мое тело принадлежит мне, а твое — тебе. — Он забрал у меня трубку, но зажигать не стал. — Если только я не решу наконец убить тебя и использовать твой жир в качестве масла для жарки.

И это *moi-to* угрозы он считал нереалистичными. Подобные заявления срабатывали только в первый год — я целый год жила в постоянной тревоге, пока не уяснила, что Джембер слишком ленив, чтобы доводить дело до конца. Сейчас это уже стало просто традицией.

Я усмехнулась:

— Желаю удачи в поисках хоть какого-то жира на мне.

Сначала Джембер тихонько рассмеялся, а в конце тяжело вздохнул. Мгновение мы оба молчали. В эту минуту мне показалось, будто я вернулась домой. В конце концов он произнес:

— Должно быть, ты в полном отчаянии, раз пришла ко мне за помощью.

Я слотнула.

— Ты говорил обращаться к тебе, только если моей жизни будет угрожать опасность.

— Кто он? Назови мне имя.

— Это... не просто человек.

Джембер побледнел, и меня охватила дрожь при виде его лица. Он обеспокоен? Напуган? Я ни разу не видела у него подобных эмоций, особенно одновременно.

— Ты ведь в Торнфилде, да? — спросил он, и на его лице наконец отразилась злость. — Ты совсем спятила?

— А тебе какое дело? — огрызнулась я. — Ты сам довел меня до такого.

Джембер отшвырнул одну из лежащих рядом бутылок, и я вздрогнула, когда та разбилась о каменную стену. Он попытался встать, но вспомнил, что не надел протез. Мы оба знали: сейчас у него нет сил, чтобы скакать на одной ноге.

На мгновение повисла тишина. Во мне сплелись ненависть и чувство вины.

— Я знаю, что ты умнее этого, — наконец сказал он.

— Мне нужна была работа.

— Нужна была раб... — Он сжал пальцами виски, делая глубокий вдох. — Ты ведь знаешь, что десять опытных дебтер уже брались за это дело. Разве это недостаточный повод держаться от этого места как можно дальше?

— Мне сказали, что ты отказался от этой работы, — проговорила я, силясь не заплакать, хотя наворачивающиеся слезы жгли мне глаза. — Почему?

Джембер посмотрел на меня так, будто я задала самый глупый вопрос, который он когда-либо слышал.

— Что значит «почему»?

— Ты единственный из ныне живущих дебтер, кто сталкивался с гиеной. Магнус наверняка заплатил бы тебе больше, чем мне.

— Я тебе тысячу раз говорил: браться за работу только из-за денег — опасно. Если ты носишь амулет, это не значит, что можно специально приманивать Сглаз.

— Но он и без всяких денег нуждается в нашей помощи.

— И что?

— Как можно быть таким эгоистом?

— Эгоизм — правильный принцип выживания.

Некоторое время мы молчали, но тишина в комнате тем не менее казалась оглушительной. Стук сердца отдавался в ушах, меня душили застрявшие в гортани сдавленные рыдания.

— Я лишь хочу знать, как от нее избавиться.

— Ты не вернешься в этот дом.

— Ты больше ничего не решаешь в моей жизни.

— Тогда нечего обращаться ко мне за помощью.

— Ладно, — проговорила я, стиснув зубы. А потом открыла сумку. — В таком случае это не просьба. Я заплачу тебе за информацию.

Джембер выдвинул ящик приставного стола и достал свой амулет. Он был больше моего, на тяжелой цепочке, большую часть серебряной поверхности закрывала переливающаяся черным нить. Он выставил амулет в мою сторону, как бы защищаясь от денег, которые я извлекала из потайного кармана.

— Я не возьму твои грязные деньги.

— *Эти* грязные деньги? — с усмешкой проговорила я и бросила несколько купюр на пыльный пол.

Его взгляд был ледяным, как замок, из которого я прибыла.

— Подними их.

— Бог свидетель, они нужны тебе, старик.

Он надел амулет.

— Я никогда не принимаю деньги от семьи, с которой еще не было снято проклятие, и тебе не советую.

Я закатила глаза.

— Со мной ничего плохого не случилось.

— Твоя перебинтованная рука говорит об обратном.

Я застыла, воспоминания о том существе вновь заставили меня похолодеть, несмотря на жар пустыни, и мне вдруг перехотелось дразнить Джембера. Я быстро подобрала деньги с пола и спрятала их.

— Ты единственный дебтера за последние двадцать лет, кто успешно избавил семью от гиены, — вот почему церковь наняла тебя. Но ты никогда не рассказывал о том, как тебе это удалось. Пожалуйста, Джембер. Только ты можешь мне помочь.

Джембер со вздохом опустил голову, упер локоть в колено и потер лоб, я же затаила дыхание. Через мгновение он снова выпрямился.

— Ее нельзя уничтожить как другие Воплощения. Лишь забрать у носителя и оградить от него, а потом отпустить, чтобы она нашла себе нового хозяина. Так что знаешь, что тебе нужно сделать?

— Что?

— Оставить ее к черту в покое.

Я застонала от разочарования.

— И с чего я вообще взяла, что ты мне pomoжешь?

— Я *помогаю* тебе. Ты ведь хочешь жить? Тогда убирайся оттуда немедленно. Пусть замок сгниет. После смерти семьи Сглаз отправится на поиски новой алчной жертвы, которую можно будет заразить. На этом конец истории.

— Сначала ты рушишь мою будущую карьеру, а потом думаешь, будто можешь...

— Я рушу? Да я делаю тебе одолжение.

— Если ты не скажешь, как уничтожить его, я прочитаю каждую книгу, которую смогу достать. Я обращусь к другому дебтере. В любом случае я вернусь в этот дом, чтобы закончить работу.

— Андромеда, стой.

Я уже развернулась и бросилась к двери, когда его голос вынудил меня остановиться. Я обернулась к нему. Меня не должны были волновать его слова. Надо было идти дальше и не оглядываться.

Джембер почти сполз на пол. Я не задумываясь подошла к нему и достала из-под кровати его протез. Дерево стало неровным и слегка потрескалось, кожаные ремешки и накладки износились. Металлический наконечник был все еще крепким, только немного поцарапанным, но если бы дерево просело, от него было бы мало толку. Я протянула ему ногу, держа ее за конец протеза. Надо было оставить его одного, пусть сам надевает. Он прекрасно справлялся без меня последние несколько недель.

— Ты вернешься туда, чтобы досадить мне? — спросил он, забирая у меня протез. — Потому что я знаю: ты для этого слишком умна.

— Я вернусь, чтобы спасти кое-кому жизнь.

— Все закончится не так, как ты того хочешь, — сказал он, пристегивая ногу. — Могу тебя заверить.

— Тогда помоги мне. Вместе мы сумеем справиться. Джембер горько усмехнулся.

— Ты всегда была неразумно оптимистичной. Эту черту ты явно унаследовала не от меня. — Он снял с себя амулет и протянул мне. — Хочешь выставить себя полной дурой и пойти против гиены? Тогда тебе потребуется защита получше.

Если носить его тяжелую цепь чересчур долго, можно заработать боль в шее. Хотя с этим самым амулетом

Джембер противостоял Сглазу. Никакой другой помощи предложить он не мог, да и мне большего не требовалось. А боль можно было и потерпеть.

Помедлив, я потянулась за амулетом. Но он, вскинув брови, убрал его от меня.

— Я не стану тебе его отдавать. Но позволю вернуть-ся в замок при условии, что ты сама из согласишь себе амулет против гиены.

Я изумленно уставилась на него.

— Что? Но ты меня этому не обучал.

— А я и сейчас не собираюсь. — Он вновь протянул мне амулет с легкой ухмылкой. — У тебя хватит своего ума, чтобы изучить его и во всем разобраться самостоятельно.

— На это уйдет не один день.

— Несколько дней, чтобы создать мощный щит, или несколько секунд, чтобы умереть без него. — Он вызывающе помахал им передо мной. — У тебя есть три секунды, прежде чем я заберу свое любезное предложение назад.

Я тут же схватила амулет, хотя мне хотелось треснуть им наставника по голове, а не изучать. Уверена, поскольку это Джембер, Господь закрыл бы на это глаза.

— И где, если не в замке, ты предлагаешь мне остаться?

— Здесь, если сможешь не высовываться и держать рот на замке.

Я усмехнулась.

— Как это великодушно с твоей стороны, Джембер.

— Или можешь продолжить действовать мне на нервы и будешь снова спать на улице. — Он поднялся на ноги, потянулся. — Вообще-то мне нужно сделать кое-какие дела. Так что отдавай обратно. Можешь пока поизучать мой старый амулет.

Я вернула ему амулет, держа тяжелую цепочку обеими руками.

— Мне нужно сообщить подруге, что некоторое время меня не будет в замке, чтобы она не беспокоилась. Она ждет снаружи. — Джембер замер, поэтому я добавила: — Не волнуйся, тебе не придется с ней здороваться.

— Я и не собирался. — Он схватил рубашку цвета куркумы с таким количеством дырок, что те казались практически произведением искусства, понюхал ее и только потом натянул поверх амулета.

Я достала ключ из комода, отперла замок на цепи и распахнула двери. Саба стояла, прислонившись к стене напротив церкви, с таким небрежным видом, будто жила здесь, а не в большом доме.

Джембер, споткнувшись, резко остановился на ступенях, так что мне пришлось убедиться, что его протез не застрял в трещине. А после он выругался — грубым, неприличным словом.

Я смирла его сердитым взглядом.

— Такие слова нельзя произносить рядом с церковью. Он снова его повторил.

— Джембер, *хватит*. — Я обернулась к Сабе, чтобы извиниться, но... обнаружила, что та смотрит в землю, опустив брови... а в ее глазах блестят слезы.

— Саба?

Я никогда не слышала дрожь в голосе Джембера, поэтому резко вскинула голову в его сторону, желая убедиться, что это сказал именно он.

— Вы знакомы?

— Только не говори мне... Господи. Даже *не смей* мне говорить. — Грязно выругавшись в очередной раз, он резко захлопнул двери подвала.

— Да что на тебя нашло, старик? — крикнула я ему сквозь двери.

— Уведи ее отсюда, — приглушенно отозвался он с другой стороны. — Сейчас же.

— Э-эм... — Я взглянула на Сабу. При виде того, как слезинка скатилась по ее щеке, у меня на миг перехватило дыхание. Несмотря на это, я отвела ее к церкви. — Стой здесь. Я скоро вернусь, — сказала я и вновь нырнула в переулочек.

— Она ушла, — сообщила я, и дверь тут же отворилась.

Джембер взлетел по ступеням, выхватил у меня ключ и, не говоря ни слова, запер замок на цепи.

— погоди, — крикнула я ему в удаляющуюся спину, — что это вообще было?

Джембер обернулся и пронзил меня взглядом так, словно я сказала что-то оскорбительное.

— Дай угадаю, ты об эту посуду порезалась?

Он не стал дожидаться моего ответа и ушел, оставив меня в переулочке одну.

Выходит, Джембер знал. Разумеется, он знал. Он встречался с гиеной, у которой, должно быть, тоже имелся собственный слуга.

Мне потребовалось время, чтобы отойти от эмоций, после чего я вернулась к ожидавшей меня Сабе. Слезы на ее щеках уже высохли, но она по-прежнему выглядела расстроенной.

В моей голове роилось множество вопросов, однако я решила начать с самого безобидного.

— Ты в порядке?

Она едва заметно кивнула в ответ, ее взгляд оставался отстраненным.

— Джембер предоставил мне возможность научиться делать более сильный амулет. Тот, который сможет

противостоять силе Сглаза. Не могла бы ты передать Магнусу, что я вернусь, наверное, лишь через несколько дней... Саба?

При звуке своего имени она моргнула и резко перевела на меня взгляд, словно только что очнулась ото сна. Затем грустно улыбнулась и кивнула.

— Что случилось?

Саба покачала головой. Помедлила. А после достала угольный карандаш и приложила бумагу к каменной стене церкви, чтобы что-то написать. Сложила листок и передала мне. С одной его стороны значился список покупок: я заметила среди складок пронумерованные пункты и наименования предметов. А снаружи темными буквами были выведены слова «Для Джембера».

При этом выражение ее лица было таким серьезным, что остальные вопросы я решила оставить при себе. Они могли подождать до следующей встречи.

— Я передам ему.

Саба улыбнулась — было видно, что эта улыбка далась ей нелегко, — а потом развернулась и зашагала туда, где мы оставили наш экипаж.

Глава 20

Амулет Джембера лежал у меня на коленях, пока я скользила по нему взглядом, будто читала свиток. Высматривала основные знаки, позволявшие видеть сквозь иллюзии. Те, что нужны для создания щита.

Невзирая на то, что амулет относился к числу старых, он все равно был более совершенным, чем мой. Бóльшая его часть представляла собой невразумительную совокупность линий и точек. Цветовые сочетания намотанных нитей казались мне бессмысленными. В них отсутствовала какая-либо структура.

Я взяла в руки небольшую грифельную доску, с отколотыми краями и помутневшей поверхностью, которой пользовалась еще в детстве, когда училась писать. Начала с известных мне штрихов и работала до тех пор, пока схема не начала отличаться от моего собственного амулета. С этого момента начиналась полная неразбериха. Недостаточно было увидеть детали и выполнить полную копию — любой изъян в конструкции делал амулет бесполезным для моих нужд. Однако попытка почувствовать линии была подобна эху множества голосов в пещере. Они были хаотичными. Неразборчивыми.

Так что я решила действовать постепенно.

Такой способ был утомительным и вызывал у меня легкую головную боль, но лучше так, чем полное отсутствие продвижения. Джембер не позволял мне тренироваться на куске дерева, пока линии не были отточены до совершенства. И лишь когда все стало получаться *безупречно*, он дал мне серебряный диск — причем *один*, потому что церковь не считала нужным предоставлять слишком много материалов для такого затратного дела. Знала бы я, что останусь здесь, взяла бы несколько штук из замка. Как бы то ни было, сейчас мне требовалось как следует попрактиковаться, чтобы не испортить работу.

Ничего сложного.

Дверь в подвал скрипнула, и я наконец подняла голову и потерла глаза.

— Последние полчаса мне приходилось делать вид, будто я восхищен новой лошадью архиепископа, — сообщил Джембер, вытирая пот со лба. — Внушительный зверь. Мы могли бы год питаться его мясом.

Я удивленно выгнула брови.

— И ты мог бы съесть такое прекрасное создание?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую, вскинув брови в ответ.

— Люди постоянно отстреливают хромых лошадей. Зачем зря пропадать хорошему мясу?

Разумно. К тому же молодая лошадь, скорее всего, еще не обременена тяжелой работой, поэтому ее мясо более нежное. От этой мысли мой рот наполнился слюной.

— Только она не скоро станет хромой, если он ее только что купил.

— Кто тебе сказал? — В тоне его голоса слышались легкие коварные нотки. Джембер достал из кармана

маленький коричневый сверток и с негромким стоном опустился рядом со мной на кровать. Затем, выгнув брови, посмотрел на мою работу. — Хм.

— Что-то неправильно?

— Это ты мне скажи.

Я поднесла его амулет к грифельной доске и сравнила с изображением.

— Выглядит правильно.

— Тогда почему ты сомневаешься в себе?

— Потому что ты с неодобрением произнес «хм».

— Хочешь умереть, девчонка?

— Конечно же нет.

— Тогда начинай заново. — Он провел рукавом по доске, стирая всю проделанную мной работу, прежде чем я успела его остановить, а потом снял с себя амулет и отдал мне. — И на этот раз будь уверена.

Джембер развернул коричневую бумагу и протянул мне ее содержимое. Я с улыбкой схватила треугольник пахлавы. Теплая, слоеная, хрустящая, источающая капли драгоценного золота. Я откусила большой кусок и откинула голову назад, чтобы стекающий мед попал точно в рот, а не на колени.

Затем, довольно промычав, облизнула губы.

— Рад, что тебе нравится, — сказал он. — Потому что это твой обед.

— Ничего страшного, я могу... — На свою премию я могла бы купить нам продуктов. Но он точно отказался бы от них — из принципа. В любом случае из-за царящего на кухне беспорядка их все равно некуда было складывать. Я привыкла обходиться малым. Так что переживу.

— За время жизни в замке твой желудок еще не растянулся? Я удивлен.

— О! — *Кстати, о замке...* Я выудила из кармана сложенную записку и протянула ее Джемберу. — Саба просила передать это тебе.

Немного помедлив, он взял листок, а потом уже решительно выдвинул ящик стола и бросил его туда.

Я закусила губу.

— Ты не хочешь ее прочесть?

— Пока меня не было, мне тут пришло в голову, — проговорил он, слизывая мед с пальцев, — что для амулета против гиены понадобится специальная нить.

Я приподняла брови.

— Значит, ты *не* хочешь ее прочесть?

— Тебе нужно покровительство или нет?

— Я бы предпочла разрешение, но это немного...

— Для этого слишком поздно, — одновременно со мной сказал он. — Сейчас наша главная забота — та самая нить. Она соткана из чистого золота, очень редкая. У церкви ее в наличии нет, да и я по понятным причинам не предполагал, что она снова мне понадобится. Так что нам придется пройтись по магазинам.

Я невольно сморщила нос. На удивление я сразу поняла значение фразы «пройтись по магазинам», во времена моего детства Джембер крайне редко использовал этот термин в его истинном смысле.

— Еда и лекарства — это одно, но украсть *золото*? Его пропажу заметят.

— Не заметят. Туда, куда мы направляемся, редко заходят.

Я встала и немного прошлась.

— У меня теперь есть деньги. Мы можем просто ее купить.

— До ближайшего места, где она *продается*, — полдня пути. К тому же какое в этом веселье?

При виде озорных искорок в карих глазах Джембера мое сердце забилося в радостном предвкушении. И я, да простит меня Господь, испытала лишь каплю вины, когда мои губы растянулись в улыбке.

К тому времени, как мы отправились на задание, солнце уже клонилось к закату. Однако стоило нам выйти из городских ворот и пойти на запад, как я поняла: закрытие рынка на ночь не имело значения.

— Ты не говорил, что мы идем грабить могилу.

Джембер издал смешок.

— Зато я говорил, что пропажу не заметят.

Через двадцать минут мы стояли перед лестницей, ведущей вниз, в гробницу. Джембер оперся на маленькую, похожую на перекладину ручку своей макомии, выудил из кармана длинную свечу и протянул ее мне.

— Как ты узнал, что нить находится здесь? — спросила я, зажигая свечу. — Ты ведь не сталкивался с гиеной двадцать лет.

— Я уже отоваривался здесь и раньше. — Он повел меня вниз по лестнице, через наспех сооруженные ворота, в темноту.

Свет от свечи расходился недалеко, но его хватало, чтобы разглядеть каменную стену и низкий потолок гробницы. Судя по эху наших шагов, здесь, скорее всего, располагалось несколько комнат — слух меня не подвел, потому что Джембер провел нас еще через два дверных проема.

Он передал мне свечу и прислонил посох к каменной стене. Затем опустился перед каменным гробом, и я последовала его примеру.

— Поднеси ближе.

Приблизив свечу к высеченной в камне линии, я уловила какой-то блеск. Джембер достал иглу, воткнул ее в узкую щель и слегка поддел мелькнувший кусочек нити. Повторил эти действия несколько раз, пока из щели не показалась петля достаточного размера, чтобы ее можно было зажать пальцами.

— Нет, — одернул он меня, когда я попыталась это сделать.

Вздохнув, я отодвинулась и принялась смотреть, как он высвобождает еще немного нити.

— Я могу тебе как-то помочь?

— Просто держи свечу ровно.

Несколько минут прошли в молчании, прежде чем я вновь заговорила:

— Сколько нити мне понадобится?

— Метр.

— С той скоростью, с которой ты работаешь, свечи надолго не хватит. Давай я тебе помогу.

— Если нить порвется, от нее не будет никакого толка. Не торопись умирать.

— Я не собираюсь умирать. — Он усмехнулся в ответ, и я с трудом удержалась от желания капнуть на него горячим воском. — И вообще, какое тебе до этого дело?

— Я вложил четырнадцать лет своей жизни, чтобы уберечь тебя от смерти. И мне не нравится видеть, как мои инвестиции тратятся впустую... Ага. — Показался кончик нити, и он тут же намотал его на два пальца. — Теперь осталось недолго.

Поскольку происходящее было тесно связано с его работой, я понимала, что могу доверять его словам. И действительно, остаток нити выходил легче, словно ее движением руководил наматываемый кончик. Свеча едва

сгорела наполовину к тому времени, как Джембер обрезал нить ножом.

— Здесь чуть больше метра, — предупредил он, передавая мне нить. — Хватит, чтобы завязать узел на конце.

Я спрятала ее в карман.

— Спасибо, Джембер.

— А когда мы вернемся домой...

— Я продолжу работу над амулетом. — Я с ухмылкой пожала плечами. — Покой нам только снится.

— Впрочем, как и любой дебтере, — сказал он, и мне даже показалось, будто я увидела на его лице улыбку. — Привыкай.

Внезапно на лестнице послышались шарканье и топот, сопровождаемые тихими голосами. Наши с Джембером взгляды встретились. Я тут же задула свечу, и мы замерли, молча наблюдая за тем, как свет фонаря озаряет главные ворота — поскольку я сидела спиной к выходу, то свет видела лишь краешком глаза. Я молила про себя Бога, чтобы это оказались те, кто пришел навестить своих умерших близких, или даже священники.

Однако тихое ругательство, сорвавшееся с губ Джембера, заставило мое сердце подскочить к горлу.

— Расхитители могил.

По сути, *мы сами* были такими же расхитителями, но сейчас это казалось наименее важной деталью.

— Может, нам удастся улизнуть, когда они будут в другом помещении, — прошептала я, понимая, что мои слова лишь самообман. Даже будь это торжественный парад, охватывающий весь город и устроенный в разгар песчаной бури, стук протеза Джембера все равно был бы слышен.

— Тот, что с фонарем, меньше ростом.

Меньше ростом. Значит, его придется убить мне, в то время как Джембер возьмет на себя второго. Убить, потому что угрозы и травмы только создавали лишние воды оглядываться через плечо всю оставшуюся жизнь.

Я вынула нож, сжимая потной ладонью рукоять. Убийство не входило в список моих любимых занятий. Мне доводилось это делать лишь однажды и то потому, что в противном случае меня бы изнасиловали. Однако после этого я еще несколько дней редела, в памяти отпечатались воспоминания о моей напуганной жертве, сопровождаемые навязчивыми сценами того, как я три раза ударила своего нападавшего ножом, пока в конце концов не прикончила его. Обычно убийствами занимался Джембер и редко в моем присутствии. А с тех пор как мы переехали в подвал церкви, он практически покончил с этим.

Когда дело доходило до физического насилия, я предпочитала тактику «бей и беги». А вот Джембер из-за своей травмы не обладал такой скоростью, как я. Если ему требовалось ударить кого-то, то приходилось делать все возможное, чтобы этот человек больше не встал и не погнался за ним.

Я застыла, услышав тяжелый удар и испуганный крик. Звон осколков. Вопль.

Джембер снова выругался. Я почувствовала прикосновение ткани, когда он встал, уловила шорох его шагов. Сердце бешено колотилось от притока адреналина. Я была готова вскочить и броситься на любого, кто приблизится к нам, — если бы еще что-то слышала сквозь громкий стук в ушах.

Вскоре показался фонарь грабителей, только теперь его держала высокая, мускулистая фигура женщины со знакомым ангельским лицом.

— Саба! — ахнула я. Затем подбежала к ней и обвила руками крепкую талию. Она прижалась лицом к моим волосам, раскачивая меня из стороны в сторону. — Я так рада, что ты появилась.

— Ты... следила за нами? — Голос Джембера звучал натянуто. Я взглянула на мастера: он с такой силой сжимал свой посох, что костяшки его пальцев казались белыми даже в свете фонаря.

Она ослабила объятия, а потом шагнула к Джемберу. Тот мгновенно выставил посох перед собой, сохраняя между ними расстояние.

— Шпионишь для своего хозяина? — продолжал он. Она быстро замотала головой.

— Джембер, — сказала я, взяв подругу за руку, — Саба на нашей стороне.

Он усмехнулся.

— Для этого пришлось бы думать о других. Неужели тебе удалось развить в себе эту черту *после* смерти?

Я оттолкнула его посох в сторону.

— Джембер. Перестань.

— Больше не ходи за нами. — С этими словами он протиснулся мимо нее и бросился вверх по лестнице.

Я виновато посмотрела на Сабу. Та покачала головой, в ее глазах, несмотря на улыбку, застыла грусть.

— Ты *правда* следила за нами? — спросила я, как только мы вышли из гробницы. Когда она кивнула, я вскинула брови. — Только сейчас или целый день?

Она закусила губу и робко посмотрела на меня. Затем в одной стороне в воздухе начертила пальцем круг, а потом изобразила указательным и средним пальцами человечка, шагающего в противоположном направлении.

— Ты вернулась? — Я рассмеялась и снова ее обняла. — Ты спасла нас. Мы оба очень благодарны тебе, пусть

Джембер в этом никогда и не признаётся. — Отодвинув Сабу на расстояние вытянутой руки, я окинула ее взглядом. — Но ты должна позаботиться о Магнусе. Я знаю, как он ненавидит оставаться один.

Саба поцеловала меня в лоб и протянула мне фонарь. Затем, бросив последний взгляд в сторону Джембера, выбежала в пустыню и направилась к замку, скрывшись в ночной темноте.

Глава 21

Никогда еще я не бежала навстречу смерти так быстро, как при виде возвышающегося передо мной мрачного замка. Я могла честно признаться, что рада возвращению. Рада, что создание амулета заняло не так много времени, как я предполагала вначале. Рада, что Джембер помог мне справиться с моей проблемой. Рада снова оказаться рядом с Магнусом. Рада...

Просто рада.

— Магнус! — позвала я.

— Добро пожаловать домой, Андромеда, — вкрадчиво промурлыкал его мелодичный голос, и мое сердце забилося чаще.

Я распахнула дверь, и у меня перехватило дыхание.

Тело Магнуса наполовину утопало в полу: кости и плоть искорежены, лицо перекошено изумлением в маске трупного окоченения.

Я закричала, но звука не последовало. Я тут же поняла: что-то не так, меня не должно быть здесь. Стоило мне снова закричать, как что-то с силой ударило меня в лицо.

Я заморгала, тело сотрясали испуганные вздохи. Я лежала на боку в тусклой комнате своего детства и смотрела на Джембера. Тот сидел на своей половине кровати, привалившись спиной к стене, и доделывал амулет.

Я была слишком измотана, чтобы дотронуться до виска, хотя там явно наливался синяк. Но это было лучше, чем мой сон. *Все что угодно* было лучше него.

— Спасибо, что разбудил.

В ответ он только крикнул.

Некоторое время я наблюдала за работой Джембера. Тот мог даже с закрытыми глазами вставить черные и красные нити в крошечные прорезы — игла была словно продолжением его руки. Он продевал нить, завязывал узел, брался за следующую. Словно ткач за ткацким станком. Я попробовала сквозь прищуренные глаза сосчитать количество петель. Пятнадцать? Нет. Он работал слишком быстро, да и я уже была порядком взбодражена.

Тогда я вновь закрыла глаза, однако спать не собиралась. Вместо этого я прокручивала в голове молитву в попытке отогнать засевающие в памяти сцены с Магнусом... сцены того, что могло случиться, не спаси я его.

Я убеждала себя, что они не настоящие. Сглаз ни за что не убьет своего носителя. Его не может ждать подобная участь.

...или все-таки может?

Скрип выдвигаемого деревянного ящика заставил меня вздрогнуть, но лишь после шуршания бумаги я распахнула глаза. Джембер открывал письмо Сабы, где с обратной стороны значился список. Медленно. Очень медленно. Я затаила дыхание.

Он издал легкий смешок и ухмыльнулся — мое дыхание стало свободнее. А потом почти сразу подался вперед

и закрыл глаза рукой, бормоча проклятия. Некоторое время он сидел неподвижно, затем встал и выудил из ящика стопку листов.

Раньше мы практически не пользовались бумагой, поэтому сейчас он писал на пачке архиепископских бланков, которые я украла три года назад, — кремового цвета с изящным, витиеватым крестом из сусального золота. Писал он медленнее, чем плел амулеты. Время от времени прерывался. Нередко зачеркивал написанное. Дабы не тратить бумагу зря, он сначала заполнил ее предложениями и перечеркнутыми словами и лишь потом, перевернув лист, стал писать дальше. Затем остановился и перечитал.

— Иди спать, девчонка.

— Что написала Саба? — спросила я, лишь бы прогнать не дающий мне покоя образ.

— Не твоего ума дело.

— Откуда вы знаете друг друга? Ты же говорил, что никогда не бывал в до... — Я замолкла, а потом с широкой улыбкой подскочила. — Саба старше, чем кажется на вид. Будь она жива, ей было бы примерно столько же лет, сколько и тебе.

— Знаю... — Джембер быстро глянул на меня, его слегка округлившиеся глаза подтвердили мои догадки. — Молчи.

— Так вы были парой!

— Я выгоню тебя на улицу, — пригрозил он, однако слова его не возымели нужного действия из-за румянца, залившего его лицо.

— Ты любишь ее, — протянула я нараспев и спрыгнула с кровати, когда он потянулся ко мне. — Признайся в этом.

Глаза Джембера пылали огнем: будь у него на ноге протез, он бы наверняка погнался за мной.

— Почему бы тебе не заняться тем, ради чего ты сюда пришла, — прорычал он, затем вытащил грифельную доску и протянул мне, — и не продолжить работу над своим амулетом.

Я не шелохнулась. Потому что сомневалась, что, окажись я рядом с ним, он не затащит меня на кровать и не изобьет до полусмерти.

От осознания этой правды внутри меня закипела злость.

— В том, чтобы любить кого-то, нет ничего плохого.

— Ты знаешь меня уже четырнадцать лет. Думаешь, я способен на любовь?

Горло внезапно сдавило — то ли от сдерживаемого смеха, то ли от рыдания. Я сглотнула... потом еще раз.

— Нет, — наконец сорвалось с моих губ. — У тебя нет сердца.

Повисшая между нами тишина была такой густой, что мне хотелось в ней утонуть.

— Дольше одной ночи ты здесь не удержишься. — Джембер помахал доской в мою сторону, и я без возражений ее взяла. — Так что приступай.

Я просидела за работой до глубокой ночи. Перейдя с грифельной доски на дерево, вырезала такое количество амулетов, что мне больше не хотелось смотреть на древесину. И каждый раз Джембер говорил мне начинать заново.

Заносчивость и высокомерие — грехи. А признание своих способностей — нет. Я умела делать амулеты. Причем очень хорошо. К тому же для изучения у меня был превосходный экземпляр. Еще никогда на создание амулета у меня не уходило три дня. Никогда.

По этой причине Джембер не просто так отказывался давать мне серебро, и связано это было не столько с моей работой, сколько с местию.

— Я готова переходить на серебро.

— Нет, не готова, — пробормотал он, продолжая дремать лежа на спине.

— Ты даже не взглянул на него. Я готова.

Он открыл глаза и посмотрел на амулет. Изучал его достаточно долго, чтобы потом посмеяться надо мной, но не настолько, чтобы заметить какие-то недостатки.

— Начинай заново.

Мое сердце болезненно сжалось.

— Я начинала уже дюжину раз.

— И до сих пор не выходит? — Вопрос был риторическим и сквозил сарказмом. — Хм. Понятно.

— Джембер, ты несправедлив. Хочешь, чтобы к утру меня здесь не было, а сам даже не пытаешься мне помочь. — Я сунула ему в лицо свой деревянный амулет, вынуждая посмотреть на него. — Он выглядит в точности как твой. Я готова перейти на серебро, и ты это знаешь.

Он выхватил из моей руки амулет, но не сводил с меня пристального взгляда.

— Какая разница, что он выглядит как мой? Вопрос в том, *ощущается* ли он моим? Даже малейший огрех имеет значение.

— Ты даже не посмотрел на него.

В конце концов он сдался и принялся разглядывать амулет. А потом разломил его надвое и швырнул через дверной проем в соседнюю комнату.

— Зачем ты это сделал?

— Держи себя в руках, девчонка...

— Он был безупречен, и ты это знаешь.

— Ты так сильно хочешь вернуться в этот замок, что из-за плохой подготовки готова рисковать своей жизнью. Почему? Что тебя там ждет?

Я отвернулась, чтобы он не заметил моих вспыхнувших щек. Мое сердце... вот что. В руках юноши с глазами, полными надежды.

— Покровительство.

— Его не будет, если ты погибнешь. — Он поднял свой амулет с кровати и убрал его в ящик. — Ты получишь серебро. Но для начала сделаешь копию своего амулета.

Я застыла.

— Моего?

— По памяти. Ты носишь его каждый день, и тебе уже должно быть знакомо это чувство.

Так и есть. Он для меня как вторая кожа. Я ощущала его присутствие даже сквозь ящик, хотя его штрихи на-слаивались на штрихи амулета Джембера. Я тяжело вздохнула в попытке успокоиться, а потом принесла еще один кусок дерева из другой комнаты.

Какой бы сложной ни была задача, я воссоздала свой амулет всего за час. Когда я вручила его Джемберу, тот лишь мельком равнодушно глянул на него.

— Теперь изготовь мой, — сказал он.

На этот раз я не стала жаловаться. В конце концов, поступки говорили громче слов. Однако во время работы я вдруг осознала, что он прав. Я не могла с точностью представить каждый штрих в своем сознании. Одни из них закручивались в петлю, и было неясно, в какую сторону. Другие имели с одной стороны насечки, которых не было у остальных. Джембер являлся моим учителем, лучшим в своем поколении. Но как бы ни противно это было признавать, он оказался прав.

Если я не могла создать амулет Джембера, когда его штрихи смешивались с моими, то как я собиралась поймать гиену в самый разгар Пробуждения?

Я остановилась и, тряхнув головой, выкинула все нарисованные линии из сознания.

«Попробуй еще раз, Анди».

К тому времени, когда копия амулета была готова и обмотана нитями, Джембер крепко спал. Сколько времени прошло? Должно быть, сейчас уже раннее утро.

Открыв глаза пошире, я немного прошлась по комнате, чтобы не уснуть, пока мозг ничем не занят.

Тем временем Джембер спал...

Закусив губу, я посмотрела на ящик стола. Встала, размяла шею, а затем осторожно выдвинула его и достала письмо Сабы.

«Я все еще люблю тебя, — говорилось в нем мелким торопливым почерком. Мое сердце забилося от волнения. — Можем ли мы забыть обо всем и провести остаток моих дней вместе?»

Я потрясенно уставилась на эти слова. «Остаток моих дней?» Она хочет сказать... что исчезнет вместе со Сглазом. От этой мысли все внутри меня перевернулось, но в эту секунду Джембер пошевелился, и мне пришлось быстро убрать письмо.

Я разбудила его, легонько коснувшись плеча, и поднесла амулет к лицу. Как только он забрал его у меня, я вновь принялась потягиваться.

— Физическое присутствие моего амулета не позволяло тебе почувствовать штрихи, — донеслось до меня.

Я обернулась к Джемберу: он как раз держал тонкий деревянный амулет над пламенем свечи возле кровати.

— Он идеален, — возразила я, — признай это, старик.

— Я не стану ничего признавать. — Он слегка подпалил дерево, а потом бросил амулет на грязный пол. У меня загорелись глаза, когда он кивком головы указал на полку с инструментами. — Можешь взять серебро.

Глава 22

Джембер отказался идти со мной в замок, поэтому большую часть утра я потратила на поиски того, кого с помощью подкупа можно было убедить высадить меня поближе. Нынешний торговец оказался чуточку щедрее предыдущего — на этот раз мне пришлось идти пешком всего мило. Но еще больше разочаровывало то, что Джембер не отдал мне ответное письмо для Сабы. В душе я надеялась, что она не станет спрашивать о нем.

Тем не менее дорога до замка подарила мне уйму времени на раздумья. Если я хотела избавить Магнуса от проклятия, нужно было найти способ отпустить гиену. А для этого нам требовался хорошо продуманный план... и доброволец.

Уверена, Эсджей мог бы нам в этом помочь. Разумеется, не в качестве добровольца, зато у него наверняка имелись определенные связи. В первую очередь я подумала о Келеле, но та бы ни за что не вызвалась, да и он бы не позволил ей. Ужасно жаль, потому что мне бы очень хотелось увидеть, как она в кои-то веки трудится.

От замка меня отделяло всего несколько ярдов, когда дверь распахнулась. В проеме стояла Пегги, уперев руки

в бока. Я со вздохом вытерла капли пота, стекавшие по подбородку.

— Где ты была, дитя? — сердито спросила она, загорячивая проход, чтобы я не могла войти.

Только темп, с которым я двигалась, удерживал меня от необходимости присесть, к тому же из-за жары и отсутствия воды по дороге мне казалось, что я могу упасть в обморок.

— Я отправила Магнусу сообщение, что прибуду через несколько дней.

— Ничего подобного. Зато ты взяла экипаж без разрешения, а потом прислала его обратно пустым, лишь с парой мешков продовольствия. Мы думали, ты погибла в пустыне.

— Неужели вы расстроились, Пегги? — Собравшись с остатками сил, я протиснулась мимо нее в дом. В первые секунды холод казался приятным, хотя мне все равно требовалось поскорее надеть свитер. Моему организму, похоже, не понравилась изнурительная жара, за которой последовал сильный холод, — тошнота подступила к моему горлу.

— И держу пари, это ты убедила Эмму сбежать с тобой, — продолжала Пегги, шагая за мной к лестнице. — Я прочитала записку, которую она оставила на кровати. Вы обе неблагодарные девчонки.

— Муж Эммы мертв. — На мой взгляд, разговор был окончен, поэтому я взбежала вверх по ступеням прежде, чем потрясение на ее лице преобразуется в ответ.

Глянув на дверь в спальню Магнуса, я бросилась в свою комнату. Как бы глупо это ни звучало, я не хотела встречаться с ним, вся покрытая песком. Я свалила свои грязные вещи в один угол, чтобы не разводить беспорядок,

а потом как следует вымылась, нетерпеливый стук сердца отдавался в висках. Возможно, в волосах еще оставался песок, но я слишком спешила и заплела их в косу вокруг головы.

До моего слуха донеслись торопливые шаги, затем дверная ручка дернулась, и раздался стук в дверь.

— Андромеда?

— Магнус! — отозвалась я и тут же зажала рот ладонями. «*Слишком поспешно*». — Э-э, минутку.

Я быстро надела на себя шерстяную юбку и свитер и, заливаясь румянцем, натянула чулки. Магнус мог ворваться, пока я была голой. Слава богу, я заперлась на замок.

Когда я отворила дверь, на пороге меня ждал Магнус с лучезарной, как у мальчишки, улыбкой.

— Добро пожаловать домой, Андромеда.

В памяти вспыхнули сцены из прошлого сна, и мне пришлось зажмуриться, чтобы избавиться от них. Почувствовав на своей коже холод, я вздрогнула и открыла глаза: Магнус поднес мою ладонь к своим губам и поцеловал ее.

— Я не ждал тебя так скоро, — сказал он. — Твой подарок еще не доставили.

— Тебе не стоило ничего мне покупать.

— Конечно же стоило. — Он потянулся ко мне рукой, и у меня перехватило дыхание, тепло его ладони возле моего лица было... ошеломляющим. По коже головы растеклось приятное покалывание, когда кончики его пальцев любовно погладили мою косу. — Эсджей и Келела принесут его к обеду. Они будут здесь с минуты на минуту.

При упоминании имени Келелы по коже пробежал холодок. Я вывернулась из его рук.

— Как это мило с твоей стороны.

— Так-то лучше, — сказал Магнус, однако расстояние между нами не сократил. Он прислонился головой к двери и ухмыльнулся. — Я скучал по тебе.

— Не нужно так говорить.

— Неужели ты до сих пор на меня злишься?

— Ты помолвлен, Магнус. — Он усмехнулся, но я прервала его взмахом руки. — И должен довольствоваться тем, что мы знакомые. Это дружеские, *рабочие* отношения.

— Не будь смешной, — произнес он, наклонившись ближе. — Посмотри мне в глаза и скажи, что тебя это устраивает.

Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и только потом посмотрела на него в упор.

— Меня устраивает то, что я берегу свое достоинство и не отдаюсь мужчине, который несвободен.

Магнус застонал, будто мои слова ранили его физически.

— Ты нужна мне, Андромеда.

— Нет, — строго возразила я, шагнув назад.

— А я нужен тебе.

— Не нужен. Только не так.

Магнус с досадой фыркнул, откидывая кудри с лица.

— Даже будь я помолвлен, что на самом деле не так, этот союз незаконный. Я могу расторгнуть его когда захочу.

Тут я заметила Пегги, направляющуюся к двери, — должно быть, прибыли Эсджей с Келелой, — и, понизив голос, произнесла:

— Так расторгни его.

— Но ведь нечего расторгать, Андромеда, — сказал Магнус, и я, шикнув на него, втощила его в свою комнату. — Это я и пытаюсь тебе втолковать.

— Будь дело лишь в коварстве Келелы, я бы тебе поверила. Но Эсджей тоже полагает, что вы помолвлены. Какой ему смысл врать?

— С каких это пор устное обещание мальчишки с ломающимся голосом имеет юридическую силу?

— Ты дал ей обещание и не забрал свои слова обратно. В этой ситуации твоя честность под сомнением.

— Я заберу их во время обеда, если от этого тебе станет легче.

— Не утруждайся. — Я зло посмотрела на него, мое сердце, душа и легкие горели от сдерживаемых слез. — Ты не собирался ничего делать, пока я тебе об этом не сказала. Тебя устраивало быть одновременно с обеими.

Магнус беспомощно прислонился виском к дверному косяку и с мольбой протянул ко мне ладонь.

— Мне нужна *ты*, моя дорогая...

— Я не твоя дорогая.

— Только ты.

— В таком случае тебе не стоило лгать мне насчет помолвки.

Протиснувшись мимо него, я стала спускаться по лестнице, однако Магнус следовал за мной, не отступая ни на шаг.

— Я все расскажу Келеле.

Я резко развернулась к нему и сжала пальцы, жалея, что не могу управлять его губами и одним действием, без слов, закрыть ему рот.

— Больше ни слова, Магнус, — проговорила я тихо и злобно. — Этот разговор окончен. Мы спокойно пообедаем с Эсджем и Келелой, я больше не желаю об этом слышать.

— Верно, получится неловко. Тогда я после поговорю с ней лично.

— Нет, ты этого не сделаешь.

Я уже хотела отвернуться, когда Магнус схватил меня за руку, удерживая на месте.

— Скажи, что ты не хочешь быть со мной, и я перестану бороться за тебя. Но ты не можешь постоянно менять свою позицию.

— Ты лгал мне, использовал меня, а я должна уступить и принять подобное обращение, потому что ты пытаешься загладить свою вину *после* того, как тебя поймали на лжи? — Я вырвала руку, испепеляя его взглядом. — Повторяю: разговор окончен.

Магнус не дал мне договорить: он встал на лестнице передо мной так, чтобы наши глаза находились на одном уровне.

— Скажи, что я тебе не нужен. — Он обнял меня за талию, и я необдуманно схватила его за запястья — сердце вдруг оказалось не в силах его отпустить. — Скажи, что ты здесь только ради покровительства, что я тебе совершенно безразличен, и я оставляю тебя заниматься твоей работой. — Он заключил мое лицо в ладони, и я, пытаюсь сдержать слезы, закрыла глаза. — Потому что, если ты подаришь мне хоть каплю надежды, я буду бороться за тебя до последней капли крови.

Невольно у меня вырвался стон, я почувствовала, как мягкие пальцы Магнуса вытирают слезы с моих щек.

— Магнус, я не хочу тебе лгать.

— Тогда не лги мне. — Он осенял губами мой подбородок, мою соленую щеку, мой нос, каждый поцелуй увлекал мое дыхание и пульс в пучину безумия. — Скажи, чего ты хочешь от меня. Каким бы ни был твой ответ, я приму его как мужчину.

— Я-я пришла сюда в первую очередь за... — Я втянула носом воздух, когда он поцеловал меня в висок. — Я пришла сюда за твоим покровительством, Магнус. Вот почему я здесь.

Это не было ложью, если являлось правдой. А оно так и было, пусть даже эта правда не единственная. Быть может, я так же, как и Магнус, не права, скрывая остальное... что он нужен мне. Что я все отдам, чтобы быть с ним. Что я люблю...

Из горла Магнуса вдруг вырвался всхлип, его руки на моем лице задрожали.

— Я не нужен тебе? — прошептал он. С таким же успехом он мог ударить меня в грудь ножом.

Я сглотнула и, сдерживаясь, медленно проговорила:

— Мне ни за что больше не получить работу без твоего покровительства.

— Таков твой ответ? — И не дожидаясь подтверждения, он кивнул, вид его был отрешенный, словно его сердце не билось. — Я постараюсь сделать все, о чем ты меня попросишь... — Чтобы не упасть, он схватился за перила, а я тем временем разрывалась между желанием утешить его и мыслью сдержаться, дабы не усугубить ситуацию. Но когда он, повесив голову, заплакал, каждую клеточку моего существа пронзила острая боль, и в следующую секунду уже я держала его за подбородок и покрывала соленое от слез лицо поцелуями.

— Не плачь, — тщетно умоляла я. Магнус опустил на корточки, спрятал голову между коленей и, держась за перила, продолжил рыдать. Однако я была слишком труслива, чтобы просто стоять и смотреть на него.

Я взбежала вверх по лестнице, влетела в свою комнату, заперла дверь на замок и со слезами зарылась в одеяло.

«Это неправильный принцип выживания, Анди».

Во всяком случае, так сказал бы Джембер. Но я сейчас находилась в безопасном месте и была одна... Боже, совсем одна.

Я сбросила с себя одеяло, подошла к бочке с водой и окунула в нее лицо. Несмотря на тепло в комнате, вода была достаточно холодной и быстро привела меня в чувства. Я задерживала дыхание до тех пор, пока все мои мысли не переключились с сердца на легкие, и только потом поднялась, тяжело дыша, грудь горела огнем.

Я никогда не переживала из-за парней. Так чем этот отличался от других?

Я вытерла лицо и вновь спустилась вниз. Если я собиралась находиться здесь исключительно ради работы, то должна была соблюдать правила Магнуса.

Запихнув желание расплакаться на задворки сознания, к остальным моим детским кошмарам, я вошла в столовую с высоко поднятой головой. Магнус сидел на своем обычном месте за столом, но при виде меня тут же вскочил на ноги. Мне следовало бы не обращать на него внимания, однако наши взгляды мгновенно встретились. Его глаза были покрасневшими, нос порозовел, а в остальном он выглядел вполне обычно.

Магнус выдвинул для меня тяжелый стул. Я потупила взгляд. Не знаю, почему простой акт вежливости оказался для меня столь невыносимым.

Возможно, потому что он никогда так не делал.

— Спасибо, — прошептала я.

— Пожалуйста, — пробормотал он в ответ.

И вновь, казалось бы, обычные слова вежливости, но пропитанные такой близостью, что я едва могла держать себя в руках. Я чувствовала, как сквозь крошечные трещинки в моей стойкости пробивается желание его поцеловать. Но вместо этого я села и позволила ему задвинуть за мной стул.

— И ты тоже, Андромеда? — поинтересовался Эсджей с беспокойством и легким замешательством. — Сегодня

все такие подавленные. Не переживай, это не последний визит Келелы перед отъездом.

— По здешнему холоду я точно не буду скучать, — заметила Келела, сегодня тон ее голоса был особенно резким. Несмотря на нелепость ее внешнего вида, с высоким розовым хвостом и такими же розовыми губами она выглядела прекрасно. — Ты вообще хоть что-нибудь делала?

Сейчас я уже понимала, что не стоит расстраиваться из-за подколов Келелы. К тому же у меня и без того были поводы для расстройств.

— До тех пор, пока Сглаз остается, — проговорила я, — в доме теплее не станет. Однако сейчас главное — избавить Магнуса от проклятия.

— Что ж, это отличные новости. — А потом Эсджей с Келелой принялись за еду, как будто на этом тема была исчерпана.

Я пожевала губу.

— Так что нам требуется доброволец, который мог бы взглянуть Магнусу в глаза и тем самым выманить Сглаз.

Было в равной степени увлекательно и удручающе наблюдать за тем, как менялось выражение лица Эсджея по мере моих слов.

— Келела, — быстро проговорил он — такой строгости в голосе я еще никогда у него не слышала. — Не позволяй Магнусу смотреть на тебя. Опусть голову.

— Эсджей, — возразила она, смущенная его поведением, но все же сделала так, как ей было велено.

Магнус вскочил с места, утирая редкие слезы.

— Постой, ты уходишь? — на последнем слове он испуганно пискнул.

— Это должен быть не просто случайный человек. — Подняв руку, я встала вслед за Эсджеем. — А доброволец,

который полностью осознает, что ему будет угрожать опасность.

— Это смертный приговор, — сказал Эсджей, беря Келелу за руку и помогая ей встать. — Вам ни за что не найти того, кто согласится сотрудничать. Идем, Келела. — С этими словами он повел сестру к выходу.

— Мы обязаны попытаться, — продолжала я, следуя за ним. — При должной подготовке и контроле ситуации нет причин, по которым это может не получиться.

— Разумеется, попытайтесь. Мы зашли слишком далеко, чтобы сдаваться сейчас. Нет, Келела. — Эсджей открыл входную дверь и, невзирая на возражения сестры по поводу того, что она голодна, вывел ее наружу. — Подожди меня в повозке. — Он закрыл за ней дверь, сделал несколько глубоких вдохов и повернулся ко мне. — Я не собираюсь в этом участвовать. Уверен, причина ясна.

С нашей первой встречи в Эсджее произошла разительная перемена. Перейти от всецелой поддержки, совместных ужинов под одной крышей, предложения руки и сердца своей сестры... к нежеланию иметь отношение к происходящему? Такое поведение, честно говоря, раздражало. И казалось неправильным.

— Люди в этом доме умирают, — сказала я, стараясь изо всех сил говорить не грубо. — Не исчезают. *А умирают.* Вы ведь не перестали нанимать слуг, когда пропал первый человек, не так ли? Все они знали, на какой риск идут.

— И для избавления Магнуса от проклятия должен умереть *еще один* человек, вы это хотите сказать? — Было довольно странно слышать в голосе Эсджея агрессию. Он распахнул дверь. — Если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать. Но я не желаю ничего слышать о ходе этого мероприятия. Никаких подробностей. Просто сообщите, когда все закончится. — Он уже собрался

уходить, но задержался. — И передайте Магнусу, что я сожалею. Келела собиралась попрощаться перед отъездом во Францию, но в силу сложившихся обстоятельств ей лучше этого не делать. — Он помолчал, словно хотел сказать что-то еще. А потом ушел, захлопнув за собой дверь.

Некоторое время я стояла и смотрела на дверь. «*Господи, дай мне сил*». Затем глубоко вздохнула и спокойно вернулась в столовую.

— Они ушли, — сказал Магнус. Он сидел в кресле слегка ссутулившись.

— Ничего страшного. — Я села на свое место и взяла его за руку.

— Я слышал слова Эсджея. Они не вернутся. — Он сгорбился еще сильнее и, соскользнув на пол, устроился под столом. — Мне кажется, я сейчас умру.

Я сдвинула его стул в сторону, чтобы присоединиться к нему.

— Ты не умрешь.

— Точно, — горько добавил он, вдавив костяшки пальцев в глазные яблоки, — *я не могу умереть*. Сглаз не позволит.

— Магнус, мы найдем добровольца. Все будет хорошо.

— Как? Никто не станет приближаться к этому месту, не говоря уже о том, чтобы войти внутрь и быть *убитым*. — Он лег на пол и прижал ладони к глазам. — Боже. Комната вращается. Мне хочется умереть.

— Тебе нужно успокоиться...

— Успокоиться? — закричал он, слезы бежали по его лицу. — Ты отвергла меня. Мои единственные друзья из внешнего мира бросили меня. Когда Пегги сделает то же самое — это лишь вопрос времени. Почему бы тебе не убить меня прямо сейчас?

При упоминании о моем возможном коварстве у меня скрутило живот.

— Не говори глупостей.

— Где твой нож?

Я наклонилась к нему и ударила его по лбу. Он взвизгнул, точно испуганный щенок, отмахиваясь от моей руки.

— Магнус, перестань. Я не собираюсь тебя убивать.

Им завладела паника, его дыхание участилось.

— Ты вообще имеешь представление, что значит быть одному?

От его слов мой позвоночник пронзила тонкая игла. Блуждание по улицам. Оглядывание через плечо. Невозможность ни на кого положиться... несколько недель подряд. Я не просто *имела представление*, каково это. Я знала. Однако не могла позволить себе взвалить это бремя на свои плечи.

— Магнус, — заговорила я с твердым спокойствием, усаживаясь рядом с ним. Затем принялась умиротворяюще водить пальцами по его лбу, между глаз и вдоль носа — вверх и вниз. — Тебе нужно успокоиться. Хорошо? Спокойно. Дыши.

Мои медленные слова и успокаивающие прикосновения, похоже, возымели действие — его дыхание в конце концов выровнялось. Слезы свободно текли по лицу, но рыдания стихли.

— Надеюсь, Андромеда, ты знаешь, что делаешь, — произнес он. — Потому что никто в здравом уме не отправится добровольно на смерть.

Глава 23

Я натянула большие сапоги, раскрыла большой черный зонт и вошла в заснеженный коридор.

По всей видимости, снег был обычным явлением во многих частях страны, во всем мире, но я никогда раньше не видела его. Это было завораживающее зрелище: маленькие ледяные пушинки появлялись из потолка и, бесцельно кружа, падали вниз. В какой-то степени мне даже не хотелось избавляться от него.

Но этот снег не был настоящим. И это становилось еще более очевидным, когда он обходил меня стороной по линии щита, созданного моим новеньким — явно более мощным — амулетом.

Сойдя со снега, я вбила гвоздь за пределами области Воплощения. Затем повесила на него амулет и, убедившись, что он по-прежнему на виду, отступила назад. Снег хрустнул у меня под ногами.

Я наклонилась, зонт укрыл тенью меня и снег подо мной. Я прижала ладонь с растопыренными пальцами к белому пуху. Он с легкостью продавился — влажный и рыхлый, — и я погрузилась в него до середины

предплечья, пока моя ладонь не коснулась чего-то более твердого и холодного. Я вытащила руку, на которой остались хлопья снега, и уставилась на пушистые кристаллики.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты остался, — прошептала я. Потом встала, отряхнула руки и закрыла зонт, чтобы насладиться снегом чуть подольше... однако быстро поняла, что зонт был нужен не просто так. Я промокла бы насквозь, не будь осторож...

Я вскрикнула, когда что-то твердое и холодное ударило меня в плечо, разбросав в стороны снег, часть которого попала мне в глаза.

— Эй! — Мой сердитый взгляд мгновенно сменился улыбкой при виде смеющейся Сабы в конце коридора. — Это что такое было?

Я вытерла капли с ресниц и оглядела свое плечо: к месту удара прилип комок снега. Я быстро стряхнула его, пока он не промочил свитер насквозь. В это время Саба наклонилась, сгребла еще снега и скатала его в шар между ладонями. Когда до меня дошло, что она собирается сделать, я охнула и едва успела увернуться от летящего в меня снаряда. Поскользнулась и шлепнулась на пятую точку, хихикая, как маленький ребенок.

— Ну все, ты сейчас получишь.

Я слепила собственный снежок, используя зонт в качестве щита против атак Сабы, но он вышел маленьким и бесполезным — ей даже не пришлось уворачиваться от него. Тогда я отбросила зонт в сторону, чтобы набрать еще снега, но не смогла даже пошевелиться или вовремя закрыться...

Снег ударил Сабу в грудь, и она широко заулыбалась кому-то у меня за спиной. Мне вдруг пришло на ум, насколько сильно ее улыбка была похожа на...

— Магнус! — Я невольно просияла, когда он наклонился рядом со мной, собирая снег руками. Но в последнюю секунду опустила глаза. — На мне нет амулета.

— В таком случае шансы более равны, правда? — Магнус крепко сжал снежок голыми руками. — Но это ничего, продолжай упорно идти к своей цели.

— Победить Сабу? — Я вовремя выставила руки перед лицом, блокируя удар Сабы.

— Только не в лицо! — Магнус, защищая меня, швырнул снежок. — Мы ведь не сможем потом, как ты — за просто склеиться.

Саба показала нам язык, и я со смехом вскочила на ноги.

— Готовься к поражению, Саба!

И тут начался полномасштабный бой. Руки окоченели, волосы и свитер промокли от снега, но мне было все равно. Я никогда еще так не смеялась...

— Какого черта тут происходит?

Голос Пегги заставил меня резко обернуться, и я, оступившись, потеряла равновесие.

— Вы совсем спятили? — спросила она, сверкая на меня глазами, как будто я и правда сошла с ума. — Зачем вы разбрасываете снег?

— Это она начала, — произнесли мы с Магнусом одновременно, указывая туда, где стояла Саба: та явно имела свойство исчезать в нужный момент, чтобы избежать встречи с Пегги. Наверное, Магнус подумал о том же, потому что мы оба рассмеялись.

Пегги одарила нас неодобрительным взглядом.

— Магнус, вылезай оттуда, иначе ты протудишься и умрешь.

— Хоть что-то новенькое, — ответил он, но все-таки встал, протягивая мне посиневшие руки. Я взялась за них, и он поднял меня на ноги.

Затем я осторожно выбралась из снега, вновь повесила амулет на шею и повернулась к Магнусу. Он был румяным, улыбающимся и...

«И не твоим, Анди».

— После тебя, — проговорил он.

У меня до сих пор колотилось сердце, но тело, похоже, начинало осознавать, что ему холодно, потому что я, стуча зубами, пробормотала слова благодарности и скользнула вперед него.

Нельзя было отрицать: пока мы жили под одной крышей, тем более спали на одном этаже, забыть его не представлялось возможным. Требовалось срочно решить этот вопрос, если я хотела продержаться здесь.

— Андромеда, — произнес Магнус, когда мы добрались до наших комнат, — можно будет с тобой поговорить, после того как ты переоденешься?

Мое сердце испуганно забилось — я молила Бога, чтобы он этого не услышал.

— Конечно.

А после влетела в свою комнату и заперла дверь. Быстро скинула с себя мокрую одежду, параллельно борясь с искушением спрятаться в шкафу. Вот только я не могла избегать Магнуса на протяжении нескольких дней, как после нашего первого поцелуя.

«Анди, не будь трусихой».

Наверное, мои размышления заняли слишком много времени, поскольку, когда я закончила переодеваться и вышла в коридор, Магнус уже ждал меня у двери, прислонившись к стене напротив.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

Я посмотрела на свое длинное серое платье и свитер, практически схожий с тем, что промок от снега. Только

этот был мне немного велик и закрывал руки почти до кончиков пальцев.

— О чем ты хотел поговорить?

Он уже собрался ответить, но поморщился и на миг прикрыл глаза, когда с нижней ступени лестницы донесся голос Пегги, окликнувший его.

— Да, Пегги?

— Экипаж Эсджея уже здесь, — сообщила она.

— Желаю приятно провести время.

— Во время ужина меня не будет, но я уже приготовила его для тебя. Он на кухне.

— Спасибо, Пегги, — откликнулся Магнус чересчур ласково. Я усмехнулась.

— Только води себя хорошо в мое отсутствие.

— Непременно, — ответил он с озорным блеском в глазах. Мне пришлось подавить смех.

Да простит нас Бог, нам удавалось сдерживать смех до тех пор, пока она не закрыла дверь.

— Я думал, она никогда не уйдет, — сказал Магнус.

Я выгнула бровь.

— Почему, что ты задумал?

— Провести целый день наедине с тобой. И Сабой, — быстро добавил он. — Разумеется. Я люблю ее.

— Я тоже ее люблю.

— Да, а кто не любит? Наверное, только безумец. — Он беспокойно переступил с ноги на ногу, и я заметила, как по его щее разлился румянец. — Хотя мне стоило предупредить тебя, что она может начать бросаться снежками.

— Это было невероятно. — Теперь я сама покраснела. — Я уже давно так не веселилась.

— Вот видишь? Можно получать удовольствие не только от работы. — Некоторое время он смотрел на меня

с легкой улыбкой, и в этот миг меня переполняли чувства. — Мы же можем остаться друзьями, да?

— Я надеюсь, — ответила я.

— Обещаю, я сделаю все возможное, чтобы не флиртовать.

Я усмехнулась.

— Я и не думаю, что ты *на самом деле* флиртуешь, Магнус. Просто ты это... ты.

«*И ты замечательный*», — добавила бы я, но не хотела обнадеживать его. Особенно после того, как вчера заставила его плакать. От этого воспоминания мне сделалось тошно.

Магнус потеребил свитер. Удивительно, как к этому времени все его свитера еще не растянулись.

— Что насчет объятий?

— Я не большая любительница обниматься. — Я потянулась к нему и большим пальцем разгладила складку между бровями — мне не стоило прикасаться к нему, но это произошло как-то само собой. Он закрыл глаза, медленно втянул воздух. Мне нестерпимо захотелось поцеловать его.

— Ты флиртуешь, Андромеда, — произнес он с закрытыми глазами, расслабившись и подавшись навстречу моему прикосновению. — Тебе нужно себя контролировать.

Я поджала губы в попытке сдержать улыбку.

— Просто мне не нравится видеть тебя хмурым.

— Значит, обниматься нельзя, а прикасаться можно? — Магнус откинул мои влажные волосы за плечо, его пальцы скользнули по моей обнаженной коже, вызвав покалывание. Я инстинктивно прижалась к ним плечом, и он прикусил губу, будто силясь не засмеяться.

Чтобы окончательно не потерять голову, я отвела взгляд.

— Но если подумать, я понимаю, о чем ты говоришь.

— Хочешь сказать, это я виновник этого прелестного румянца?

Я почувствовала, как мое лицо запылало еще сильнее, но вызываясь вскинула подбородок и выгнула брови.

— Уверена, твоему самолюбию хотелось бы так думать. Магнус театрально схватился за сердце.

— Твоя жестокая честность придает мне сил, Андромеда. Никогда не меняйся.

— Какие приятные слова, — парировала я с легкой усмешкой, но отнюдь не из-за сказанной им фразы отвернулась в попытке подавить рыдание, сжавшее мое горло.

— Не подходят? Тогда скажи мне, какими должны быть эти слова?

— Такими же честными, как мои.

— Только не такими жестокими. В конце концов, я джентльмен. — Магнус, коснувшись пальцем моего подбородка, развернул мое лицо к себе, и я, несмотря на внутреннее сопротивление, улыбнулась. — Итак. Чем займемся в оставшуюся часть дня?

Громкий звон колокола огласил коридоры.

Магнус испуганно огляделся по сторонам.

— Что это?

— Твой дверной звонок, — вскинув брови, пояснила я.

— Правда? Черт, ну и страшный же он. — Я уже двинулась к лестнице, когда он взял меня за руку. — Не обращай внимания. Наверное, сейчас уйдут.

За все время в этом доме побывало лишь два посетителя — Эсджей и Келела, но после утреннего разговора было бы странно увидеть их здесь. Если только... Эсджей не так уж против нам помочь, как утверждал.

Быть может, он прислал добровольца.

Я ободряюще сжала руку Магнуса и повела его вниз по лестнице. Саба уже стояла возле двери, словно в ожидании неприятностей.

— Встретимся в игровой комнате, — обратилась я к Магнусу.

Он поцеловал мою руку.

— Не задерживайся.

Я дождалась, пока Магнус скроется из вида, и открыла дверь. В первую очередь узнала розовые волосы, собравшиеся в простой пучок, и только потом Келелу: она без приглашения вошла внутрь, потирая руки.

Я разинула рот от удивления:

— Что вы здесь делаете? А как же ваша вечеринка?

— Она состоится завтра вечером. Эсджей думает, что я ушла попрощаться с друзьями, — сказала она, застегивая пальто и запахивая воротник на шее.

— Эсджей знает, что вы здесь?

— Он знает, что я *встречаюсь с друзьями*. — Она посмотрела на меня в упор, будто планировала убить, расскажи я кому-нибудь, что эти друзья — *мы*. — Если я сделаю это, поклянись защитить меня в нужный момент.

— Защитить... — Мое сердце потяжелело и стало словно камень. — Келела. Нет.

— Я уже приняла решение.

— Магнус не согласится.

— Ни один человек в здравом уме не пойдет на это. А я... — Она замолчала. Сглотнула. — Я люблю его. Знаю, он не отвечает мне взаимностью, но ничего не могу с собой поделать. Я наблюдала за его страданиями на протяжении трех лет... И больше так не могу.

На мгновение мы обе замолчали.

— Так ты клянешься? — вновь спросила она, ее голос слегка дрогнул.

В моей голове тотчас же, как это всегда бывало в подобных ситуациях, всплыло высказывание из Священного Писания, запрещающее клясться. Однако Келела приносила огромную жертву, и уже по одному ее виду было ясно: она в ужасе. Ей нужно было это услышать.

— Клянусь.

Между нами воцарилось неловкое молчание.

— Так, значит, это произойдет сегодня вечером? Мне не удалось уговорить Пегги остаться на ночь.

Мои брови приподнялись.

— Выходит, званый ужин...

— Идея Эсджея. А я предложила позвать Пегги помочь. Мне бы не сошло это с рук, будь она в доме.

Я не смогла сдержать улыбки. Значит, ее злобу можно было использовать во благо.

— Он в игровой комнате, — сообщила я.

Келела вошла первой, в то время как мы с Сабой чуть задержались, обменявшись настороженными взглядами.

— Я узнал тебя по аромату духов, — произнес Магнус, не отрывая глаз от рисунка. — Но не думал, что после вчерашнего...

— Магнус. — Я услышала в ее голосе слезы. Она упала рядом с ним на колени и обняла руками за шею, отчего он выронил карандаш. — Ты должен на меня посмотреть.

— Не глупи, — возразил он, но глаза зажмурил, словно ожидал, что она попытается это сделать без его согласия.

— Другого добровольца, кроме меня, вам не найти.

— Келела, *перестань*. — Он отпихнул ее, согнулся к коленям и для большей надежности закрыл ладонью глаза. — Ты с ума сошла?

— С тех пор как впервые повстречала тебя.

Магнус издал легкий смешок, который медленно перерос в рыдания. Он плакал, уткнувшись в руку, а мне отчаянно хотелось утешить его, но я осталась стоять на месте.

Келела погладила его по плечу.

— Все хорошо, Магнус...

— Нет, не хорошо, — выдавил он сквозь всхлипы. — Ты вообще понимаешь, о чем просишь меня? Если я посмотрю тебе в глаза, ты умрешь.

— Я хочу это сделать ради тебя. Я наблюдаю твои страдания вот уже три года. И желаю, чтобы ты был свободен. — Она взяла его за руку, и мне пришлось отвести взгляд. Для ревности и обиды на простой жест сейчас было не время и не место. Однако мне, должна признать, все равно было больно во многих смыслах, в первую очередь из-за стыда за мелочные мысли о Келеле, хотя все это время она оставалась бескорыстной... и невероятно храброй.

— А что я должен сказать Эсджею?

— Ничего, — ответила Келела. — Он даже не узнает. Андромеда сказала, что защитит меня.

— Не думаю, что она сможет. — Магнус застонал и шмыгнул носом, вытирая его рукавом. — Боже, Келела, если ты умрешь...

— То тебе придется жить дальше полной жизнью за нас обоих.

Он покачал головой.

— Я не могу так поступить с тобой.

— Я соскучилась по твоему взгляду. Знаешь, я ведь в первую очередь влюбилась в твои глаза. Неужели я не могу хотя бы в последний вечер еще раз влюбиться в тебя?

Магнус притянул Келелу в объятия — этот порыв был настолько искренним, что я отвела глаза. Он... любит ее.

Это же очевидно. Неважно, сколько милых глупостей он клялся совершить ради меня, нельзя было отрицать присутствовавшего в этом объятии отчаяния, как будто он стремился привязать ее душу к этому миру.

Казалось, прошла почти целая минута, прежде чем они медленно отпустили друг друга. Магнус сделал несколько глубоких вдохов, время от времени прерывавшихся икотой. Затем вытер ладонью мокрые от слез глаза и посмотрел на меня.

— Ты защитишь ее?

Я ощутила, как мое сердце рассыпается в пыль. Попыталась сглотнуть, но в горле сильно пересохло. У меня еще будет уйма времени почувствовать себя жалкой из-за того, что я снова попала на его ложь, но не сейчас. К тому же как я могла что-то ощущать, когда была неспособна даже думать? Я едва ли понимала, что должна чувствовать... лишь то, что буду ужасным человеком, если скажу «нет».

«Подумай о всеобщем благе, Анди. Магнус будет свободен. Саба успокоится с миром. Сглаз исчезнет... а ты получишь покровительство».

От одной только этой мысли к горлу подступила горечь.

Я возвращалась к тому, с чего начинала, да? К тому, чтобы вновь заботиться лишь о себе.

Вновь быть одной.

— Андромеда, — произнес Магнус со всей искренностью. Потянулся ладонью к моей руке, но я не могла взять ее. — Пожалуйста.

В моем горле застрял смех. Всклип, издевка. Я откашлялась и кивнула.

— Хорошо.

Из последних сил подавила в себе любые эмоции, которые могли помешать выживанию: каково это, находиться в его объятиях, чувствовать его поцелуи, люб...

Запихнула их подальше, пока не осталась одна лишь злая решимость.

Магнус закрыл глаза и, еще раз глубоко вздохнув, повернулся к Келеле. С усилием широко открыл глаза, уставился на нее и вновь зажмурился.

— Больше не могу, — выдохнул он.

Келела прижала ладонь к его щеке.

— Магнус, посмотри на меня.

Он глубоко и судорожно втянул воздух, распахнул глаза. Задержал на ней взгляд. Улыбнулся.

— Твои волосы и впрямь розовые на этой неделе.

— Тебе нравится? — спросила она, потряхнув головой, словно от движения ее волосы, несмотря на собранный пучок, взметнутся.

— Тебе идет. Это было так давно. Андромеда права: ты настоящая красавица. — Его улыбка сникла. — А я чудовище.

В следующую секунду он вскочил на ноги и бросился к двери, но резко замер на пороге.

— Защити ее, Андромеда, — попросил он с пугающей злостью в голосе.

— Ценой своей жизни, — ответила я без колебаний.

И он вышел из комнаты.

— Что теперь? — спросила Келела.

— А теперь вам нужно отдохнуть, — сказала я. — Поесть. Нам, скорее всего, придется не спать всю ночь, так что поберегите силы.

Келела кивнула и встала, уставившись на огонь в камине.

— Магнус прав, я сошла с ума.

Я не знала, что на это ответить, поэтому промолчала. Между нами повисла тишина.

— Вы любите его, — сказала я в попытке заполнить паузу. — И вы хороший человек.

Келела рассмеялась — в ее смехе почти не было горечи.

— Ты единственный хороший человек из всех, кого я встречала.

— Все мы грешники.

— Нет, но ты самоотверженная. Трудно конкурировать со столь замечательной девушкой. — Она плотнее запахнула пальто. Прочистила горло. — Теперь я понимаю, почему он любит тебя.

«Любит меня?» Я еле сдержалась, чтобы не разинуть рот, после чего нахмурила брови.

— Чтобы вы знали, я не даю ему надежды. Как только он избавится от проклятия, обещаю вам, больше вы меня не увидите...

— В этом нет необходимости. — С губ Келелы сорвался горький смешок, как будто она сама не верила собственным словам. — Я порвала с ним.

Я замолчала в нерешительности, не позволяя вспыхнуть надежде.

— Но почему?

— Потому что вчера я видела вас вместе. На лестнице. — Она пригладила короткие волоски на висках. — Он был так нежен с тобой. Обычно... он не такой. — Она дернулась, неловко поежилась; как хорошо, что она не смотрела на меня и не видела, как густо я покраснела. — То, как он целовал тебя... как плакал, когда ты отвергла его. Я должна избавить беднягу от страданий.

Сколько бы я ни подбирала слова, сейчас все они казались мне неправильными.

— Он сказал, ты не хочешь быть с ним, — произнесла Келела и обернулась ко мне: на ее лице читалось обвинение.

— Это будет неправильно, — возразила я, и слетевшие с моих губ слова прозвучали глупо.

— Даже если никто не стоит на твоём пути? — Когда я не ответила, Келела цокнула языком. — Дай угадаю: ты оправдываешь свое решение тем, что работаешь на него?

— Я и не жду, что вы меня поймете.

— Какова бы ни была причина, она не настолько серьезная, как тебе кажется. Сделай себе одолжение и, пока это возможно, получи немного удовольствия от жизни, потому что сегодня вечером мы все можем умереть... — От этих слов выражение ее лица сделалось мрачным, за ним скрывался страх. Она откашлялась. — Тебе лучше сдержать свое слово и не позволить меня убить. Со мной ждет встречи слишком большое число парижских мужчин.

На этом она, гордо вскинув подбородок, вышла из комнаты.

Глава 24

«Какова бы ни была причина, она не настолько серьезная, как тебе кажется».

Слова Келелы звенели у меня в ушах, сводя с ума, все следующие два часа, пока я мастерила для нее более надежный амулет. Посудите сами, Магнус обманул меня, прекрасно зная о помолвке, и даже не придавал этому значения. К тому же он не намеревался разрывать отношения с Келелой, пока я не оставила ему другого выбора. Если бы я так не заботилась о своем достоинстве, как долго он встречался бы с нами обеими?

С другой стороны...

Джембер не церемонился с моими чувствами с тех пор, как мне исполнилось пять лет, а я так и не бросила его. Ну и... возможно, помолвка и правда была всего лишь детским чудачеством. В противном случае ему бы следовало пройти через надлежащую процедуру выкупа невесты, да и им, если уж говорить о правилах, нельзя было бы видеться друг с другом до свадьбы. Так что, может, помолвка все же была неофициальной, а я единственная, кто раздул из мухи слона. Возможно, он сказал бы мне, имей это значение, и, возможно, он — боже, просто

безумие надеяться на это — действительно, как утверждает Келела, любит меня, а я прогнала его навсегда и...

И возможно, уже слишком поздно просить прощения.

Я выбежала из спальни и принялась обыскивать все комнаты, пока не остановилась в дверях библиотеки. Сегодня здесь было темнее и холоднее обычного. На стульях и позади них мерцали зажженные свечи в больших металлических канделябрах с раскидистыми, как у деревьев, ветвями и маленькими подсвечниками на них. При этом в камине теплился слабый огонек, и только благодаря свету и отбрасываемым теням я смогла разглядеть Магнуса, преклонившего перед ним колени.

Я вошла в комнату и опустилась рядом с ним. Он не взглянул на меня. Даже не шелохнулся.

— Ты испортишь зрение, — произнесла я через секунду, — если будешь так долго смотреть на пламя.

— Боюсь, роль ворчливой мамы уже занята.

Я подавила смех. Сейчас было не время. Или же я попросту упустила возможность поднять ему настроение.

Я закатала рукава до локтей, подползла ближе к камину и протянула к нему руку, чтобы вновь развести огонь.

— Не хочешь воспользоваться инструментами? — поинтересовался Магнус.

— Я доверяю себе. — Я двигала поленья до тех пор, пока пламя вновь не занялось и не начало разгораться.

Я следила за танцем огня, таким же ярким и диким, как мое сердце. *«Анди, хватит тянуть время».*

— Келела сказала, что порвала с тобой.

Магнус хмыкнул в знак подтверждения.

— Она умная женщина. — Повисло глубокое молчание. — Не представляю, как мне удастся привлекать таких умных заботливых женщин, будучи самым ходячей катastroфой.

— Ты не катастрофа.

Он издал горький смешок.

— Катастрофа, небольшая. Признай это.

— В таком случае... мне, по всей видимости, нравятся катастрофы.

Магнус наконец посмотрел на меня.

— Даже после того, каким дураком я был, я все еще нравлюсь тебе?

— Ты не дурак.

— Андромеда, не будь столь великодушна. Лучше говори честно.

— Я и говорю честно. — Помедлив, я резко встала, сердце бешено колотилось в груди. — Э-э, да. Что ж. Впереди нас ждет насыщенная ночь. Надо бы вздремнуть немного.

При этом я не ушла. Кто из нас и был дураком, так это я: я не могла говорить и в то же время не могла оставить его. Трудно представить, что он, должно быть, подумал обо мне: разыскивала его лишь за тем, чтобы потом сбежать.

Он встал рядом со мной; мне хотелось наслаждаться его умиротворяющим присутствием, упиваться теплым ароматом и одновременно упасть замертво.

— У тебя так много шрамов, — пробормотал он. Я повернула голову и увидела, что он рассматривает мои руки. — Ты говорила, что обучение у Джембера было жестоким, но я и подумать не мог...

— Это жизнь жестока, Магнус. Мое обучение к ней не имеет никакого отношения. — Из-за близости к камину ткань свитера немного колола кожу, но я все равно натянула рукава на свои изуродованные шрамами ладони. — Когда я была моложе, Джембер наказывал меня, потому что не знал иного способа воспитания. Но ни разу

не причинил боли, от которой я не смогла бы оправиться или которая не преподнесла бы мне важного урока выживания.

— То, что он причинял тебе боль, уже само по себе отвратительно. Как можно так поступать с ребенком.

— Тебя в детстве никогда не били?

— Редко. И уж точно не оставляли на мне шрамов. — Он выглядел так, будто сейчас заплачет. Я ахнула и на миг закрыла глаза, когда он провел мягкими подушечками пальцев по шраму на моем лице. — Эт-то он сделал?

Внезапно смутившись, я убрала его руку и отвернулась, чтобы он не видел моего лица.

— Мои сверстники напали на меня за то, что я вступилась за одного человека. У одного из них, видимо, был нож — они били меня так сильно, что я даже не помню, когда это произошло. Только знаю: если бы Джембер не появился вовремя, я была бы, скорее всего, мертва.

— Ты о нем высокого мнения. — Трудно сказать, был ли это вопрос или утверждение. Судя по выражению его лица, Магнус тоже в этом сомневался.

— Нет. Ну... — Я мысленно нахмурилась. — Он довольно мерзкий человек. Если бы мне пришлось назвать хотя бы одно его хорошее качество, не связанное с работой, я бы не смогла этого сделать. Но он мне небезразличен. И я готова защищать его ценой своей жизни. — Я села на свое обычное место, чтобы унять зуд, вызванный близостью огня... и чтобы быть подальше от Магнуса, когда тот захочет снова ко мне прикоснуться. Находиться рядом с ним было просто невыносимо. — На мой взгляд, у него все-таки есть сердце, пусть он и не любит этого показывать. Приятно думать, что он купил меня у моих родителей, дабы избавить от ужасных

людей. Что он заботится обо мне так же, как я забочусь о нем.

— Твои родители *продали* тебя? — Я еще ни разу не видела, чтобы известие о до сих пор процветающем рабстве могло настолько кого-то потрясти. Магнус рухнул в кресло, словно на него свалилась вся тяжесть этого мира. — Чудовища. Все отцы... чудовища.

— Твой отец был проклят. Он не выбирал свою судьбу.

— Зато он нанял человека, чтобы тот убил его, и оставил меня разбираться с его ошибками. Даже если он и не был чудовищем, то хорошим человеком его точно не назовешь.

— Ты знал своих родителей. У тебя есть люди, которые любят тебя и делают все возможное для спасения твоей жизни. Тебе очень повезло.

— Как ты можешь в такой ситуации сохранять оптимизм? Твои родители продали тебя, как товар. Вырастивший тебя человек жестоко с тобой обращался. Тебе точно не нужно выпустить пар? Тут только мы, Андромеда. Необязательно притворяться, будто ты хорошо относишься к людям, причинившим тебе боль.

— Я не могу этого изменить. Что прикажешь мне делать — жаловаться на них?

— Я бы так и поступил.

— Джембер научил меня жить в соответствии с правильными принципами выживания. Один из них — обоснованный оптимизм. Если я стану замечать в своей жизни не только хорошее, но и плохое, то с большим перевесом плохое победит. Мой дух, моя воля к жизни иссякнут и умрут. Именно поэтому я предпочитаю быть благодарной за то небольшое хорошее, что у меня есть. Я выбираю надежду.

На некоторое время мы погрузились в молчание.

— Я тут заметил... — Магнус потер лицо, будто собирался сказать что-то неприятное. — Ты очень напряжена, когда мы прикасаемся друг к другу. Еще один правильный принцип выживания?

— Я и не подозревала.

— Ну... — Он легонько усмехнулся. — Только не во время поцелуя.

Меня вдруг крайне заинтересовала маленькая царапинка на ручке кресла — я надеялась, что свет камина скроет мой румянец. Он так сказал, будто собирался прямо в эту секунду меня поцеловать. И я, да простит меня Бог, больше всего на свете хотела ощутить вкус его губ.

Магнус наклонился в мою сторону, его рука легла на столик между нами.

— Если хочешь, чтобы я сразился с Джембером, я готов.

Я едва заметно ухмыльнулась.

— Он точно тебя убьет. Когда дело доходит до драки, он забывает о морали.

— Он подлец, лишивший тебя простой человеческой любви, так что попробовать стоит.

— Любовь не так важна, когда всю жизнь прожил без нее, — сказала я, наконец набравшись смелости взглянуть на него. — К тому же ты его не знаешь, так что не смей обзывать. Он воспитал меня. Я выросла хорошим человеком. Поэтому держи язык за зубами.

Он хитро поднял брови.

— А что я получу взамен?

Я почувствовала, как жилка на моем виске забилась.

— Я уже очищаю твой замок от проклятия. Так что больше ничего тебе не должна.

— Помимо этого нужно что-то еще, потому что я тоже плачу тебе за работу.

— Мне так и хочется врезать тебе по лицу. Но я не могу.

Чем дольше он смотрел на меня, тем прямее становилась моя спина. Нас разделяли подлокотники двух кресел и стол, однако мне казалось, будто мы находимся вплотную друг к другу. Мне следовало встать. И уйти. Не потому, что я боялась, а... Боже мой. Почему я так дрожу? Вовсе не такой реакции я от себя ожидала.

— Не смотри на меня такими греховными глазами, — произнесла я как можно более холодным тоном.

— Греховными? — Он нагнулся вперед, на миг уставившись на огонь, а потом снова перевел взгляд на меня. — С каких это пор желать другого человека считается грехом?

— Желать... — У меня отвисла челюсть. Он ведь не сказал того, о чем я подумала... — С каких пор? Да так считалось всегда. Это называется похоть.

— Возможно, похоть здесь и присутствует, но это слишком грубое слово для моих чувств к тебе.

— В твоих чувствах ко мне вообще не должно быть намека на похоть. — Во мне закипели гнев и боль, я встала, не дав ему договорить. — В конце концов, я была права. Ты намерен использовать меня лишь для удовольствия.

— Что? — Магнус посмотрел на меня: он по-прежнему сидел, согнувшись в кресле, теперь в его глубоком, неистовом взгляде читались боязнь и тревога. — Андромеда, сядь...

— Нет. — В доказательство своей правоты я отступила на шаг.

— Ты потрясена? Что тебя могут желать?

— Я не так красива, как Келела.

Он взглянул на меня как на сумасшедшую.

— Меня это не волнует. Так почему этот вопрос заботит тебя?

— Наверное, я просто... — Я слотнула ком. Откашлялась. — Меня воспитывали не допускать... влечения... такого рода.

— Но ты испытываешь влечение такого рода, даже если и не допускаешь его?

— Тебе не следует задавать мне подобные вопросы, — ответила я с пылающим лицом.

— Как я уже сказал, это лишь часть моих чувств, к тому же наименее важная. — Магнус слегка усмехнулся. — Может, ты все-таки сядешь, Андромеда? — Он указал на кресло. — Пожалуйста.

Я послушно села. Понимала, что этот разговор приведет ни к чему хорошему, но все же не пыталась его остановить.

«Спаси меня, Боже. Что я делаю?»

— Магнус, как ты можешь желать меня? — выпалила я, нарушив тишину. От унижения мне хотелось прикусить язык; застрявший в горле всхлип мешал говорить, но Магнус, храни его Господь, покорно ждал, пока я возьму себя в руки. — Как можешь что-то испытывать ко мне после того, как я обошлась с тобой? Я не заслуживаю такого отношения.

Магнус тяжело вздохнул и, откинув волосы назад, сел. Некоторое время он глядел на огонь, а потом посмотрел на меня.

— Ты большая редкость, Андромеда. Настоящий шедевр. Ты заслуживаешь весь мир.

— Но это не так, — возразила я, мотая головой, горло саднило от подступающих слез. — Я не смогла тебе простить всего одну крошечную ошибку.

— Твоя реакция совершенно справедлива. — Магнус потянулся ко мне и взял за руку, я придвинулась ближе, чтобы обхватить его ладонь своими. — Келела помогла мне посмотреть на ситуацию твоими глазами. Я полный негодяй.

— Пойми, мне трудно доверять людям... если я вообще способна кому-то верить. С тобой я сделалась уязвимой. Ты сказал, что хочешь быть со мной, а потом выяснилось, что ты помолвлен. Я почувствовала себя... преданной. И, желая защититься, оттолкнула тебя.

— Прости меня. — Он быстро вскочил с места и встал передо мной на колени. — У тебя такое нежное сердце. Ты имела на это полное право. Мне очень жаль.

— Нет, это мне жаль.

— Мне жальче.

Я усмехнулась, покачав головой.

— Мы сейчас всерьез будем спорить о том, кому из нас жальче?

— Разумеется, — ответил он с улыбкой. — А то ты нас не знаешь. — Я засмеялась, когда он принялся целовать мои руки: сначала тыльную сторону, потом сами ладони. — Простите меня, — прошептал он им, и мне невыносимо захотелось, чтобы он поцеловал меня в губы. Вместо этого он встал, все еще держа меня за руки. — Пожалуй, я поиграю немного. Не желаешь составить мне компанию?

— Ты так и не научился переворачивать страницы? — поддразнила я его.

— Я настолько предсказуем?

— Похоже, без меня ты совсем безнадежен.

— Боюсь, что так.

Я высвободила ладони из его рук, чтобы он не почувствовал, как они дрожат. Магнус вновь одарил меня тем

самым взглядом: смесь желания с обожанием, наивысшим уважением и, как всегда, надеждой. Я сделала вид, будто разглядываю танцующие язычки пламени, лишь бы не заплакать.

— Эти глаза в свете камина... — пробормотал он. Я почувствовала на себе его взгляд и, сохраняя невозмутимый вид, села прямо. — Они принадлежат моей госпоже.

Все мои усилия оказались напрасны; я издала короткий смешок и в попытке не расплакаться закусил губу, лицо, даже несмотря на тепло очага, пылало.

— Не шевелись, — попросил он, и я повиновалась. Я сидела неподвижно, сердце колотилось так громко, что он наверняка слышал его стук. И ждала. Неужели он... прикоснется ко мне?

Однако он достал свой альбом для рисования и уселся рядом с моим креслом. Я расплылась в улыбке. Магнус неодобрительно хмыкнул, и я быстро приняла более серьезный вид. При этом внутри меня все улыбалось. Мое сердце. Моя душа. Пальцы впились в колени. Отчасти я боялась, что происходящее означало совсем не то, что мне хотелось бы, но была слишком счастлива полностью это признать.

Я была обыкновенной. Не имела ни семьи, ни наследства.

Но Магнус рисовал меня.

Меня.

Несколько минут прошли в молчании, слышалось только шуршание карандаша и мое собственное дыхание, пока он работал. Краем глаза я замечала, как он смотрел на меня, а потом вновь опускал взгляд к листку, и с каждым разом желание поцеловать его становилось невыносимее.

В конце концов он поставил на рисунке подпись и дату и вручил мне.

Я ахнула.

Девушка на портрете выглядела в точности как я, и в то же время не совсем. Во всяком случае, не так, как я себе представляла свою внешность. Я знала, что в отношении деталей Магнус — художник-реалист: рисовал только то, что считал правдой. Он не сделал меня краше. Передо мной была все та же я — невзрачная, ничем не примечательная, с уродливым шрамом и другими чертами. И все же... в рисунке проглядывала красота, которую я никогда раньше в себе не замечала.

— У меня всегда такой свирепый вид? — спросила я, не зная, что еще сказать. Когда он меня рисовал, я чувствовала себя такой счастливой. Так почему этого не было видно на рисунке?

— Всегда. — Он облокотился на ручку кресла, чтобы проследить за моей мимикой. — Я рад, что в этот раз мне удалось запечатлеть твою душу. Для этого потребовалось немного практики.

Опустив альбом на колени, я взглянула на него.

— Практики?

Мгновение он смотрел на меня не отрываясь, а затем поднял альбом и перелистнул его на предыдущую страницу. Здесь тоже была я — множество изображений. Мой силуэт. Мои руки. Мой профиль. Двадцать, может, больше маленьких, перекрывающих друг друга набросков.

У меня перехватило дыхание. Должно быть, Магнус неправильно истолковал мою реакцию, потому что быстро добавил:

— Наверное, нужно было спросить разрешения. Но я боялся упустить момент.

— А есть еще?

— Да.

— Только в этом альбоме?

Он помедлил, оценивая мое выражение лица.

— Нет, в других тоже.

Я вернулась к только что нарисованному портрету и уставилась на него. Слезы жгли мне глаза, затуманивая взор, поэтому я закрыла альбом и отложила его на при- ставной столик, чтобы в случае чего не намочить. Несколько раз моргнула, пытаюсь прояснить зрение, и сдавленно усмехнулась. Наверное, это была странная реакция — плакать и смеяться одновременно, но я ничего не могла с собой поделать.

— Не плачь. Ты же знаешь, я не умею вести себя в подобных ситуациях... — Сквозь пелену на глазах я увидела, как он отстранился и опустил передо мной на колени... почувствовала тепло его ладоней на своих бедрах. — Андромеда, ты не против? То, что я нарисовал тебя?

— Магнус, — проговорила я, сглатывая ком в горле и вытирая слезы, чтобы лучше видеть его. — Ты рисуешь лишь то, что тебя волнует.

Он улыбнулся, залившись милым румянцем.

— И в твоем случае — то, что люблю.

Долгое время я не могла ничего сказать, мое сердце, точно колибри, трепетало в груди. Я выбралась из кресла через подлокотник, но Магнус догнал меня и, поймав за талию, притянул к себе.

— Древние греки верили, — начал он, — что раньше люди рождались с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя лицами. Но один ревнивый бог разорвал их пополам, вынудив бродить по земле в поисках недостающей половины своей души.

— Ужасающая картина, — ответила я, стараясь не поддаваться панике. — И ошибочная теория. Мне кажется, достигнув определенного возраста, тебе для выживания уже не требуется какой-то определенный человек. Я это делала одна на протяжении многих недель.

— Речь идет не о выживании. А о *жизни*. Я вот не уверен, что действительно жил до твоего появления. — Он придвинулся ближе, и мое сердце забилося чаще. — А теперь понимаю, что не смогу без тебя. Ты моя родственная душа, весь смысл моего существования.

Не в силах смотреть на него, я остановила взгляд на его плече, обхватив себя руками в попытке унять дрожь.

— Магнус, ты меня пугаешь.

— Я тебя пугаю?

В его голосе слышалось подтрунивание, но я не могла засмеяться, не разрыдавшись.

— Словами о том, что не можешь жить без меня. Твое сердце билось еще задолго до нашей встречи.

— Неужели?

Тон его голоса был таким нежным, таким трогательным, что моя душа разрывалась от переполнявших ее сильных чувств. Ну вот, случилось то, чего я так боялась: слезы непроизвольно потекли по моим щекам.

— Быть может, моя любовь безумная и безрассудная, — быстро продолжил он, — но она настоящая и искренняя. Пожалуйста, поверь мне, это не обман...

— Мне нужно время, — выдохнула я. — Прошу тебя. — И скрылась в проходе между двумя высокими книжными шкафами, чтобы прийти в себя.

Спрятавшись в тени, я прислонилась к книгам и попыталась перевести дыхание. Однако несколько минут спустя послышался перезвон колокольчиков. Магнус, осторожно ступая, обогнул книжный шкаф.

— Андромеда? — Его лицо почти полностью скрывала тень, лишь мерцание свечей, пробивавшееся сквозь щели, озаряло прекрасные очертания. — Мне не стоило признаваться?

— Ты любишь меня? — прошептала я.

Он подошел и заключил меня в объятия. Не имело значения, что я практически не видела Магнуса, его руки, подобно якорю, удерживали меня на этой земле.

— Ты же знаешь, что да.

— Только меня?

— Моя дорогая, — проворковал он, скользнув подушечками пальцев по моим губам, — всегда была только ты. — И прижался ртом к оставленному пальцами теплому следу.

Глава 25

План был предельно прост. Келела будет стоять перед дверью в качестве приманки. Саба позаботится о том, чтобы гиена не смогла выбраться. А я уничтожу ее. За пять минут до Пробуждения каждая из нас заняла свою позицию.

Мы с Сабой встали напротив двери в спальню Магнуса, Келела — чуть позади нас. Я оглянулась на нее: лицо ее было пепельно-серым. Она вся дрожала, но в глазах ее светилась искорка — воли, жизни, решимости. Она собиралась идти до конца.

А конец будет быстрым. Один час. Столько времени мне необходимо, чтобы запечатать Сглаз.

Услышав щелчок замка, я вынула нож. Но это была не дверь в спальню Магнуса — к тому же гиена не смогла бы ее отворить.

— Оставайтесь здесь!

Подбежав к лестнице, я остановилась на верхней площадке как раз в тот миг, когда Пегги открыла входную дверь.

— Пегги, — крикнула я сверху, — Пробуждение через три минуты. Вам нужно запереться в своей комнате.

Она вскинула голову и посмотрела на меня как на досадную помеху, а потом начала медленно подниматься по лестнице. Ее комната была на первом этаже. Зачем она шла сюда?

— Мне нужно проведать Магнуса.

Я сбежала по ступеням, перехватив ее на полпути, и принялась подталкивать.

— Гиена появится меньше чем через три минуты.

Пегги остановилась — сделала противоположное тому, чего я от нее добивалась.

— Ч-что?

— Саба, помоги!

Саба бросилась ко мне и без дальнейших просьб закинула Пегги к себе на плечо.

Не знаю, то ли Саба решила открыться, то ли Пегги подумала, что ее утаскивает какая-то невидимая сущность, но она кричала не переставая. Тем не менее момент был критически важный, да и времени оставалось в обрез, поэтому сейчас в ответ на это я могла только закатить глаза.

— Отнеси ее в мою комнату... нет, в чулан. В конце коридора. Быстрее.

— Келела? — ахнула Пегги, пока Саба несла ее, и издала отчаянный вопль, похожий на крик банши. — Господь всемогущий, что ты здесь делаешь? Уходи отсюда!

Саба, держа орущую женщину в руках, словно пушинку, помчалась в противоположный конец длинного коридора. Чулан, с учетом того, что моя комната была свободна, был не лучшим решением, но мне не хотелось, чтобы она рылась в моих вещах.

— Наверное, это еще не самое странное, что мне доводилось видеть в этом доме, — выдохнула Келела. Судя по ужасу на ее лице, речь шла не о Пегги.

Я вновь заняла свое место перед пораженной Келелой, когда Саба, захлопнув дверь чулана, вернулась к нам. До меня донеслись проклятия, выкрикиваемые Пегги в мой адрес. У нее хватило ума делать это сквозь закрытую дверь.

Потому что большие часы внизу пробили десять.

Бом!

Я сделала глубокий вдох.

Бом!

Еще один вдох.

И так восемь раз — с каждым вдохом я набиралась смелости, пока внутри не осталось ни капли страха.

Когда прозвучал последний удар гонга, в ушах засвистел сильный ветер, а следом послышался шелест простыней. За ними — клацанье и скрежет когтей по дереву. Каждый шаг сопровождался знакомым звоном колокольчиков.

В памяти тут же, как только лапы гиены коснулись пола, вспыхнули нарисованные мелом линии.

Щелкнув паяльной ручкой, я приступила к делу.

Не прошло и минуты, как дверь спальни загрохотала. Келела вскрикнула и вцепилась в мое плечо, но я быстро стряхнула ее руку.

— Не прикасайтесь ко мне, я могу все испортить.

Прошла еще минута. Снова удар.

— Он не сломает дверь? — спросила Келела с легкой истерикой в голосе.

— Нет, — ответила я, не прекращая движений ручкой.

Новый удар. Келела вжалась в стену.

— Ты уверена?

— Сущность обладает силой обычной старой гиены, а двери сделаны из цельного дерева. — Я сказала это для того, чтобы она замолчала, а я могла сосредоточиться на работе. К счастью, мои доводы убедили ее, хотя сама

я не знала, правда ли это. Возможно, демон-гиена сильнее обычной гиены. В конце концов, Саба же превосходила силой любого человека... Но нет. Нет. После того как мне удалось набраться смелости, нельзя было поддаваться сомнениям.

Краем глаза я заметила, что Саба направилась к комнате Магнуса, и подняла взгляд. Выглядела девушка ужасно. Нос и лоб сморщены в гримасе, будто она ощутила вкус крови. Я прижалась спиной к двери, когда она потянулась, чтобы открыть ее.

— Я знаю, что оно управляет тобой, Саба, — сказала я. — Но ты должна сопротивляться.

Саба покачала головой. Слезы заблестели в ее глазах и покатались по щекам. Гиена снова врзалась в дверь.

— Беги в конец коридора, не вмешивайся. Уходи отсюда.

Решение было не слишком надежным, но ничего лучше я придумать не могла. Почти вся моя мозговая деятельность сейчас была направлена на то, чтобы изготовить амулет. И зачем я позволила ей остаться? Меня терзали те же тревоги, что и Келелу: гиена может сломать дверь. Но больше всего пугало то, что Саба может выпустить ее слишком рано. По словам Магнуса, у нее не было другого выбора, кроме как подчиниться Сглазу. Она не могла долго ему сопротивляться. К тому же мне требовалось еще как минимум пятьдесят минут, прежде чем амулет, способный поймать чудовище, будет готов.

Крепко обхватив себя руками, Саба отвернулась и зашагала по коридору, а потом резко остановилась. Краем глаза я наблюдала за ней: она стояла, согнувшись пополам, не в силах сдвинуться с места.

Истекла еще одна минута. За это время я сумела сделать несколько точных движений, но мне хотелось бы работать

так же быстро, как Джембер. Потому что теперь амулет надо было закончить скорее. У меня не было часа. У Сабы не было часа. А у двери и подавно, если она...

Снова раздался удар, на этот раз его сопровождал глухой треск дерева, и Саба приблизилась ко мне.

— Скоро все закончится, — попыталась я заверить ее. — Тебе больше не придется подчиняться Сглазу... — Но ее рука уже поворачивала дверную ручку. Я успела лишь неуклюже встать перед Келелой, прежде чем большая черная тень кинулась на меня. Она врезалась в мой щит, а потом метнулась, чтобы обойти его. Я попятилась назад, увлекая кричащую Келелу за собой.

Саба схватила гиену за задние лапы и потянула назад.

— В мою комнату, — скомандовала я, подталкивая Келелу в нужном направлении. В это мгновение гиена, клацнув зубами, вырвалась из рук Сабы. Мой амулет заработал на всю мощь, когда демон бросился на нас и его голова прошла на целый фут вперед.

На миг кровь в моих жилах застыла. Куда делась большая часть моего щита?

Саба обхватила гиену за шею и повалила на пол, и я тут же продолжила работу над амулетом. Но успела провести всего три линии, когда гигантская лапа вцепилась в руку Сабы и оторвала ее от плеча. Пока я вела следующие две линии, она уцелевшей рукой удерживала гиену на расстоянии. В конце концов гиене удалось укунить ее за подбородок и, оторвав большую часть лица, отбросить его через весь коридор.

Мы с Келелой одновременно бросились в разные стороны. Она закрылась в моей комнате, а я к тому времени добралась до лица Сабы — слава богу, что она разбивалась на большие куски, а не разлеталась на осколки. Гиена скребла когтями пол напротив моей комнаты, оставляя

в дереве глубокие полосы, словно пыталась вырыть яму под дверь. Вместо того чтобы отдать Сабе лицо, я вновь взялась за амулет. Еще две линии. Саба вернула руку и лицо на место и шагнула к моей комнате. Я преградила ей путь.

— Саба, не делай этого. — Я вытянула руки в стороны, чтобы она не могла обойти меня. — Оно не попадет внутрь без твоей помощи. Не трогай его, пусть пытается — это даст мне время запечатать его в амулет.

Саба схватилась за живот, будто от удара ножом. Ее лицо исказилось от напряжения, глаза затуманились от слез.

— Не слушай его, Саба, — закричала я, схватив ее за руки и встряхнув. — Прощу тебя, борись!

Она разрыдалась, отпихнула меня с дороги и бросилась к двери.

План казался простым. Почему же все пошло не так?

Рванув вперед, я протаранила бок гиены щитом и отбросила ее в сторону, в то время как Саба распахнула дверь.

Но уже в следующую секунду существо вскочило на лапы и, не обращая на меня внимания, ворвалось в мою комнату и бросилось к Келеле. Я съезжилась от последовавшего за этим крика.

— Помогите, помогите! — повторяла Келела с постепенно усиливавшейся истерикой в голосе. Я вытащила нож, но была вынуждена отскочить в сторону, когда из моей комнаты показалась гиена: она пятилась, щелкая челюстями и царапая когтями кочергу, которой на нее замахивалась Келела. — Андромеда!

Я ударила зверя ножом в спину в попытке привлечь его внимание, но Келела — о боже — выбежала наружу вместо того, чтобы вернуться в комнату. Я успела крикнуть лишь: «Стойте!»

Гиена бросилась следом за ней, но, столкнувшись с ее щитом, с воем отшатнулась. На лестнице Келела упала и покатилась по ступеням, а я выскочила вперед, чтобы не позволить гиене погнаться за ней. Существо врезалось в мой щит, пробив его еще на несколько дюймов. Такого нельзя было допускать — щит уже уменьшился до полутора футов, а если предстоит сражаться и бегать всю ночь, мне не удастся закончить амулет до того, как Сглаз снова затихнет.

Тут сквозь вой ветра донесся громкий хлопок, настолько явственный, что я прервала работу и огляделась. У двери в чулан, сжимая в руках ружье, стояла Пегги.

Гиена склонила голову набок, вращая глазами чуть ли не вокруг своей оси. Затем отвернулась от меня и бросилась на Пегги. Пули не останавливали ее. Они даже не причиняли ей вреда. Саба кинулась за чудовищем, наступая тому на пятки. Я кинулась за Сабой — может, не так быстро, но гораздо отчаяннее.

— Пегги! — закричала я, но у меня сорвался голос. К тому времени как мне удалось слотнуть и договорить: «Возвращайтесь внутрь...», ее полный ужаса вопль перекрыл мои слова.

Гиена прыгнула на Пегги с такой силой, что их обоих отбросило к дальней стене чулана. Вместо того чтобы бежать за ними, Саба резко остановилась, чуть не врезавшись в стену, и плотно закрыла дверь. Наступила тишина, лишь изнутри доносились пронзительные, душераздирающие крики.

Я упала на колени, разинув рот и тяжело дыша. Адреналин накрыл меня с головой. Боже мой. Этого не должно было случиться. Что...

Отдающийся в ушах стук сердца заглушал ужасающие крики Пегги.

«Ты ничего не можешь сделать, Анди. Закончи амулет, пока есть возможность. Ты больше ничего не можешь сделать».

Сделав глубокий вдох, я подбежала к двери и схватила Сабу за руку.

— Уходи отсюда. Спускайся вниз или беги на улицу. Торопись, пока оно не покончило с ней.

«Пока оно не покончило с ней».

Времени на то, чтобы ненавидеть себя за отданный приказ, не было.

Саба попятилась от меня, двигаясь при этом слишком медленно. Я подтолкнула ее, и она наконец побежала.

Несколько раз глубоко вздохнув, я зажгла ручку. Крики стихли. Слышались лишь свист ветра, гудение пламени и периодический стук в дверь: теперь гиена пыталась добраться до меня.

Глава 26

Внезапно удары и скрежет прекратились. Я замерла, в ушах зазвенело от тишины, паяльная ручка зависла над куском серебра. Гиена не могла так быстро затихнуть.

И все же это было так... Она получила свою жертву, хотя Пегги никогда не являлась первоначальной целью.

Я покосилась на амулет, в котором теперь не было никакого смысла. Будь он завершен, а его задача выполнена, я бы ощутила присутствие в нем Сглаза... Но я не чувствовала ничего. К тому же амулет не был закончен.

Я разочарованно вскрикнула. Но вовремя одумалась, прежде чем отшвырнуть недоделанную работу на пол, и решила убрать ее в сумку. А потом кинулась в свою комнату за масляной лампой, зажгла ее своей ручкой и поспешила обратно.

Подходя к чулану, я замедлила шаг. Из-под двери сочилась кровь.

Я медленно открыла дверь, держа свой амулет перед собой... и чуть не задохнулась от увиденного. Растерзанное тело Пегги было практически не узнать: холодное, белое, покрытое клочьями шерсти, оно лежало в углу. Пол

и все предметы были пропитаны липкой влажной кровью. А в самом центре сидел Магнус, спрятав лицо в колени и обхватив ноги дрожащими руками. Он был... совершенно голый. На теле пятна чужой крови, волосы слиплись от нее, под ногтями запеклась грязь.

— Я убил Пегги, — произнес он дрожащим, полным слез голосом.

У меня скрутило живот.

— Все хорошо. Только не смотри назад.

Слова рассыпались у меня на губах. Все мое тело продрогло до костей. Этого не должно было случиться. План должен был сработать.

— Магнус, — едва слышно выдохнула я, и он посмотрел на меня.

Боже мой. Лучше бы он этого не делал. Его глаза покраснели от слез, а на губах алело нечто более жуткое. Он закашлялся, поперхнулся, и изо рта у него хлынул поток крови — этого зрелища оказалось достаточно, чтобы к горлу у меня подступила желчь.

— Убей меня, — прохрипел он.

Я, мотая головой, отступила на шаг.

— Пожалуйста, Анди.

— Я не могу, — ответила я. Или мне так показалось — слова больше походили на всхлип.

— Тебе придется меня убить, — сказал он, вставая на колени. Его руки скользили в густой луже крови на полу. — Это единственный способ.

Я не могла ему ответить. Могла только убежать.

Я слетела с лестницы, перепрыгивая через две ступени. У подножия показалась Саба. Выглядела она подавленной.

— Я ухожу, — сообщила я ей, хотя она и сама это прекрасно видела.

Она схватила меня за руки и, словно пытаясь вразумить, наклонилась так, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Но это лишь окончательно подкосило меня.

— Я не вернусь туда, — закричала я, всем весом подавшись вперед. Каждая мышца в моем теле натянулась от напряжения, будто оно никогда не испытывало столько боли и страха одновременно.

Возможно, так оно и было.

Именно поэтому мне хотелось поскорее оставить все позади.

Я выбежала из замка в темноту пустыни и тут же услышала за спиной мягкие шаги по песку. В следующую секунду передо мной возникла Саба с выражением мольбы на лице, залитом слезами.

— Прошу тебя, Саба, не пытайся меня остановить. Я не могу здесь оставаться.

Я постаралась обойти ее, но она вновь задержала меня, показав что-то руками, — в темноте было трудно разглядеть, что именно. Даже если бы луна светила ярче, я бы все равно ничего не поняла из-за царившего сейчас во мне хаоса. Знала только, что внутри меня нарастает паника — контролируемая, пропитанная адреналином, знакомая, как задворки моего города. Я слишком хорошо ее знала, потому что от нее зависело мое выживание. Она превратила моих друзей во врагов, а сострадание таяло от нее быстрее, чем шоколадные конфеты Магнуса во рту.

«Борись или беги, Анди?»

Саба подталкивала меня к *борьбе*.

— Если вздумаешь удерживать меня силой, — предупредила я и, сделав несколько шагов назад, положила руку на нож в кармане, — твоим конечностям придется тащиться к тебе через всю пустыню.

Саба вновь взмахнула руками, однако на этот раз указала в сторону замка. Это послужило достаточным подтверждением.

«Борись».

Но не успела я среагировать, как Саба подхватила меня и перекинула через плечо.

— Нет! — закричала я и начала брыкаться.

«Кричи во все горло, — постоянно твердил мне Джембер. — Не облегчай врагу задачу. Если он доставит тебя туда, куда ему нужно, ты, считай, покойник».

Так что я кричала без слов, чтобы звук достиг ее ушей, и пинаясь ногами. Я не могла схватить ее за волосы, впиться ногтями в кожу, зато мне удалось вытащить нож из кармана и ударить ее в спину. Я почувствовала, как раскололась глина, лезвие с легкостью прошло насквозь. Я была готова нанести еще один удар, но Саба уронила меня спиной на песок. Наверное, она извлекла урок из нашей предыдущей стычки, потому что быстро перевернула меня на живот и прижала мои руки к бокам. Затем вновь подняла в воздух, но на этот раз держа на расстоянии вытянутой руки лицом от себя.

И зашагала вперед. В таком положении я не могла нанести ей удар ножом, но продолжала пинать ее. Продолжала кричать. Продолжала извиваться всем телом, вынуждая ее сжимать меня крепче. Я громко всхлипнула. Боже, помоги мне. Еще немного, и она сломает мне кости.

Переступив порог замка, Саба прижала меня одной рукой к себе, и я, воспользовавшись ситуацией, запрокинула голову назад к ее лицу. Раздался пугающий и такой приятный в эту минуту хруст. Что-то скользнуло по моему плечу и с треском упало на пол, но это не помешало Сабе силой усадить меня на ступени лестницы.

— Значит, ты все-таки не позволишь мне уйти? — промямлила я.

Саба, подобрав с пола осколок лица, выпрямилась. Я взглянула на нее: по шее и плечам расплзались трещины от нанесенных ударов. На лице зияла дыра. Она собиралась пристроить отвалившийся кусок на место, но во взгляде у нее читалось разочарование.

Мое сердце по-прежнему билось часто, но паника улеглась, и ей на смену пришло смущение.

— Прости, что разбила тебе лицо, — пробормотала я. — И ударила ножом в спину.

В ответ она нежно и заботливо смахнула песок с моих волос, а после без усилий подняла меня и понесла вверх по лестнице.

Я боролась с желанием делать глубокие вдохи в попытке успокоить пульс. От паники не осталось и следа, но мне все еще требовался адреналин. Требовалась сила. Потому что, как только Саба заперла меня в комнате, я открыла окно. Земли внизу не было видно, словно пустота поглотила замок целиком, однако он вряд ли был выше, чем городская стена. Я скинула обувь — так будет проще ползти по камням — и, нащупывая руками щели, за которые можно было ухватиться, спустилась вниз.

Вылезти из замка, как я и предполагала, оказалось просто. А вот пересечь пустыню будет уже не так легко, но разве у меня был выбор? Попытка угнать одну из лошадей лишь даст возможность меня поймать.

Именно поэтому я решила не терять времени зря и, подгоняемая адреналином, побежала в сторону города.

В переулках было пугающе пустынно, но это оказалось мне только на руку. В ногах чувствовалась тяжесть, дыхание громко отдавалось в ушах. На задворках церкви

я протиснулась сквозь решетку, миновала знакомую мне грязную прихожую, бросилась к кровати и, тяжело дыша, рухнула на нее. Джембера не было дома. Оно и неудивительно, ведь он работал. Но все же я расстроилась. Я не ждала, что он сможет меня утешить, но и не желала находиться здесь одна.

«Нет, Анди. Ты хотела тут спрятаться».

Бросила Магнуса.

Не попрощалась с Сабой.

«Ты трусиха».

Уткнувшись лицом в подушку, я плакала до тех пор, пока не уснула.

Глава 27

Магнус сидел в луже крови. Голый, весь в кровавых пятнах. Он дрожал. Я подошла ближе, и он поднял голову. По его лицу текли слезы.

— Андромеда...

Его голос успокаивал и пугал, воодушевлял и убивал одновременно.

— Я здесь, Магнус.

— Ты бросила меня...

— П-прости. Я испугалась, — сморгнув слезы, я вытерла глаза тыльной стороной ладони.

Но стоило мне вновь взглянуть на него, как его глаза зажглись ярким, неестественно зеленым огнем. Ногти удлинились и со скрежетом, от которого внутри меня все содрогалось, продолжали расти, превращаясь в когти.

— Сейчас я дам тебе настоящий повод для страха...

Пока он говорил, его зубы обратились в клыки: их острые кончики разорвали уголки губ, откуда хлынула кровь. Я отшатнулась, когда он подался вперед, сделал выпад...

Я резко распахнула глаза, пальцы до боли цеплялись за края моей детской кровати.

— Магнус!

Вместо ответа я услышала, как скрипнула дверь в подвал. Послышалось шлепанье сандалий, топот ботинок и чуть более металлический, тяжелый стук по лестнице. Джембер был не один.

Я не знала, в каком он сегодня настроении. Это зависело от того, чем он занимался всю ночь: пил или работал. К тому же мне вряд ли стоило попадаться на глаза его спутнику. Но мне не хватало силы воли сдвинуться с места. Да и желания, если уж на то пошло, тоже.

— Андромеда...

Магнус.

Его нежный голос эхом прокатился по моему опустевшему, похожему на пещеру сердцу, и в попытке прогнать его я зажмурила глаза.

Шаги остановились перед комнатой.

— Принеси мне кусок соли, — донесся до меня голос Джембера.

— Вы имеете в виду, вырезать его в пустыне? — спросил мальчишеский голос, в котором слышалась усталость. Я ощутила укол неуместной ревности вкупе с облегчением. Наличие нового подопечного означало, что Джембер, во всяком случае, стабильно зарабатывает себе на жизнь, даже если теперь мне придется делить комнату еще с одним человеком. — Но мы и так провели там всю ночь. И я не знаю, как...

— Ты на что-то жалуешься, парень?

— Н-нет, сэр...

— Я решил, что мне нужно пять кусков, сейчас же.

— Н-но...

— Десять. Еще одно слово — раскрою тебе череп.

В ответ раздались торопливые шаги по лестнице.

Бедный мальчишка не знал, на что подписался. Я издавала тихий смешок, а потом вновь погрузилась в страдания.

Дверь подвала со скрипом закрылась, звякнула цепь, повернулся ключ в замке. Через минуту тощий матрас за моей спиной просел: Джембер опустился на край кровати.

— Анди.

Его грубый голос звучал успокаивающе — он означал, что я дома, — хотя и не пытался утешить меня. Не пытался унять моего Магнуса. Мое воображение. И все же происходящее походило на сон. Джембер не казался пьяным, и от него не пахло алкоголем. От него исходил аромат ладана, резкий и травянистый, и едва уловимый запах пота. Удивительно, как сильно я скучала по этому запаху.

— Посмотри на меня.

Я не пошевелилась. Не могла.

Он схватил меня за плечо и повернул так, чтобы спиной я опиралась на его спину. Я не сопротивлялась. На нем была все та же белая рубашка с длинным рукавом, штаны и, конечно же, неизменные красные перчатки.

— Тебя кто-то обидел? — спросил он.

Я вытерла заплаканные глаза тыльной стороной ладони.

— Нет.

— Тогда почему ты плачешь?

Я судорожно втянула воздух.

— Я не справилась.

Усмехнувшись, Джембер наклонился, чтобы расшнуровать ботинок.

— Прожила в доме богача всего несколько недель и вдруг стала такой неженкой.

— Я не неженка, — возразила я.

— Если бы люди плакали из-за каждой неудачи, то мир пребывал бы в нескончаемом трауре. — Дернув

за ботинок, он разочарованно крикнул. — Сними его с меня, девчонка.

Я вздохнула — как ни странно, не от досады — и, соскочив с кровати, опустилась перед ним на колени.

— Значит, ты нашел нового подопечного, — сказала я, без труда стягивая с него ботинок.

— Мне *назначили* нового подопечного.

— И как у него идут дела?

Джембер пожал плечами, откидывая назад дреды.

— Стремится к знаниям. Но, похоже, никак не может понять, как почувствовать присутствие Воплощения, что в буквальном смысле самое легкое в работе.

— Ему просто нужно время. Не всем это дается легко.

— Я найду кого-нибудь получше ему на замену.

— Для тебя все недостаточно хороши, — пробормотала я.

— Ты была хороша. А теперь взгляни на себя. Превратилась в вечно ноющую слюняйку.

Я отшвырнула его ботинок в сторону и сжала кулаки.

— Ты сам сказал мне бросить все.

— Но не просил потом из-за этого реветь.

Я поднялась на ноги и встала перед ним. Глаза жгли с трудом сдерживаемые слезы.

— Помоги мне найти работу. И я навсегда исчезну из твоей жизни.

Джембер перевел взгляд на меня, изучая мое лицо.

— Что случилось?

— Я не справилась. — Прозвучавшие слова больше походили на рыдание. Я прижала амулет к груди и устремила затуманенный взор в пол. — Он рассчитывал на меня, а я не смогла его спасти. Теперь он один, напуган, и... — Я проглотила еще один всхлип. — А я трусиха.

Я не могу вернуться туда. Как мне смотреть ему в лицо после того, как я его так подвела?

— Что ты сделала, девчонка? Влюбилась в него?

Это стало последней каплей. Я задрожала, прижав руки к лицу. Легкие горели. Я разразилась безудержными рыданиями — так горько, как никогда раньше. Будто мое тело решило наверстать упущенное в прошлой жизни, когда мне не было позволено плакать.

— Сейчас я сосчитаю до пяти, — услышала я слова Джембера, едва перекрывавшие мои всхлипы. — А потом прекращу твои рыдания за тебя. Раз.

Я попыталась глубоко вдохнуть, но легкие не слушались.

— Два.

Он вечно грозился меня удушить, едва я собиралась заплакать...

Джембер поднялся с кровати и схватил свою подушку.

— Три.

Но он никогда не успевал сосчитать до пяти.

— Ладно, ладно, — выдохнула я и с трудом задышала, вытирая лицо.

— Четыре.

Я выпрямила спину, провела рукавом по заплаканным глазам, делая поочередно глубокие вдохи и выдохи.

— Пять. — Он встал передо мной, держа подушку обеими руками, будто собирался пустить ее в ход. Я икнула. Он швырнул подушку мне в лицо, я поймала ее и прижала к груди. — Больше не вздумай реветь из-за парня. Разве только он превратится в гиену и откусит тебе ногу. Пока этого не произошло, нечего реветь.

Я несколько раз шмыгнула носом, вытирая его о подушку.

— Я люблю его, Джембер, — прошептала я. Как же приятно было произнести эти слова вслух.

Мой взгляд был устремлен в подушку, поэтому я не видела выражения лица Джембера. Однако на миг он лишился дара речи.

— Не плачь, — произнес он в конце концов. — Ни один мальчишка не стоит слез.

Потом забрал у меня подушку и бросил ее обратно на кровать. Краем глаза я заметила, как его рука дернулась в мою сторону, но стоило мне поднять голову, как он опустил ее.

— Почему ты никогда не прикасаешься ко мне? — выговорила я. Мое горло сейчас, видит бог, сжималось от куда большего ужаса. — Нет, я понимаю, твоя кожа не выдерживает прикосновений. Но ты носишь перчатки, мы оба с длинными рукавами. Если хочешь, можешь обнять меня. Или похлопать по спине. В настоящий момент я даже готова принять пощечину.

Губы Джембера сжались в тонкую линию. Он медленно выдохнул через нос.

— А с чего вдруг тебя это стало волновать? За несколько недель на улице твои фундаментальные принципы выживания дали слабинку?

— Ты же вырастил меня. Неужели ты совсем не испытываешь ко мне привязанности?

— Да, я вырастил тебя. — Он снова уселся на кровать. — И этого достаточно.

— Но ты любишь Сабу.

— Я этого не говорил, ты сама так решила...

— Однажды говорил. Ты не забыл чувств к ней и за все время, что мы с тобой знакомы, ни разу с ней не виделся. Так что не может быть, чтобы ты, воспитывая меня так долго, ничего ко мне не чувствовал.

— Ты сохранила амулет, который изготовила для Сглаза?

Он... игнорировал меня. Я всхлипнула, изнутри поднималась ярость.

— Он в моей сумке.

— Ждешь, что я снова встану? Покажи мне его.

Я вынула недоделанный амулет, заляпанный кровью. Он выглядел жалко.

Джембер взял его в руки. Перевернул. Затем начал повторять движения в воздухе.

— Неправильный порядок, — пробормотал он и продолжил повторять движения. После долго и задумчиво смотрел на амулет. — Неплохо, девочка, — заключил он, возвращая его мне. — Ты была на верном пути.

— Ты сменил тему разговора.

— Ничего я не менял. Тот разговор окончен.

— Я лишь надеялась, что... — Я принялась ковырять ногти. Почему я так нервничала? Чувствовала себя настолько потерянной? — Не знаю. Что, возможно, ты любишь меня.

Минуту мы оба молчали.

Джембер со стоном сжал ногу выше колена и помассировал ее пальцами.

— Большинство людей начинают практиковаться в изготовлении амулетов в шестнадцать лет. Ты никогда не задумывалась, почему попала ко мне столь рано?

— Ты купил меня у моих настоящих родителей.

— Купил тебя? Когда это я за что-нибудь платил? Нет, я украл тебя у тех, кто тебя купил.

— Но почему?

— Потому что твои родители продали тебя в бордель. А тебе было всего пять лет. — Он пожал плечами, словно больше не хотел думать об этом. — Твоя склонность к созданию амулетов стала приятным дополнением.

Он снова застонал и, поморщившись, тяжело оперся на кровать. Я опустилась перед ним на колени и, не дожидаясь просьбы, сняла с его ноги протез.

— А я думала, сострадание — плохой принцип выживания.

— Так и есть. За эти годы ты доставила мне массу хлопот. — В глазах Джембера вспыхнул озорной огонек, а потом он забрал у меня протез и постучал по моей голове более толстым деревянным концом. Мне повезло, что это был протез, нужный ему, чтобы ходить, а не то, что он мог позволить себе спокойно сломать. Тем не менее я невольно заулыбалась. — Тебе нужно где-нибудь ночевать, девчонка? Тогда закрой рот и не лезь не в свои дела.

Я всегда спала на этой половине кровати. В основном потому, что Джемберу было проще забираться со стороны, ближней к двери: так ему не приходилось переползать через кровать или обходить ее. Но сегодня ночью спать я не могла.

Ночью? Нет. Уже было утро, хотя из-за закрытой двери не пробивалось ни единого лучика. Магнус к этому часу, наверное, успел проснуться, даже не подозревая о том, что натворил прошлой ночью, и теряясь в догадках, где я. А я тем временем находилась в доме своего детства. Пряталась в нем.

Я перевернулась на бок. Джембер лежал на спине, дыхание его было прерывистым, вдох через раз сопровождался непроизвольным стоном. Вряд ли я когда-либо замечала, насколько ему больно. Он всегда возвращался домой, когда я уже спала, и вставал раньше, чем я просыпалась. Или же был пьян настолько, что мгновенно отключался. Все это время я ошибочно полагала, что он

просто крепко спит. А таблетки для него скорее необходимость, чем зависимость.

Я со вздохом перекатилась на спину. Невероятно: я лежу сейчас здесь и трачу время на жалость к себе, в то время как меня ждут те, кто больше всего во мне нуждается.

Если я очищу замок, Магнусу больше не придется избегать людей. Он сможет вместе со мной выходить в город. Находиться в толпе. И вообще быть везде, где мы только пожелаем.

Душа Сабы освободится. Конечно, я буду сучать по ней, но с моей стороны крайне эгоистично держать ее здесь, в мучительной власти Сглаза.

И — то, о чем я раньше не задумывалась, — я смогу позволить лучших врачей для Джембера. Тех, кто сможет избавить его от боли и даже сделать ему новый хороший протез. Может, тогда он перестанет быть таким ворчливым.

Вне всяких сомнений, мне следовало вернуться. Только на этот раз требовался план получше. Такой, где никто не пострадает и не погибнет. Келела вызвалась добровольцем из добрых побуждений, но, как только дошло до дела, запаниковала. Теперь мишенью должен стать кто-то уравновешенный, желательно тот, кто уже сталкивался с гиеной раньше и знал, чего ожидать...

Я покосилась на Джембера, но тут же отвергла эту идею. Он ни за что не согласится. К тому же его убьют раньше, чем я закончу амулет: из-за травмы ему не хватало скорости.

В отличие от... меня.

Я быстро села на кровати, в голове внезапно прояснилось.

Я была быстрой. Умела сохранять самообладание в стрессовых ситуациях. Встречалась с гиеной много раз

и знала, чего от нее ожидать. А Джембер быстрее меня создавал амулеты, поэтому мне не пришлось бы долго отвлекать сущность.

Я сделала глубокий вдох, обхватила руками колени и закрыла глаза.

— Господи, — пробормотала я, — пусть это будет правильный выбор.

Теперь оставалось убедить Джембера пойти со мной. Самая утомительная часть плана, если честно.

— Джембер, — прошептала я. Не знаю, почему я не закричала, — ведь мне нужно было его разбудить.

Я потрясла его за плечо, но он лениво шлепнул меня по руке.

— Зачем ты будишь меня до полудня?

— Я возвращаюсь в замок. — Откинув одеяло, я ска-
тилась с кровати. — Отвезешь меня?

— Ты спятила?

— Пожалуй.

Джембер с протяжным стоном приподнялся на лок-
тях.

— Ни один парень не стоит того, чтобы из-за него умирать.

— Ты сам сказал, что я была на верном пути. — Заки-
нув сумку на плечо, я надела амулет. — Часть амулета уже
готова, мне только нужно закончить его. Даже если это
займет несколько дней...

— Сглаз — это не просто какое-то там безмозглое
Воплощение, действующее по шаблону. Это разумное
существо, которое сделает все возможное, чтобы его не
изгнали.

Я достала из-под кровати протез Джембера.

— Тем больше причин для тебя пойти со мной. Двое
дебтер способны сделать больше, чем одна.

— Господи... — Джембер рухнул на кровать и уткнулся лбом в подушку. — Твой оптимизм меня убивает.

— Так ты поможешь мне? Нам нужно выдвинуться до полуденной жары. — Я открыла ящик комода, чтобы достать его вещи. — Тем более ты единственный дебтера, кто за двадцать лет...

— Я и близко не подойду к этому месту.

— Но вместе мы...

— Ты разве еще не поняла? — Он сел, отбросив мою руку, когда я попыталась ему помочь. — Я *единственный*, кто смог очистить дом, потому что единственный, кто сумел продержаться и остаться в живых. Я едва спасся. Тебе не выиграть этот бой, Андромеда.

— Я должна. — В моих словах слышалось отчаяние. Я присела и стала пристегивать протез к его ноге, лишь бы он не видел слез в моих глазах. — Я не могу бросить людей, которые мне дороги.

Как только протез оказался на месте, он отпихнул меня ногой.

— Ну и уходи тогда. Пусть тебя убьют.

Я поджала губы, чтобы они не дрожали.

— Между прочим, ты тожеходишь в их число. Знаешь, какую медицинскую помощь можно было бы тебе оказать...

— Хватит, — рявкнул он, взмахнув рукой. — Просто... замолчи.

Злость в его голосе сменилась меланхолическими нотками, и у меня сдавило горло.

На протяжении минуты мы оба не говорили ни слова.

— Ты все равно пойдешь, что бы я ни сказал.

Я кивнула.

— Я обязана.

— Ты не обязана. — Он наклонился и открыл ящик рядом с собой. — Тебе нужны деньги?

Я покачала головой, сердце болезненно сжалось. Ко мне вдруг пришло осознание... он не пойдет. А ведь весь мой план зиждился на его помощи.

Джембер выдвинул ящик возле кровати и достал амулет. Кусок серебра чуть толще обычного был обмотан черными и красными нитями с небольшими вкраплениями золота. Я никогда не видела такого... Хотя, нет, стойте. Видела. Это ведь тот самый амулет, который я недавно сделала, только с некоторыми дополнениями. Я практически ощущала откликавшуюся в нем эхом силу, когда он раскачивался на цепочке. Если уж он не остановит Сглаз, тогда не знаю, что сможет.

Меня охватило раздражение: Джембер заставил меня с таким трудом изготавливать себе амулет, в то время как сам все равно собирался его исправить.

— Все самые эффективные приемы приберег для себя, — усмехнулась я.

— Не будь неблагодарной, — лишь ответил он. Я взяла у него амулет и повесила себе на шею. — Пришло время прощаться.

— Идем со мной.

— Я не могу. — Он с грустной улыбкой покачал головой. — И не могу, как ты, руководствоваться оптимизмом и надеждой. Прощай, Анди. Вряд ли мы встретимся снова.

— Может, хотя бы подвезешь меня? — спросила я. — Раз уж мы с тобой прощаемся.

— Куда? — Джембер с тяжелым вздохом провел рукой по бороде. — Я ни за что в здравом уме не приближусь к этому дому. — Раздавшийся громкий стук и последовавший за ним оклик заставили нас посмотреть на дверь. Его подопечный вернулся — честно говоря, я уже и забыла о нем. Только сейчас до меня дошло, что с его ухода

прошло несколько часов. Надеюсь, он принес десять кусков соли, иначе ему несдобровать.

Я практически услышала, как Джембер со вздохом закатил глаза, и снова взглянула на него. Он закинул в рот три таблетки, запил их водой, после чего указал на свой ботинок.

— Идем, пока я не передумал.

Глава 28

Одолжить архиепископскую лошадь, которая содержалась в частной конюшне на окраине хорошего района, не составило труда. А все потому, что Джембер уже бывал там раньше, и конюх спокойно впустил его внутрь. Я сидела у Джембера за спиной, подавшись вперед. И поскольку дороги мне не было видно, оставалось лишь довериться ему в выборе пути. Маски, которые мы сделали из сварочных касок, защищали от летящих в лицо соли и песка. Я уже пожалела, что заранее надела свитер: каждый участок моего тела был покрыт потом, вдобавок в лицо дул горячий ветер.

Однако мысль о скорой встрече с Магнусом отвлекала от всех неудобств.

Джембер ловко остановил лошадь у входа; я спустилась со спины огромного животного, придерживая рукой тяжелый амулет, чтобы тот не бил по груди.

— Спасибо, Джембер, — поблагодарила я, снимая маску и протягивая ему.

Он взял ее, но свою снимать не стал, поэтому его голос прозвучал приглушенно:

— Полагаю, уже слишком поздно просить тебя не делать глупостей.

Лошадь выглядела встревоженной: она перебирала ногами и мотала головой, словно отговаривая меня войти внутрь. Я чуть отступила назад, подальше от ее копыт. И как Джембер умудрялся управлять ею без поводьев?

Ну вот и всё. У меня оставалась всего минута, может меньше, чтобы убедить его не уезжать и помочь мне. Я сомневалась, что без него мой план сработает. Закусила губу. *Знала, что не сработает.*

— Почему бы тебе не войти внутрь и не помочь мне? Сглаз не сможет победить, если мы будем работать вместе.

Джембер помолчал. Затем покачал головой:

— Я так не считаю.

— Тогда просто зайди на минуту. Лошади нужна вода и отдых после длинной дороги.

Он показал мне бурдюк с водой. А потом, прищурившись, произнес:

— Чего ты хочешь от меня, девчонка?

Если он что-то заподозрит, мне его не уговорить.

— Ничего.

«Отличный ответ, Анди. Ничуть не подозрительный».

Джембер вздохнул:

— Жарко, Анди. Прощай.

Я выскочила перед лошадьёю и обхватила ее за шею.

— Прошу тебя, зайди. Всего лишь на минутку.

Он наклонился ко мне и отпихнул мои руки.

— Перестань вести себя как ребенок, иначе я выбью из тебя эту дурь.

— Значит, на такой ноте мы расстанемся? — выпалила я. — После четырнадцати лет, проведенных вдвоем? Скажи мне хоть что-то еще, кроме угроз и «прощай».

Тяжело вздохнув, Джембер похлопал лошадь по шее.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Не знаю... — Я поправила сумку на плече, пытаюсь справиться с гневом и странным тяжким чувством потери. Мой план заключался в том, чтобы вынудить его остаться, но сейчас происходило... нечто совсем иное. Нечто настолько подлинное, что меня это пугало. — Для разнообразия что-нибудь не связанное с принципами выживания.

— Ладно. Я буду скучать. Ты это хотела услышать?

Я всплеснула руками, едва сдерживая крик отчаяния... за которым скрывалось то, что причиняло намного более сильную боль.

— Ты и впрямь бессердечный. Тебе вообще все равно, выживу я или погибну? — Моя кровь бурлила, я сжала кулаки, пытаюсь вернуть самообладание. — Я для тебя совсем никто?

Он цокнул языком и отвел взгляд — этого небольшого жеста хватило, чтобы у меня скрутило живот.

— Тебя слишком заботит, что о тебе думают люди...

— Меня заботит, что обо мне думаешь *ты*, — рявкнула я. — Ты. Потому что ты мой... — Я подавилась внезапно вырвавшимся всхлипом. — Ты единственный, кого я могла бы назвать отцом.

Он ничего не ответил, но при этом не сдвинулся с места. Как бы мне хотелось, чтобы на нем не было маски. Хотелось увидеть на его лице хоть какую-то эмоцию. Любую.

Я отвернулась к двери, чтобы он не заметил обуревающих меня чувств. Он не собирался говорить мне, что я ему дорога. Что он... любит меня. Потому что, скорее всего, это не так. Он ведь не ответил на письмо Сабы. Возможно, ему больше не знакомы эти чувства.

И возможно... моим новым принципом выживания должно стать безразличие.

Вдруг послышался скрип и скрежет дерева по камню. Меня охватила паника, и на краткий миг я потянулась за ножом. Однако мои мышцы тотчас расслабились, когда в дверях я увидела Сабу. Ее глаза покраснели, на щеках виднелись высохшие дорожки слез, и на ней была все та же заляпанная кровью одежда. Я хотела заговорить, но в горле встал болезненный комок.

— Что случилось? — наконец выдавила я, когда Саба ступила на песок.

Проходя мимо, она почти с нежностью коснулась моей щеки. Я обернулась и увидела, как Джембер замер на лошади. Тотчас же мне захотелось его защитить — верность делает из людей глупцов. Я выскочила вперед Сабы и выставила перед собой руки, не давая ей приблизиться к нему.

— Саба, не прикасайся к его коже...

Будь это кто-то другой, Джембер вынул бы нож. Нанес бы удар. Или же уехал прежде, чем она успела коснуться его. Непременно сделал бы *что-нибудь*. Тем не менее Саба одной рукой обняла лошадь за шею, удерживая ее на месте, а другой схватила Джембера за ногу.

— Отпусти, — предупреждающе сказал Джембер, чьи слова, заглушаемые маской, звучали еще более угрожающе. Обе его руки были свободны: он мог потянуться за ножом, но не стал этого делать. Даже не попытался отстраниться.

И наверное, кто-то другой на месте Сабы обязательно убрал бы руку. Мгновение она глядела широко распахнутыми глазами, полными слез, на металлический протез под своей ладонью. Затем зажмурилась и покачала головой. А когда вновь посмотрела на Джембера, ее

взгляд был твердым, пристальным и при этом полным мольбы.

Честно говоря, я не знала, на чьей стороне мне следует быть, поэтому просто отошла на несколько шагов.

Джембер попытался вырвать ногу из поразительно крепкой хватки Сабы, но, потерпев неудачу, сдался.

— Саба, отпусти.

Я колебалась между тем, чтобы подойти ближе и отступить еще на шаг. В его голосе звучали знакомые мне резкие нотки. Практически на грани паники. Когда кто-то пытался его удержать, в нем, как и во мне, пробуждались инстинкты самосохранения.

Саба схватилась за сердце и указала в сторону замка — при этом лицо ее выражало одну только боль.

Я ахнула.

— Джембер, она просит тебя о помощи, — объяснила я.

— Мне плевать, — ответил он, выдернув ногу из рук Сабы. — И не смотри на меня так. Ты сама ушла, так что не делай вид, будто я тебе что-то должен.

Саба слегка приоткрыла рот, сдвинув брови. А потом толкнула Джембера вместе с лошадью. Послышалось ржание, за ним последовал крик боли, сопровождаемый чередой проклятий. Я издала смешок и только потом, да простит меня бог, поняла, что лошадь приземлилась прямо на его искалеченную ногу.

Стараясь увернуться от лежащей лошади, которая неуклюже поднялась и отбежала немного в сторону, подальше от нас, я подскочила к Джемберу. Вот тебе и новый принцип выживания.

Саба уже шагала к дому, но вдруг резко остановилась. Потом бросилась обратно к нам и, опустившись рядом с Джембером, потянулась к его ноге.

— Не трогай, — прохрипел он, тяжело дыша.

Ладонь Сабы, дрожа, зависла над его ногой. Она глядела на него с таким горестным пониманием, что мне хотелось плакать. А потом протянула руку к его маске, осторожно сняла ее и бросила на песок рядом с ним. На мгновение Джембер прищурился — то ли от боли, то ли от слепящего солнца, трудно сказать. Кончики ее пальцев робко коснулись его груди, ладонь медленно раскрылась, пока вся не легла поверх сердца; это прикосновение, даже через рубашку, заставило Джембера вздрогнуть. Но тут я — наконец-то — увидела в его глазах слабый след, проблеск того взгляда, каким Магнус временами смотрел на меня. Полный надежды, радости, обожания, желания любить и быть любимым, но омраченный знакомой яростью, которую Джембер не желал отпускать.

— Я не хочу снова через это проходить, — произнес он, ежась при каждом вздохе. — Пожалуйста, не проси меня об этом.

Она кивнула, на глаза ее навернулись слезы. Затем же безо всяких промедлений она схватила меня за руку и потащила внутрь дома.

— Сомневаюсь, что он сможет встать сам, — возразила я, когда она повела меня вверх по лестнице. Если оставить его одного, он уйдет, и тогда мой план рухнет — или, во всяком случае, будет на время отложен. С другой стороны, ему все равно требовалось несколько минут, чтобы перевести дух, а это давало мне время придумать, как убедить его остаться.

Обычно к этому часу Магнус уже был на ногах и совершенно не помнил о событиях прошлой ночи. Но только мы поднялись по лестнице, как я поняла: что-то не так. Саба повела меня в конец коридора. К тому самому чулану, где находилась взаперти гиена. Я не стала ни о чем

спрашивать. Ведь ответа все равно не перенесла бы. И без того было ясно, что Магнус все еще там. Что он никуда не уходил.

Как только я коснулась ручки, из-за двери донесся слабый голос Магнуса:

— Саба, уходи.

Она тут же отступила назад, по ее щекам вновь полились слезы. Я свирепо уставилась на дверь. И пообещала себе, что это последний раз, когда Сглаз командует ею.

— Саба, не могла бы ты на секунду отвернуться?

Она с сомнением посмотрела на меня, но все же последовала просьбе.

Я сняла с себя амулет и осторожно положила его на пол, подальше от дверного проема. Это будет единственный раз, когда мне придется встретиться взглядом с Магнусом. Пусть он будет сопротивляться, не важно — проснувшись позже, он даже не вспомнит об этом, и все пойдет по плану.

Собрав волю в кулак, я широко распахнула дверь. Дом впитал в себя всю кровь, не оставив и следа бойни... за исключением нескольких кусков на участке стены и пола в углу. Это были части человеческого бедра, плеча и запястья.

— Магнус? — Я вошла в чулан и опустила перед ним на колени. Он дрожал, слегка постукивая зубами. Слава богу, на нем больше не было крови — дом забрал и ее тоже, и от кошмарной картины прошлой ночи осталось лишь невероятно печальное зрелище. — Это Андромеда. Я здесь, чтобы помочь тебе.

— Я звал тебя, — проговорил он. — Но ты ушла.

— З-знаю. — Я не понимала, что добавить, как оправдаться, поэтому произнесла лишь: — Больше я так не поступаю.

— Почему ты не убила меня, когда я тебя просил?

— Не говори глупостей. — Сглотнув, я наклонилась к нему и коснулась его лица. — Магнус, пожалуйста, посмотри на меня.

Его взгляд метнулся к моим глазам. Он осознавал, что сделал. Пристыженный и напуганный, но все еще полный надежды, несмотря ни на что.

Я откинула влажные от пота волосы с его лба, поцеловала милое испуганное лицо.

— Ты позволишь Сабе отнести тебя? Я помогу уложить тебя в постель.

Магнус не стал возражать, поэтому я сходила за своим амулетом, снова надела его и спрятала под кофтой, как будто все это время он находился там. Но когда вернулась, стало ясно: Саба наблюдала за мной и теперь поджимала губы, словно пытаюсь сдержать слезы. Я быстро покачала головой, она кивнула в ответ. А через мгновение подбежала ко мне и притянула в свои объятия. От удара о твердое тело у меня перехватило дыхание. Она прижалась ко мне головой, и я наконец обняла ее в ответ, обхватив руками за талию.

Вдруг она резко отстранилась, потом заключила мое лицо в холодные ладони и прижалась губами к моему лбу. Повинуясь импульсу, я расплылась в улыбке. Сейчас было не время для радости, но я ничего не могла с собой поделать. Саба была моим другом, а еще, наверное... наверное, подобное чувство испытываешь, когда у тебя есть мама.

Отпустив меня, Саба вошла в чулан, набросила покрывало на плечи Магнуса, а потом без труда подняла его с пола. Я направилась в его комнату, но внезапно остановилась в дверях. В его постели спала Келела. Полностью укрытая одеялом, лишь забинтованная рука ее покоилась на подушке. Девушка тихонько посапывала во сне. Да простит меня Бог, но во всем этом хаосе я совсем позабыла

о ней после того, как она упала с лестницы. Зато сейчас, будучи в здравом уме, испытала облегчение. Она поправится. С ней все будет в порядке.

А вот кто меня по-настоящему беспокоил, так это Магнус.

— Давай не будем ее будить, — шепотом обратилась я к Сабе. — К тому же в моей комнате теплее.

Саба согрела воды, и мы вместе искупали Магнуса в теплой ванне. Затем она, уложив его в постель, вернулась в чулан, чтобы... сделать все необходимое. Возможно, передвинуть мебель или перестелить ковры, чтобы скрыть убийство. От этой мысли на языке появился неприятный привкус, поэтому я полностью сосредоточилась на одевании Магнуса. Временами он мне помогал: поднимал в нужный момент ногу или руку, но в основном опускал голову на мое плечо... Единственным звуком был его тихий плач.

«Скажи что-нибудь, Анди. Что угодно». Лишь бы как-то утешить его, дать ему знать, что все будет хорошо. Вместо этого я позволила ему плакать на своем плече и дарила любовь тем единственным способом, который давался мне лучше всего, — заботой о людях, испытывающих боль. Я развила в себе этот особый тип любви, потому что только так имела возможность любить Джембера. А мне для собственного выживания было необходимо кого-то любить.

Только когда я уложила Магнуса в свою постель, мне пришло на ум, что все это время меня ничуть не беспокоила его нагота. Я даже не помнила, как он при этом выглядел. Наверное, это благодаря привычке всю жизнь ухаживать за Джембером. Когда люди нуждаются в тебе, для стыда не остается места.

Кстати говоря, о Джембере... Боже мой, нет. Мытье Магнуса заняло больше времени, чем я ожидала. Я очень надеялась, что Джембер сумел благополучно подняться. Но больше всего — что он не уехал. Я не слышала топота копыт, хотя его мог заглушить звук льющейся воды.

Я бросилась вниз по лестнице, но внезапно остановилась посередине.

Джембер сидел на пороге, привалившись к дверному косяку: наполовину на уличной жаре, наполовину в ледяном холоде замка. Он снял протез, и теперь тот лежал на полу рядом с ним. Сделав глубокий вдох, я как можно небрежнее прошла оставшиеся ступени.

— Ты все еще здесь? — спросила я, приблизившись к нему. Тон моего голоса не выдал моей радости. — Ты же ясно дал понять, что не хочешь иметь ничего общего с этим местом.

— На меня упала лошадь. — Он кивнул на колено: мягкую, покрытую синяками и болезненную на вид кожу обдавал морозный воздух. — Прежде чем пристегивать протез, нужно притупить боль.

Я взглянула на свои пальцы — те, что порезала во время стычки с Сабой. Что бы она ни положила под повязку в тот день, боли я не чувствовала, а шрамы уже побелели. Разумеется, они никуда не денутся... Но, думаю, я к этому привыкла.

— Здесь есть лекарства.

— Только не для моей ноги, — возразил он, прислонившись затылком к деревянной доске.

— Все лучше, чем ничего. Я спрошу Сабу...

— Нет.

— Она всего лишь переживала за Магнуса. В этот раз не будет такого враждебного приема.

— Я не хочу снова с ней встречаться.

— Почему? Чего ты боишься?

— Не лезь не в свое дело, девчонка, — сверкнул он глазами. — Я уйду через несколько минут...

— Ты уже здесь. Просто поговори с ней. — Джембер поднял с земли протез, и я шагнула назад, чтобы он не смог меня им ударить. — Скажи ей то, чего не сумел сказать в письме.

Не обращая на меня внимания, он с содроганием приставил протез к ноге.

Мой желудок сжался от гнева... или от голода. Я не ела со вчерашнего вечера, а жизнь в этом доме успела приучить меня к регулярным трапезам.

— Ты ведь знаешь: она любит тебя. — Я наступила ногой на деревянную конечность и немного перенесла на нее вес тела. — Одному Богу известно почему.

— Сломаешь протез — убью.

— Значит, не хочешь признавать, — сказала я, раздраженно всплеснув руками. — Ты слишком бессердечен, чтобы заботиться о ком-то, кроме себя самого, не так ли? Многие люди воспитывают своих детей, потому что любят их. Я даже не твоя, так какая тебе с этого была выгода?

Джембер потянул за протез, чтобы я потеряла равновесие, и мне пришлось отступить назад. Он схватился за стену, чтобы встать.

— Возможно, ты умел любить, — продолжила я с горечью, — до того, как Сглаз забрал у тебя душу. Возможно, ты любил Сабу. Но любви больше нет, потому что теперь ты не знаешь, как любить. От тебя осталась лишь оболочка из горечи и гнева.

Джембер скривился от боли и, наградив меня хмурым взглядом, оттолкнулся от стены.

— Андромеда...

— Но кто должен злиться, так это я! — С этими словами я выхватила нож и приставила острие к его животу, прежде чем он мог приблизиться еще на шаг. Джембер замер на месте. — Ты, жалкий старик, взял к себе пятилетнюю девчонку, чтобы погубить ее вместе с собой.

Повисло тягостное молчание. Затем он пошевелился. Мне даже не нужно было двигаться с места. От кончика ножа на его рубашке начало расползаться маленькое красное пятнышко.

— Ты была несчастна в детстве? — наконец спросил он.

Ответить коротко?.. Нет. И этот ответ меня не удивлял. У нас бывали хорошие времена. А когда было плохо, я просто делала все, что могла.

Однако с моих губ слетели другие слова:

— Ты был жесток ко мне.

— Я жесток не по натуре... Если от этого тебе станет легче.

— Не станет.

Последовавшая тишина напоминала кончик иглы, медленно вонзавшийся мне под кожу.

— Ты была милой маленькой девочкой. Все время хотела объятий и поцелуев, даже когда мы были еще чужими друг другу. Знаешь, каких мучений мне стоило избавить тебя от этой привычки?

У меня задрожала рука. Пятно крови становилось шире, растекаясь вниз и по сторонам, словно жуткое увеличительное стекло.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Ну, во-первых, обниматься с незнакомцами — неправильный принцип выживания.

В его словах был смысл, но я не собиралась этого признать. Только не сейчас, когда мне нужно было его признание в неправоте.

— Если это единственное объяснение, то оно недостаточно убедительное.

— Ты знаешь причину, Анди.

— Я хочу услышать ее от тебя.

Джембер сцепил пальцы за головой и, сделав глубокий вдох, на мгновение уставился в потолок. Потом выругался и вновь посмотрел на меня.

— Потому что это больно, вот почему. Каждый легкий поцелуй и касание носа были сродни новой ране под кожей. Любить так, как ты, *больно*, Анди. Именно поэтому я избавил тебя от этой привычки, а вместе с ней от других, которые сделали бы тебя слабой в нашем обществе. Чтобы ты могла выжить во внешнем мире... А я — рядом с тобой.

Я покосилась на нож в своей дрожащей руке, слезы застилали мне глаза.

— Тогда почему ты просто не отдал меня тому, кто мог бы подарить мне любовь?

— Никому не нужен лишний рот. Да и я неоднократно пытался сдать тебя в приют. Но ты всякий раз сбегала и возвращалась ко мне.

— Ничего этого не помню. — Я рассмеялась, несмотря на подступающие слезы. — Какой же глупой я была.

— Нет, ты просто хотела выжить. Знакомый черт лучше незнакомого. — Он опустил взгляд на нож, а потом снова перевел на меня. — Кстати, хотел сообщить, что я решил помочь тебе избавиться от гиены.

Моя рука с ножом беспомощно упала.

— Хочешь сказать, что остаешься?

— Думаешь, после того, как воспитывал тебя четырнадцать лет, я позволю тебе умереть?

— Я думаю, сначала ты позволишь мне приблизиться к смерти и только потом спасешь меня. — Это была шутка, но никто из нас не смеялся. Наверное, из-за того, что мы оба знали, что это правда. Такое было в порядке вещей. — И ты прав. Знакомый черт лучше. — Я убрала нож и усмехнулась, но лишь потому, что почувствовала себя увереннее. — Идем, сатана, поставим твою лошадь в конюшню.

— Верно подметила, потому что следующие несколько дней я проведу в аду, — ответил Джембер, при этом уголок его рта слегка дернулся вверх. — Архиепископ с ума сойдет.

Тут мое внимание привлек скрип лестницы; я обернулась и увидела Сабу, прижимающую к себе сложенное шерстяное одеяло. Даже воздух вокруг Джембера замер, когда она приблизилась к нам.

Джембер сложил руки на груди. Он явно не обрадовался Сабе. Как можно было не радоваться встрече с ней? Даже я испытывала это, хотя мы знакомы совсем недавно.

— Саба, — поприветствовал он.

Она с робкой улыбкой кивнула в ответ.

Он тут же устремил взгляд в пол. Откашлялся.

— Вряд ли нам есть что сказать друг другу. Я здесь только для того, чтобы помочь Анди.

Саба закусил губу, а потом развернула одеяло и набросила ему на плечи.

— Мне оно не нужно, — грозно возразил он. Я уже собралась отчитать его за упрямство, но Саба опередила меня. Она плотно запахнула на нем одеяло и сжала его в кулак на груди, словно угрожая. Только тогда Джембер взглянул на нее — на мгновение они встретились глазами.

Между ними возникло ощущение... близости. Это был всего лишь взгляд. Ничего больше. Но я чувствовала себя так, будто вторглась в спальню во время первой брачной ночи молодоженов.

— Ты совершенно не изменилась, — пробормотал он. Его рука в перчатке поднялась и задержалась у ее подбородка. — Господи... Почему я позволил этому случиться с тобой?

Саба скользнула руками вверх по одеялу, к его шее, и мне захотелось мысленно крикнуть ей: «Стой!» Потому что Джембер, как я и ожидала, резко отпрянул от ее прикосновения.

В ту же секунду возникшая связь и это чувство близости исчезли.

Казалось, Саба вот-вот заплачет, но, чтобы он этого не видел, она пронеслась мимо него и бросилась к двери.

— Ты хочешь переставить лошадь? — спросил он, кинувшись за ней. — Я сам могу это сделать.

Она развернулась на песке и, щелкнув пальцами, указала на него.

— По-моему, показывать пальцем неприлично...

В ответ она, закатив глаза, с легкостью перенесла его за порог одной рукой и захлопнула за собой дверь.

Не в силах сдержаться, я разразилась смехом.

— Никогда не видела, чтобы кто-то мог так лихо расправиться с тобой.

— Заткнись, Анди, — рявкнул Джембер, швырнув в меня одеяло, потому что ничего другого просто не было под рукой.

Я поймала его, свернула в рулон и снова бросила ему.

— Я чувствую между вами связь. Ты точно не хочешь еще раз попытать удачу?

На мгновение Джембер замолчал, снова кутаясь в одеяло.

— Где я могу это снять? — спросил он, глядя на свою ногу.

— Хм... — Мне пришлось подавить вздох разочарования, чтобы собраться с мыслями. — Дальше по коридору, первая большая комната. Это игровая, там есть диваны.

Он кивнул и зашагал в указанном направлении.

Я же вздохнула и вернулась наверх провести Магнуса. Тот мирно спал. Я завидовала ему. Пусть это и грех, но все же.

Лежа поверх одеяла, я принялась наблюдать за тем, как он спит. Когда он проснется, то ничего не вспомнит. Ни криков, ни вкуса крови. Ни страха, ни хаоса. Он будет все тем же странно очаровательным Магнусом, а я... меня будут терзать призраки. Я позволила разорвать человека на куски. Возможно, я никак не могла этому помешать, но все равно воспринимала произошедшее глубже шрама на своем лице. И это *Магнус* считал себя чудовищем? Он, во всяком случае, не осознавал, что делает. И это не он причинял боль.

А вот я, напротив...

Я позволила себе поплакать тридцать секунд, а потом закрыла глаза и спрятала воспоминания о вчерашних ужасах глубоко в сознании — там, где жили остальные мои травмы... На этой глубине обитали лишь кошмары. Другого места для них не нашлось.

Поскольку мне хотелось жить дальше.

Я услышала шуршание простыней и открыла глаза: Магнус потягивался, точно кот на солнышке.

— Доброе утро, — пропел он.

— Уже день.

— А что я делаю в твоей постели? — спросил он, обводя комнату взглядом. Затем покраснел и разинул рот. — Неужели мы...

Я возвела глаза к потолку, однако покраснела не меньше его.

— Нет.

— Хорошо. Потому что, если мы когда-нибудь это сделаем, я хочу помнить об этом.

Я выгнула брови.

— В каком смысле «если мы когда-нибудь это сделаем»? Нет, не отвечай, сейчас нет времени. Мы еще не освободили тебя от Сглаза.

— Ох. — Он нахмурился. На его лице пролегли глубокие складки, словно усталые мышцы больше ни на что не были способны. — Ничего, все в порядке. Уверен, ты сделала все возможное... — Он резко сел, кровь отхлынула от его лица. — Келела!

— С ней все хорошо, — заверила я. — Спит в твоей постели. — Я коротко сжала его плечи. Сабе всегда удавалось успокоить меня этим жестом, так что я решила, что на него он тоже подействует. Наверное, так и произошло, потому что Магнус с легкой улыбкой вновь откинулся на подушку.

— Слава богу. Возможно, мы вчетвером сможем позавтракать.

— На самом деле сейчас нас пятеро. Джембер любезно согласился мне помочь.

«Любезно? Разумеется, Анди».

Видимо, мои мысли выдали меня: улыбка Магнуса слегка померкла.

— Джембер? Здесь?

— Двое дебтер лучше одной.

— Но он же ужасно с тобой обращался.

Я помолчала. Мне не нужно было ему об этом рассказывать.

— Все хорошо.

— Хорошо? — Магнус скинул с себя одеяло. Я шикнула на него. — Он же бил тебя. В этом нет ничего хорошего.

— Наказывал, — поправила я со вздохом. — И только в детстве.

Как хорошо, что я не рассказала ему о том, как Джембер душил меня. Его бы удар хватил.

— Он выгнал тебя, — продолжил он, всплеснув руками. — И разбил Сабе сердце.

— Вообще-то все было совсем наоборот.

— Андромеда, я люблю тебя, но ты правда считаешь, что я в это поверю? — Он встал и провел пальцами по распущенным кудрям, еще сильнее растрепав волосы, которые после сна были в беспорядке. — Он был первым дебтерой, к кому мы обратились три года назад, и он отклонил нашу просьбу в отместку ей.

— Это глупо. Неразумно. Перестань накручивать себя.

— Тогда я спрошу у него.

— Чем только его разозлишь, а я и так с огромным трудом добилась от него согласия.

— В таком случае разрешаю ему уйти. — Магнус распахнул дверь. — Но сначала выскажу ему все, что о нем думаю. По такому поводу даже надену что-нибудь особенное. — С этими словами он вылетел из комнаты и помчался по коридору.

Я прижала ладонь к переносице и несколько раз глубоко вздохнула. Неужели я единственная в этом доме, кто стремится вести себя прилично?

Глава 29

Когда я заглянула в игровую комнату, Джембер сидел в кресле лицом к двери: его нога покоилась на кофейном столике, а протез лежал под ним на холодном ковре.

Джембер оторвал взгляд от амулета, которым занимался.

— Хозяин проснулся?

— Одевается. — Я прислонилась плечом к дверному косяку. — Это Саба дала тебе кусок серебра?

— Даже огонь камина неспособен растопить здешний холод, — проворчал он, плотнее кутаясь в одеяло. — Придется смастерить обогреватель, чтобы я мог здесь спать.

— В доме полно других комнат.

— Но не рядом с выходом.

— Джембер, мы больше не на улице. — Некоторое время мы молчали. Наверное, я не имела права так говорить. В свое первое появление здесь я тоже относилась ко всему с подозрением. — Вы поговорили с Сабой, когда она давала тебе серебро?

— Она не может говорить.

Я выгнула брови в ожидании продолжения.

— Ты хотя бы извинился?

— За что?

Я фыркнула:

— Подумать только, я ведь действительно хотела, чтобы вы были вместе. Но ты не заслуживаешь ее. Ты никого не заслуживаешь.

— Я знаю, — догнал меня голос Джембера, стоило мне выйти в коридор.

Я остановилась, а затем, схватившись за дверной проем, вновь заглянула в комнату.

— Самобичевание тебе не к лицу.

Джембер опустил ногу на пол и подался вперед.

— Что еще я должен сказать, чтобы ты перестала сводить нас? — проговорил он, бросив амулет на стол. — Она мертва, Анди. А моя кожа не выносит прикосновений. Так чем, по-твоему, мы будем заниматься вместе, а? Смотреть друг на друга влюбленными глазами, пока Сглаз не будет побежден, а она не исчезнет навсегда? Предаваться чувствам, у которых все равно нет будущего? — Он вновь взялся за амулет. — Как бы не так.

— Значит, ты признаешь. Ты любишь ее.

— Ничего я не признаю.

Я со вздохом присела на край бильярдного стола.

— Я понимаю, что это моя первая гиена, и я не знаю, что делать. Но Магнус по-прежнему мой клиент. Я не возражаю, если в некоторых вопросах ты примешь бразды правления на себя. Но ожидаю, что ты будешь с ним любезен.

— На сегодня мне достаточно страданий, чтобы еще и выполнять требования ребенка.

— Я не ребенок.

— Каждый раз, когда ты так говоришь, становишься похожа на ребенка еще больше.

Я сердито посмотрела на него.

— Тебе придется быть с ним любезным. Это *его* дом. И он думает, что ты отказался от работы прежде всего из мести Сабе.

Джембер прервал работу.

— Если бы она рассказала ему всю правду, он бы не сердился так. Она не столь совершенна, как кажется.

— Она его мать, и он, разумеется, примет ее сторону. К тому же ты сам мог бы вести себя не как злодей.

Закатив глаза, он вновь принялся за работу, но уже с некоторой рассеянностью.

— Я буду любезен до тех пор, пока он не испытывает мое терпение.

— Какое терпение? — прорычала я и запустила несколько бильярдных шаров по мягкой поверхности стола.

«А чего ты ожидала, Анди? Хорошо еще, что он здесь».

Я склонила голову в попытке скрыть волнение, когда в комнату под руку с Келелой вошел Магнус. Она наверняка сильно устала после вчерашнего, не говоря уже о полученной травме. Уверена, он просто помогал ей. Тем не менее... они так хорошо смотрелись вместе. Так *правильно*. Оба одного социального статуса, да и она безумно красива. Келела вновь демонстрировала мастерство заполнять собой всю комнату.

Я ведь не ревную, да? Для ревности не было повода, особенно после того, как Магнус признался мне в любви. Однако часть меня все равно не могла успокоиться. Я никогда не буду выглядеть так безупречно рядом с ним. Нам никогда не стать идеальной парой.

Коричневый пиджак Магнуса походил на фрак — так ведь он назывался? С короткими полами спереди и двумя длинными фалдами сзади, только ткань была более

фактурной. Его белая рубашка с воротником-стойкой доходила ему почти до колен. Мне нравилось, как он смешивал две культуры в убранстве своего дома и в своей одежде.

Как только они вошли в комнату, Келела разинула рот, ее глаза засверкали в свете камина.

— Боже мой, это же Джембер! Какая честь.

Джембер прервал работу и, слегка прищурившись, посмотрел на нее.

— Мы знакомы?

Она продолжала глядеть на него с благоговением.

— Меня зовут Келела. Я посещаю вашу церковь. Мне очень нравятся ваши песнопения. Вы не могли бы нам что-нибудь спеть?

— Вы серьезно? — пробурчала я, вскинув брови в ответ на ее реакцию. Победа над гиеной делала из Джембера живую легенду, но уж точно не делала достойным восхищения.

Джембер, как я и ожидала, остался равнодушен к ее похвалам.

— Что ты *здесь* делаешь?

— О-о. — Келела пригладила волосы. — Я вызвалась посмотреть Магнусу в глаза.

Он цокнул языком и снова переключил внимание на амулет.

— Да что с вами, девки, такое: рискуете жизнями ради этого неуклюжего болвана?

— Ну все, с меня довольно, — проговорил Магнус. Он помог Келеле сесть на диван напротив Джембера, после чего смерил того сердитым взглядом. — Ради такого случая я как раз надел вельветовый пиджак.

О нет.

— Магнус... — начала я.

— Я обращался к вам три года назад, Джембер, но вы не пожелаали иметь с этим домом ничего общего. Так что изменилось теперь?

— Что изменилось? — переспросил Джембер так, словно Магнус должен был это знать, и продолжил работу над амулетом, не удостоив его ответом.

— Вы трус и злодей.

— Давайте не будем обзывать, — вмешалась я, встав между ними.

— Раз уж ты все проспал, — произнес Джембер, не поднимая головы, — возможно, мы наконец сможем поговорить о том, что будет дальше. Итак, где твоя опекуниша, мальчишка?

Магнус сморщил нос, точно огрызающийся щенок.

— Я не мальчишка, старик.

— Почему люди вашего возраста считают, что в тридцать восемь лет я старик?

— Я не считаю, — откликнулась Келела, хлопая ресницами.

— Так, давайте немного остынем, — предложила я, выставив руки в стороны. — Магнус, Джембер здесь, чтобы помочь мне избавить тебя от проклятия. А ты, Джембер, *пожалуйста*, не зли Магнуса, ему и без того тяжело.

— Тяжело? — фыркнул Джембер. — Вообще-то это мы тут делаем всю работу.

Я тотчас зажала ладонью рот Магнуса, заглушая рвущееся наружу язвительное замечание.

— Нам нужно работать быстро, не так ли? Каким будет наш первый шаг?

— Зависит от обстоятельств. Этой ночью были жертвы?

— Нет, — ответила я. Наверное, было глупо врать Джемберу в таком важном деле, но я просто не могла сообщить ему об этом при Магнусе и потом вызвать кучу

вопросов. Тем более я уже сделала себя мишенью, поэтому эти подробности сейчас были ни к чему.

— Пока дом истекает кровью, оно не вернется, а значит, у нас есть время в лучшем случае до завтрашнего вечера. Это немного, поэтому в первую очередь нам необходимо собрать все, что можно использовать в качестве оружия. Лучше всего подойдет что-нибудь длинное, с острым концом.

— Нет, сначала нам нужно поесть, — сказал Магнус, потягиваясь. — Я умираю с голоду.

Джембер удивленно вскинул брови:

— Мне кажется, ты немного драматизируешь, мальчишка. Когда ты ел в последний раз, вчера?

— Думаю, поесть — не такая уж плохая идея, Джембер, — вмешалась я, пока хмурый взгляд Магнуса не перерос в словесную угрозу. — Дневного света еще достаточно, мы спокойно сможем поработать потом. К тому же мы ведь не хотим, чтобы еда Сабы остыла.

Я обернула руку Келелы вокруг локтя Магнуса, дабы как-то отвлечь его, и направила их к двери.

— По-моему, ты обещал вести себя любезно, — громко зашипела я на Джембера.

— С одной оговоркой, — ответил тот. Теперь, когда амулет был закончен, он снял с себя одеяло. Оно выглядело таким уютным, что моя кожа под шерстяным свитером начала чесаться.

Шумно фыркнув, я последовала за Магнусом и Келелой в столовую.

— Мне хочется задать столько вопросов, — произнесла Келела, — но у меня ужасно болит голова.

— Как ваша рука? — поинтересовалась я.

— Полностью онемела. — Магнус помог Келеле опуститься на стул и пододвинул его к столу, когда она вдруг

спросила: — А где Пегги? Ты оставила ее запертой в чулане?

Услышав вопрос, я попыталась сглотнуть, но подавилась слюной. Боже мой. Пегги. Меньше всего мне хотелось объяснять истинную причину ее отсутствия. Я торопливо села напротив Келелы.

Магнус сначала разинул рот, а потом, пребывая в блаженном неведении, рассмеялся.

— Ты заперла Пегги в чулане?

— Магнус... Пегги, она... — Я не могла этого сказать. Женщина вырастила его. И какой бы отвратительной она ни была — прости меня, Господи, за жестокие слова о мертвых, — известие о ее гибели разобьет Магнусу сердце.

Келела не знала о случившемся. Магнус не помнил. Саба не могла говорить.

По этой причине, не успела я задуматься и подобрать нечто похожее на ложь, с моих губ сорвалось:

— Она уехала.

Тем не менее веселье на лице Магнуса угасло.

— Уехала?

— Сказала, что больше не может этого выносить, — продолжила я, сосредоточенно моя руки в чаше с водой, лишь бы не смотреть на него. — Уехала вчера вечером. Куда именно, не сообщила.

— А когда вернется?

— Никогда, — довольно резко ответила Келела. Вид у нее был такой, будто она готова собственноручно убить призрак женщины. — Мне кажется, она просто не захотела становиться следующим добровольцем. Какая трусость.

— Не говорите так, — быстро возразила я. — Любой бы на ее месте поступил подобным образом. Просто вы смелее большинства людей.

— Ну разумеется. — Келела уставилась на меня, слегка разинув рот, но я заметила довольный румянец на ее щеках. — Спасибо.

— Значит, она не вернется? — вмешался Магнус.

— Нет, Магнус. — Я коснулась его руки, и он переплел наши пальцы — мое сердце бешено забилося. — Она не вернется.

Некоторое время он молчал, его тело обмякло на стуле. Затем он встал и вышел из комнаты, безрадостный звон колокольчиков удалялся по коридору.

— Думаю, мне придется сообщить брату, что я не поеду в Париж, потому что путешествовать в таком состоянии невозможно, — проворчала Келела, хватая еду здоровой рукой, даже не потрудившись вымыть ее. Ей не стоило есть левой рукой, но другого варианта у нее не было — в любом случае этот дом никогда не славился соблюдением правил этикета. — Господи, он меня убьет.

Я оторвала от ынджеры несколько небольших кусочков, чтобы Келеле не пришлось с ней мучиться.

— Вас подвезти до города?

— Для дороги по ухабам у меня слишком все болит. Да и завтра он все равно будет здесь. Так что я подожду.

— Разве он не разозлится, что вы подвергли себя такой опасности? Еще и слишком долго ничего не рассказывали ему?

— Он простит меня. Как и всегда.

Мне почему-то не верилось, что все будет именно так, как она говорит. Глядя на ее руку с наложенной шиной и в повязке, я начинала понимать, почему Джембер не позволял мне в этом участвовать. Моя смелость и решительность не имели значения, если мне не хватало мастерства.

Но с помощью Джембера у меня все получится.

Обязано получить.

Кстати...

— Я кое-что забыла, — сказала я и, запихнув в рот еще один кусочек пряной еды, помчалась к Джемберу. Ему ни за что не пристегнуть протез в том состоянии, в котором он находился.

Я остановилась перед дверью в игровую комнату, когда до меня донесся шепот, и заглянула внутрь: на небольшом расстоянии от кресла Джембера стояла Саба. Он сидел, скрестив руки на груди, Саба держала маленькую металлическую коробочку... При этом они явно разговаривали — уже прогресс. Саба приблизилась и, сев на кофейный столик к нему лицом, откинула крышку коробки. Это была аптечка. Я молилась, чтобы Джембер позволил ей прикоснуться к нему, хотя бы разрешил оказать помощь.

А потом, медленно попятившись от двери, вернулась в столовую.

Глава 30

— Это все, что у нас есть, — сообщил Магнус, выкладывая два меча, три винтовки, ящик с пистолетами и горсть кухонных ножей. Затем, моргая, уставился на мою заметно более внушительную кучу домашней утвари. — А этот хлам для чего?

Найти оружие в таком большом доме не составляло труда. Карнизы для штор, наборы инструментов для камина, множество деревянных палок для метел, которые можно заточить как копье или использовать в качестве дубинки.

Но видимо, если ты не привык бороться за свою жизнь, то все эти предметы запросто можно обойти вниманием.

— Просто включи немного воображения, — сказала я. — А вот от этого, — я отодвинула ножи в сторону, — пользы не будет никакой. Нам нужно оружие только большой дальности.

— Никогда не слышала о метании ножа?

— А такое бывает?

— На пражских карнавалах это делают постоянно.

— Что такое карнавал?

— Величайшее представление на земле. — Магнус с улыбкой взял мою руку, и внутри меня вспыхнуло пламя — чувство было настолько восхитительным, что мне не хотелось, чтобы он выпускал мою ладонь. — Когда все закончится, я отвезу тебя туда.

Залившись румянцем, я отвернулась и принялась разбирать оружие.

— Я никогда раньше не выезжала за пределы страны.

— Мы сможем поехать в любое место. Куда угодно. Тебе понравится.

— Ну, если у меня будет время между клиентами.

— Ох. — Улыбка медленно сползла с его лица. — Ну да. Разумеется. Твоя работа.

— Стоит ли добиваться покровительства, чтобы потом не пользоваться им? — Мои слова прозвучали весьма легкомысленно, но я никак не могла на них повлиять. Я поступала с Магнусом так же подло, как Джембер — с Сабой.

Магнус помогал мне разбирать оружие, хотя делал это не так, как я, и только все портил.

— Я думал о том, чтобы нанять кого-нибудь для управления шоколадным бизнесом. Точнее, когда мне исполнится двадцать один и он перейдет в мое владение. Эти люди будут заниматься всякими скучными деловыми вопросами, а я смогу расслабиться и сосредоточиться на своем творчестве.

— Правда? — Я как раз пересчитывала оружие, но сбилась со счета где-то между двадцатью одним и двадцатью шестью. — Это же здорово. Тебе определенно стоит заниматься тем, к чему лежит душа.

— Полагаю, — продолжила я, — ты мог бы заниматься творчеством и при этом продавать портреты за границу, например ночью. Во многих странах люди бодрствуют в то время, пока мы спим.

Снова сбившись со счета, я бросила эту затею.

— Магнус, нам правда нужно все это разобрать.

— Дебтера ведь тоже работает по ночам. Значит, мы будем бодрствовать в одно и то же время.

— Да. Все верно. — Я выгнула брови и непонимающе посмотрела на него: какое отношение творчество имело к изгнанию духов? — Так ты мне поможешь с оружием или нет?

— Мы могли бы быть вместе, — пояснил он. — И вести ночной образ жизни.

Его слова вызвали у меня смех, и с его лица мгновенно слетела вся серьезность. Он обнял меня за плечи и протянул к себе для поцелуя. Через мгновение я, запыхавшись, отстранилась.

— Я хочу быть с тобой, будь то день или ночь, — сказала я, потершись носом о его нос. — Но сначала займемся главным.

— Да, точно, Сглаз, — произнес он с тяжелым вздохом, словно ему порядком надоело слышать о нем. — А затем подготовка к свадьбе.

От удивления я разинула рот, потом закрыла его и еще некоторое время смотрела на Магнуса, хлопая глазами.

— Подготовка к свадьбе?

— Ну конечно.

— Что значит «ну конечно»?

— Анди, — позвал меня Джембер с верхней площадки лестницы, — подойди ко мне, я в твоей комнате.

— Ох, слава богу, — пробормотала я и, выскочив из комнаты, побежала вверх по лестнице. Я уже начала волноваться. Свадьба... Честно говоря, я даже не представляла ее себе. Да и никогда особо не *хотела*. Мужчины временами требуется нянька, а вот женщины вполне могут сами о себе позаботиться — кроме ситуации, когда

они не в состоянии работать или же хотят детей. Но я работала, занималась любимым делом, умела готовить и могла защитить себя. И о рождении детей думала в самую последнюю очередь.

Наши представления о будущем разительно отличались, тем не менее, когда он окажется в безопасности, у нас будет предостаточно времени, чтобы поговорить об этом.

«Как ты и сказала, Анди. Сначала необходимо заняться главным».

Джембер следом за мной вошел в мою уютную спальню и закрыл дверь. К ней был прибит амулет, которого я раньше не видела.

— Для чего он?

— Дополнительная защита, — пояснил он, усаживаясь на мою кровать. На нем была какая-то темно-серая вязаная одежда, которую в этом доме носили в качестве униформы. Было весьма странно видеть его в этих темных цветах. Все мое детство он носил в основном белые вещи с насыщенными красочными акцентами. И теперь серый был ему не к лицу. — Поскольку ты повисила температуру в этой комнате, Сглаз больше не привязан к ней, а значит, не сможет нас подслушать. Но я все равно усилил защиту, на всякий случай.

— На случай чего?

— В плане нападения можем участвовать только мы двое. Если Магнус или Саба что-то узнают, это тут же дойдет до сведения Сглаза. Так что нам нужно максимально использовать элемент неожиданности.

— Поняла. И каков план?

— Нам необходимо выстроить сильнейшую оборону. Если подготовить комнату заранее — к игровой комнате внизу я уже приступил, — то с помощью созданной из амулетов баррикады мы удержим гиену внутри.

— Но она прорвет ее. Нам нужна защита не только амулетов.

— Если мишень гиены окажется вместе с ней внутри комнаты... Дослушай до конца, — сказал он, и я вновь захлопнула рот. — В комнате останется мишень и тот, кто поможет ее защитить. Дверной проем будет охранять один из амулетов. А ты в это время снаружи комнаты будешь создавать другой.

Как мне сказать ему, что именно я буду находиться в комнате, и при этом не выдать себя?

— Мы не можем запереть Келелу с гиеной: с такими травмами она не сумеет себя защитить. А если ее, не дай бог, убьют, Сглаз вновь впадет в спячку, и все окажется бесполезно.

— Если все внимание гиены будет сосредоточено на мишени, то она не станет тратить время на разрушение дверной защиты. Важно, чтобы во время работы ты находилась в безопасности.

— Мне кажется, амулет лучше создавать тебе. Ты намного быстрее меня.

— К тому времени я уже уйду. И ты достаточно быстра. Теперь снова придется уговаривать его остаться, но этим вопросом я займусь завтра.

— Именно так ты и победил?

— У меня не было команды людей. Только я один. Я отослал мишень из дома на целый день, а сам остальную часть дня занимался тем, что разбрасывал конечности прислужника Сглаза по всему городу. Но я все же запер его в комнате с охранным амулетом на двери и для дополнительной защиты влез на самый верх самого высокого книжного шкафа.

Мой изумленно раскрытый рот расплылся в улыбке.

— Гениально.

— Но сработало с трудом. Будь у меня помощь, возможно, я бы не... — он показал на свою ногу. — К тому же у меня не было времени установить больше одного щита на двери. Я покажу тебе, как это делается, и мы сможем создать как минимум по три штуки каждый, если ты согласишься не ложиться сегодня спать.

— Конечно, согласна. Я сделаю все, что потребуется. Хотя мне бы очень не хотелось разбрасывать части тела Сабы по пустыне.

— Мне тоже. Так что будем просто присматривать за ней. — Он наклонился вперед, положив руки на колени, и застонал. — Как я мог оставить таблетки дома...

— А как же твой подопечный, раз уж мы затронули эту тему?

— Что? — Брови Джембера на миг опустились, а затем поползли вверх. — Ах да. Ты о нем. — Сморщившись, он потер колено. — Может, ему надоест ждать, и он вернется к своим родителям. Это будет отличный подарок по случаю возвращения.

— Я попрошу Сабу принести тебе лекарство.

— Я сам попрошу. Тебе нужно немного поспать перед сегодняшней ночью.

— Значит, вы теперь общаетесь? — ухмыльнулась я.

— Недавно, когда она занималась моей ногой... Я... — Он покачал головой, будто сам не понимал, что говорит. — Похоже, ее прикосновения не причиняют мне боли.

— Правда? — ахнула я.

— Я не уверен. Не могу точно это утверждать, поскольку на тот момент мне уже было больно.

— Постой, — я вскочила с кровати, внезапно осознав. — Ее кожа сделана из глины, а не настоящей плоти. Должно быть, поэтому она не причиняет боли.

Джембер нахмурил брови — я ожидала от него совсем другой реакции.

— В тебе сейчас говорит оптимизм. Ты хочешь, чтобы так все и было. Но так не будет.

— Почему?

Он со стоном поднялся на ноги.

— Потому что я этого не хочу.

— Но ты любишь ее, разве нет?

— Я не знаю.

— Ты *не знаешь*?

Он пожал плечами.

— Это было давно, Анди. Мне кажется, я уже не знаю, как любить.

Наконец-то я услышала от него честный ответ, пусть он больше походил на агонию.

Джембер широко распахнул дверь моей спальни и вышел. Разговор окончен. Больше никаких планов. И никаких секретов.

Во всяком случае, без последствий.

Я выглянула в коридор и заметила Джембера: тот что-то говорил Сабе и показывал на свое колено. Кивнув, она поспешила к чулану в конце коридора. Я замерла, мысленно приготовившись, когда она открыла дверь. Однако внутри царили чистота и порядок, как будто ничего не случилось.

— Андромеда! — окликнул Магнус, после чего до меня донесся топот ног по лестнице. Я подошла к верхней площадке и увидела, как он поднимается, перескакивая через три ступеньки. — Хочешь сыграть со мной?

— Джембер предложил сегодня ночью патрулировать дом, поэтому я хотела бы поспать пару часов до Пробуждения.

Его лицо поникло.

— Ты собираешься бодрствовать во время Пробуждения? И кому принадлежит эта затея? — Не успела я ответить, как он уже впился сердитым взглядом в моего наставника. — Послушайте, Джембер, в этом доме существуют определенные правила. И мне совершенно не нравится, что во время Пробуждения Андромеда будет бродить по коридорам.

Джембер одарил Магнуса взглядом, словно оценивая, есть ли у него силы объяснять тому особенности нашей работы.

— Если у тебя имеются еще глупые замечания, просто запиши их, чтобы мне потом было легче их игнорировать.

— А что так? Потому что вы не умеете читать? — парировал Магнус с излишним пылом — в конце концов, это ведь Магнус.

Я бы рассмеялась, будь сейчас для этого более подходящее время. Но Джембер целый день на ногах. Ему было нужно обезболивающее. К этому часу его терпение уже на исходе, вот почему днем мы обычно спим. А еще Магнус питал неприязнь к Джемберу задолго до того, как тот появился в этом доме. Именно поэтому, с одной стороны, мне хотелось встать между ними на случай, если начнется драка, а с другой — я понимала, что лучше не встречать между людьми, которые вот-вот подерутся.

Разумеется, Магнусу, скорее всего, удастся нанести ему пару ударов, но в конечном счете все закончится жестоко: зная Джембера — смертью. А мне слишком сильно нравился Магнус, чтобы я позволила этому случиться.

— Духи более активны по вечерам, — быстро пояснила я. — Помнишь, Магнус? Тем более снаружи, кроме ветра, ничего нет.

— Знаете, вы ужасный отец, — прорычал Магнус. Я быстро схватила его за руку и оттащила назад, Саба в это время бросила на него осуждающий взгляд. — Было бы замечательно, если бы вы сняли этот амулет, чтобы я мог посмотреть вам в глаза и избавить ее от вашего присутствия.

— Магнус, прекрати...

— Пожалуйста, кто-нибудь заткните ему рот, — протянул Джембер, закатывая глаза. — Он меня утомляет. — Затем посмотрел на меня. — Будь готова к работе через два часа.

— Буду, — пообещала я, уводя Магнуса прочь. Спустя несколько минут я втокнула его в спальню и закрыла за нами дверь. — Джембер здесь, чтобы помочь. Ты мог бы, пожалуйста, не устраивать ссор?

— Я ненавижу его, как то отвратительное медовое вино, — заявил он, пару раз ударив подушку, после чего сел на свою кровать. — Он не заслуживает тебя. Или Сабу.

— Сабу никто не заслуживает.

Магнус легонько усмехнулся.

— Верно.

— У Джембера есть свой определенный набор принципов выживания. И... из-за травмы он страдает от сильной боли. — Наверное, мне не стоило раскрывать тайны Джембера, но теперь уже было слишком поздно. Я села рядом с Магнусом. — Многое из сказанного он говорил не всерьез.

— Ты слишком привыкла защищать его. Он этого не заслужил, Андромеда, — фыркнул Магнус и откинулся на кровать. — Он гадкий человек.

— Знаю, но ты не вправе так говорить.

Магнус с любопытством уставился на меня, и я вдруг поняла, что повысила голос.

Тогда я быстро встала.

— Мне нужно вздремнуть перед сегодняшней ночью, — сказала я и выбежала из комнаты.

— А где все? — поинтересовался Джембер в первую очередь, как только мы немного прошли по коридорам. Когда он наклонился ближе, ему требовалось лишь говорить чуточку громче, чтобы перекрыть ветер.

— Я всех изгнала, — ответила я. — Точнее, большую часть.

Он задумчиво пожевал губу, а затем направился в ближайшую комнату — в библиотеку.

Я последовала за ним. Войдя внутрь, захлопнула дверь — ветер стих.

— Эта комната не самая безопасная. Здесь обитает призрак, который любит швыряться книгами.

Джембер прищурил глаза, но смотрел при этом не на меня, а на портрет отца Магнуса.

— При других обстоятельствах я бы поаплодировал твоему благоразумному решению...

— Да неужели? — удивилась я, вскинув брови.

— ...изгонять Воплощения в порядке возрастания их силы. — Мне пришлось увернуться, когда он попытался щелкнуть меня по лбу. — Но в данном случае тебе следовало оставить в покое все остальные Воплощения и разбираться только с гиеной. Занявшись ими в первую очередь, ты дала Сглазу слишком много возможностей оценить твои способности.

— Ну, я этого не знала, — ответила я, раздраженно пожав плечами. — Мы ведь так и не дошли до этого урока, помнишь?

— А все потому, что тебя не должно было быть здесь.

В эту секунду книга упала на пол, заскользила в нашу сторону и остановилась между нами.

— Это предупреждение, чтобы мы уходили, — сказала я. — Может, поработаем в игровой комнате?

Джембер не двинулся с места.

— Дай мне ее.

Я со вздохом подобрала книгу с пола и протянула ему. Вздрыгнула, когда он замахнулся и швырнул книгу в стену: ее острый край оставил вмятину на холсте ровно в том месте, где было изображено горло отца Магнуса. Книга перевернулась, несколько раз ударившись о каминную полку, и шлепнулась на пол. Джембер пробормотал какое-то ругательство, где мелькнуло слово «*колонизатор*», и вышел из комнаты.

Я шла за ним, держась на безопасном расстоянии, пока мы не приблизились к игровой комнате.

— У меня сложилось впечатление, что ты знаешь человека с портрета, — осторожно произнесла я.

— Никогда его не видел. — Джембер занял кресло у камина, поэтому я поставила корзинку с инструментами на кофейный столик и села на диван напротив него. Он вытащил из корзины серебряный диск. — Но у мальчишки такое же лицо.

— Правда? Мне казалось, Магнус больше похож на Сабу.

Он ростно щелкнул паяльной ручкой.

— Этот сопливый болван совершенно на нее не похож.

Усмехнувшись над его попыткой оправдаться, я наклонилась вперед, чтобы понаблюдать за работой, но он замахал на меня рукой. Точно. Смотреть же нельзя. Только чувствовать. Я вновь откинулась на спинку кресла.

— Я никогда не хотел учить тебя подобным вещам, — сказал он, сделав несколько штрихов.

— Тогда почему вообще начал обучать меня изгнанию Воплощений?

— На первых порах? Потому что благодаря созданию амулетов я мог не видеть тебя по несколько часов. — Он пожал плечами. — У тебя хорошо получалось. Ты была полна энтузиазма. А мне нравилось учить тебя. К тому же, когда я брал тебя на встречу с клиентами, они всегда давали тебе чаевые.

— А потом я перестала приносить прибыль, потому что лишилась своей симпатичной внешности.

Я не просто становилась выше и взрослее — мое лицо утратило милые детские черты и сделалось простым и угловатым. Джембер перестал брать меня с собой примерно в то же время, когда у меня появился шрам. Мимолетное воспоминание напомнило о его существовании, и рука инстинктивно потянулась к лицу в попытке его прикрыть. Чтобы жест казался произвольным, я подтянула к себе колени и положила на них сверху руки, закрыв лицо и щеки.

Не знаю, заметил ли Джембер это движение, но сказал:

— Неправда. Ты перестала приносить прибыль, потому что превратилась в маленькую засранку.

У меня вырвался смешок.

— Тебе под стать.

— Да, вот только у меня уже была определенная репутация. А если раньше ты был очаровательным ангелом, то все перемены воспринимаются несколько иначе. — Он откинулся назад и положил ноги на стол между нами. — Тебя никогда раньше так не избивали, поэтому твое поведение было вполне объяснимо. Но я рад, что ты справилась с этим. Достаточно найти наиболее подходящий принцип выживания — тебе лучше всего подошел оптимизм.

— Может, тебе тоже стоит попробовать.

— Это слишком утомительно. Мне нужно беречь силы для более важных дел. — Он вздохнул и помахал передо мной амулетом. — Ты вообще следишь за процессом? Я не собираюсь ради тебя начинать все сначала.

— Я не ощущаю, что он готов.

— Так и есть. — Джембер выгнул брови. — Не будь ты такой честолюбивой, нас бы сейчас здесь не было.

— Как закончишь амулет, можешь смело уходить, — сказала я. — Дальше я справлюсь сама.

С моей стороны было глупо так говорить — если он уличит меня во лжи, некому будет делать амулет, когда появится гиена.

Он с тяжелым вздохом посмотрел на недоделанный кусок серебра: не потому, что якобы неверно уловил его смысл, а потому, что тот будто натолкнул его на другие размышления. Я не осмелилась прерывать ход его мыслей, поэтому несколько минут мы сидели молча.

— Только четыре дебтеры за всю историю выжили после встречи с гиеной. У всех в результате полученных травм повреждены нервные окончания. Никто из них теперь не способен прикоснуться к другому живому существу. Трое покончили с собой, не дожив до старости. — Он покачал головой, будто только сейчас осознал, что сидит без дела, и провел еще несколько штрихов. — Я не хочу такой участи для тебя.

Когда до меня дошел смысл его слов, я сглотнула, в горле пересохло.

— Почему ты раньше мне этого не говорил?

— А что бы изменилось? Все дети считают себя неуязвимыми. К тому же создание амулетов как музыка — оно у тебя в крови. Большинство дебтер довольствуются изгнанием обычных Воплощений, но ты не из их числа.

Так что обучением изгонять гиену я лишь сильнее подстегнул бы тебя.

— Ты ведь знаешь, у меня неплохо получается. И если бы ты обучил меня всему, то, возможно, сейчас не сидел бы тут и не делал за меня эту работу. Я же знаю, что тебе здесь не нравится.

— Ты слишком неопытна, чтобы знать, чего следует бояться.

— На самом деле я напугана до смерти, Джембер. С самой первой ночи. Но сейчас есть вещи гораздо важнее страха.

— Ага, — проворчал он, — твой несносный любовничек.

— Мы не любовники, — возразила я с пылающим лицом, а потом возмущенно добавила: — Вообще-то это ты несносный любовник Сабы.

— Знаю. — Он выругался и откинулся на спинку кресла. — И хоть убей, никак не могу понять, почему она до сих пор любит меня.

— Потому что любовь — странная штука. Я не знаю, почему люблю Магнуса.

Он выгнул бровь, не прерывая работу.

— Да, почему? Раньше ты была разумнее.

— По этой же причине ты дорог мне, — ответила я, усмехнувшись. — Каждая девушка мечтает выйти замуж за человека, похожего на ее отца. И ты воспитал во мне ужасный вкус к мужчинам.

Он засмеялся, а потом со вздохом отложил амулет на стол. Мгновение он сидел молча, остатки его улыбки растворились в глубокой, печальной задумчивости. Наконец он поднял на меня глаза.

— Меня никогда не обучали воспитанию детей, и ты за это поплатилась. Прости меня, Анди.

Я не ожидала услышать подобные слова, поэтому некоторое время не знала, что делать. На глаза навернулись слезы — Джембер будет ругаться, если я заплачу. Я могла бы с легкостью обратить эти слова против него, отчитать за все, что он сделал со мной.

Но почему-то вовсе этого не хотела.

— Я тебя прощаю.

— Ты не обязана.

— Думаю, так будет лучше для моей совести.

На мгновение воцарилась тишина.

Джембер вздохом нарушил молчание.

— Наверное, стоит признать, что существующая между нами связь основана не на обычной любви. Мы оба стремимся к выживанию. И продолжаем вновь воссоединяться, потому что нужны друг другу, чтобы выжить... Но это не значит, что ты мне не дорога. Напротив.

Мое сердце вдруг бешено забилося, и мне пришлось сдерживать улыбку. Это все, что я хотела от него услышать.

— Ты вырастил меня. И этого достаточно.

Он взглянул на меня пристально, словно проверял, не иронизирую ли я, а потом отдал мне серебряный диск.

— Надеюсь, ты следила внимательно.

— Берегись, старик, я еще покажу тебе, как это делается.

Он с усмешкой откинулся назад.

— Посмотрим.

Джембер, не дожидаясь меня, приступил к работе над следующим амулетом, и какое-то время мы трудились в тишине. Столь знакомой нам. В детстве такие моменты я называла *приятным временем вместе*. Хотя оно все равно омрачалось закрадывающимся в душу беспокойством.

— А четвертый дебтера в порядке? — поинтересовалась я внезапно.

— М-м?

— Трое покончили с собой. Четвертый не собирается наложить на себя руки?

— Не так часто, с тех пор как у меня появилась ты. — Прервав работу, он едва заметно улыбнулся. — Оказывается, мысль, что тебе есть ради кого жить, очень помогает.

Когда я вошла в свою комнату, Магнус крепко спал. Ящик комода, где я хранила свою ночную рубашку, обычно скрипел, поэтому я просто сняла с себя теплую одежду, затулила волосы атласным шарфом и аккуратно забралась в постель. Я оставила между нами расстояние, как делали мы с Джембером на протяжении многих лет, однако... лежа рядом с Магнусом, я почему-то испытывала другое чувство. Словно это был... конец.

Хотя слово «конец» имело множество разных значений. Оно могло подразумевать мою конечную цель, моего спутника, мужчину, которого однажды я назову мужем — какой бы неприятной ни казалась мне эта идея сейчас, в глубине души я знала: рано или поздно будущее приведет меня к этому.

Если только... если только «конец» не означал вечность, включавшую в себя больше физического присутствия Бога и гораздо меньше Магнуса.

Нет... Нет. Дай бог, мое время умирать еще не пришло.

Я погладила Магнуса по щеке. Он вздохнул, тихонько пробормотав мое имя.

— Да, я здесь, — прошептала я в ответ.

— Хорошо провела время? — промямлил он сквозь сон. Я была уверена, что он спал, потому что лицо его по-прежнему прижималось к подушке.

Я улыбнулась, с трудом удержавшись от поцелуя, чтобы не разбудить Магнуса.

— Да.

— Ты любишь работать...

Я мягко шикнула на него, и, еще раз вздохнув, он снова провалился в сон.

Глава 31

Проснулась я лицом к стене. Я подняла руки, чтобы оттолкнуться от нее, но та оказалась удивительным образом похожа на чье-то тело. Господь милосердный, и как я могла забыть? Магнус спал в моей постели. Его руки крепко обнимали меня, так что нас разделяли лишь считанные миллиметры.

— Ты нарушил правила совместного сна, — пробормотала я, уткнувшись в его грудь.

— И тебе доброе утро, мое солнышко, — прошептал он мне в макушку.

Жар прокатился по коже, но вызван он был отнюдь не только теплом наших тел.

Мы лежали в кровати, греясь в лучах солнца, проникающего в мое окно, однако мысли о том, что должно было произойти сегодня вечером, мешали в полной мере насладиться этим мгновением. Гиена вновь выйдет на свободу... и моя жизнь окажется под угрозой.

Нет. Смерть меня не устраивала. К тому же что такого могла сделать мне смерть, чего уже не сделала жизнь? Во мне говорил обычный страх неудачи. Только и всего.

Внезапно раздавшиеся снаружи звуки подъехавшего экипажа и лошадей заставили меня рывком скинуть с себя одеяло и вскочить на ноги. Я быстро оделась, но не успела добежать до лестницы, как Эсджей вошел в дом.

— Пегги? — позвал он, и мое сердце упало в пятки.

— Она уехала, — ответила я, сбегая по ступеням.

Эсджей замер, наполовину надев пальто.

— Что значит уехала?

Приблизившись, я заметила, что он выглядел более уставшим, чем обычно. Более встревоженным. Поскольку я не успела продумать деталей своей лжи, то лишь пожала плечами.

— Полагаю, она больше не захотела иметь дело с проклятием.

Эсджей посмотрел на меня так, будто я плод его воображения.

— Она заботилась о Магнусе с самого младенчества. Как она могла взять и *уехать*? — Тут его челюсть отвисла, глаза округлились. — Кого вы взяли на роль добровольца?

— Э-э...

— Пегги! — окликнул он, заглянув в столовую, а потом бросился вверх по лестнице. — Магнус!

— Эсджей, ты вернулся, — Магнус, зевая, вышел из моей комнаты. — Ты ведь не за Келелой приехал?

— Келела? — Эсджей вопреки своему амулету спохватился, чтобы не заглянуть Магнусу в глаза. — Она должна быть с друзьями. Хочешь сказать, она *здесь*?

— Мы и есть ее друзья, — ответил Магнус возмущенным тоном.

— Она здесь, — подтвердила я, закусив губу. По правде говоря, я была рада, что удалось отвлечь внимание Эсджея от расспросов о Пегги.

Он бросил на меня острый взгляд — такая перемена в нем казалось странной, но относительно безопасной по сравнению с тем, как на меня смотрели люди на улице и даже Джембер.

— Где?

— В комнате Магнуса.

Преодолев оставшиеся ступени и сделав пару шагов по коридору, Эсджей ворвался в комнату без стука.

Далее послышались крики: «Ты совсем с ума сошла?», «Можете забыть о Париже, юная леди!» и «Что, во имя всего святого, случилось с твоей рукой?»

Магнус устало вздохнул, обнял меня за шею и прижался губами к моему лбу.

— Пойду переоденусь. Не уходи далеко.

— Не уйду, — пообещала я. Стоило мне остаться одной в коридоре, как каждая клеточка моего тела потянулась к Магнусу. Но на это не было времени. Мне нужно было найти Джембера.

Поскольку под спальное место тот отвел игровую комнату, первым делом я отправилась туда и обнаружила, что они с Сабой пьют кофе. Точнее, кофе пил Джембер. Вряд ли люди из глины могут переваривать пищу.

— Я смотрю, Саба добралась до тебя, — заметила я и указала на его аккуратную бороду, погладив свой подбородок. — Какое милое проявление любви.

— Скорее принуждение, — ответил он и, вскинув брови, посмотрел на Сабу, которая в ответ лишь невинно улыбнулась и пожала плечами.

— Вы, похоже, неплохо ладите, — сказала я, и лицо Сабы приобрело лукавое выражение, оправдавшее мои надежды. — Он позволяет тебе дотрагиваться до своего лица.

— Кто там так шумит? — спросил Джембер. Он специально пропустил мое замечание мимо ушей, потому что, судя по голосу, его мало заботил Эсджей.

— Брат Келелы.

Как по команде раздался стук шагов и возмущенный голос Эсджея. Джембер слегка нахмурил брови, затем, словно извиняясь, коснулся руки Сабы и вышел из комнаты.

Едва спустившись с лестницы, Келела бросилась ко мне и обвила здоровой рукой мою шею. На мгновение я замерла, а потом в ответ обняла ее за талию.

— Надери этой гиене задницу, — прошептала она. Не успела я ответить, как Эсджей повел ее прочь.

— Постараюсь, — крикнула я вслед. Эсджей в этот миг наградил меня красноречивым взглядом: *«Зачем ты разговариваешь с моей сестрой?»*

— Не могу поверить, что вы позволили Келеле пойти на такое, — сказал он, обращаясь к Джемберу. — Вы же взрослый человек. Вы должны были ее остановить.

— Это *твоя* ответственность, — ответил Джембер без тени раскаяния.

Эсджей сердито фыркнул, будто дикий конь, готовый броситься в атаку. Но, подавив гнев, схватил Келелу за здоровую руку и повел на улицу.

— В первую очередь мы покажем тебя *настоящему* врачу, — донеслись до меня его слова. — Иначе кость у тебя срастется неправильно...

Джембер, захлопнув дверь, направился на кухню.

— Наш план все еще в силе? — спросила я, догнав его. — С учетом ухода Келелы?

— Важно то, что у Сглаза есть мишень, — ответил он, — о чем она уже позаботилась. Ей необязательно находиться рядом, чтобы он пробудился. А мы с тобой

исправим это тем, что просто установим еще несколько щитов.

Все утро мы сооружали дополнительные щиты, пока Магнус рисовал и бездельничал в своей комнате. А после обеда решили отдохнуть друг от друга. Нельзя сказать, что работать с Джембером было неприятно; в лучших моих воспоминаниях мы сидели на кровати и мастерили амулеты. Казалось, будто вырезание узоров — единственное занятие, которое нас объединяло. Своего рода лекарство.

Но поскольку пальцам Джембера требовался отдых, мы с Магнусом немного вздремнули, а потом отправились поиграть на *квалесине*. Видимо, мы оба, не сговариваясь, решили, что этот день хотим провести вместе. К тому же... в глубине души я боялась, что завтра не наступит.

«Что за вздор, Анди? Все будет хорошо».

Некоторое время, пока мы шли, я слышала лишь скрип дерева и наши медленные шаги, эхом отдающиеся в старых пустых коридорах.

Внезапно Магнус вздрогнул и прижал меня к себе: из игровой комнаты доносились какие-то шлепки.

— Господи, что это? — прошептал он. А когда я двинулась на подозрительный звук, схватил меня за руку. — Что ты делаешь?

— Стой здесь, — приказала я и бросилась к двери, однако смех Джембера заставил меня застыть на месте, не дав войти.

— Хочешь меня сломать? — услышала я. — Тебе даже не нужно использовать полную силу — твоя кожа и без того достаточно твердая.

Действительно подозрительный звук.

Я заглянула в комнату и увидела Джембера и Сабу, стоящих по разные стороны бильярдного стола, их ладони лежали на его ворсистой поверхности. Я испытала огромное счастье, узрев во всей красе, как они с Сабой играют в ладошки. Оба одновременно выбросили вперед правые руки в попытке хлопнуть по левой ладони своего соперника. Этот раунд выиграл Джембер, успевший вовремя отдернуть руку и ударить по ладони Сабы.

У игры не было официального названия, да и я, став постарше, уже считала ее не столько игрой, сколько придуманным Джембером способом помучить меня. Когда я была маленькой, мы играли в нее, чтобы скоротать время между предполагаемым ужином и встречей с клиентом. К концу игры моя левая ладонь обычно становилась красной и ныла от боли. Я отличалась высокой скоростью и хорошей реакцией, но удары Джембера были *больнее*.

Честно говоря, я была рада, что теперь Саба платила ему той же монетой.

— Анди, — заскулил Магнус, но я отмахнулась от него.

Саба вновь ударила Джембера по ладони — тот засмеялся и, выругавшись, сжал оба ее запястья.

— Играй честно. Руки еще понадобятся мне для работы.

Она одарила его кокетливым, дразнящим взглядом, затем перевернула одну из его кистей ладонью вверх и провела по ней пальцами.

На миг они оба замолчали. Воцарилась приятная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в камине.

— В первый раз мы занимались любовью на точно таком же столе, — произнес Джембер. Саба тут же безудержно заулыбалась и опустила застенчивый взгляд на стол. — Помнишь?

Она закусила губу и кивнула, изучая его лицо. А потом взобралась на стол, подползла к Джемберу, сократив разделявшее их расстояние, и поцеловала его. Мне пришлось зажать рот руками, чтобы сдержать радостный крик.

Как бы они ни упрямились, мне все же удалось свести их. Наверное, это было одно из самых приятных мгновений в моей жизни.

Я услышала, как Магнус ахнул за моим плечом, и быстро развернулась: нужно было заглушить его прежде, чем он своими словами разрушит такой момент. Зажав ему рот рукой, я увела его подальше от комнаты и только потом взяла за руку.

— Что, черт возьми, это было? — прошипел Магнус.

— Я не хотела, чтобы ты нарушил их романтику.

— Романтику? Этот мерзавец целовал мою мать!

Шикнув на него, я втощила его в музыкальную комнату.

— Это было прекрасно.

— Это было ужасно.

Я с ухмылкой выгнула бровь.

— Мне казалось, ты поклонник любви.

— Так и есть, — ответил он, сердито поглядывая на дверь. — Когда человек этого заслуживает.

— Все заслуживают любви, Магнус. А даже если нет, то кто мы такие, чтобы это решать? — Я села за *квалесин* и нажала несколько клавиш, Магнус пристроился рядом со мной. — В любом случае, на мой взгляд, они мило смотрятся вместе.

Магнус что-то пробурчал.

— Давай сейчас будем думать только о приятном. Научишь меня играть?

Он замер, покосившись на инструмент.

— Правда? — Его явно переполнял восторг. Он встал и подошел к скамейке сзади. — Сядь по центру.

Я сдвинулась в центр скамьи и послушно подалась вперед. Но почувствовала, как под весом тела продавилось сиденье, когда Магнус встал на него, и меня сковало напряжение. Я опустила взгляд и увидела колени Магнуса по обеим сторонам от моих ног. Он опустил голову мне на плечо, и я еле сдержалась, чтобы не покраснеть. Меня окутало тепло. Человеческое тепло. Это лучше любого огня.

— Это нота «до», — произнес он, потянувшись к клавише. — Именно с нее начинают оба твоих больших пальца.

Я положила большие пальцы на указанные клавиши, отведя остальные как можно дальше от них, но услышала короткий смешок.

— Что?

— Другие пальцы тоже тебе понадобятся, моя маленькая луковичка.

Ему оставалось лишь обвить мое тело руками, чтобы заключить меня в объятие. Вместо этого его руки лежали поверх моих и мягко направляли к клавише каждый палец. Кожа на его ладонях была такой нежной, что я мгновенно почувствовала смущение за свои мозолистые руки.

— Расслабься, любимая, — прошептал он возле моей щеки, и это было худшее, что он мог сделать.

— Ты заставляешь меня нервничать, — сказала я, отталкивая его спиной.

Восстановив равновесие, он лишь крепче сжал мои руки.

— Мы оба знаем, что из нас двоих ты пугаешь сильнее.

— Вряд ли это можно назвать комплиментом.

— Такая маленькая и такая свирепая. — Он поцеловал меня в щеку и вновь расправил мои пальцы. — Готова?

Я кивнула, не в силах говорить от радости. Мягкие кисти Магнуса скользнули под мои ладони, так что они оказались сверху, каждый мой палец покоился на его пальце. А потом он медленно начал играть. Достаточно медленно, чтобы мои руки без труда следовали за движениями его рук. Плавные, но отнюдь не грустные ноты, словно раскаленное серебро, сливались в нечто прекрасное и осязаемое. Казалось, будто музыка творила жизнь.

Тут его рука соскользнула, пальцы оставили красный след на кремовых клавишах. Музыка внезапно оборвалась, инструмент отозвался зловещим эхом, а ноты мрачно повисли в воздухе.

Магнус со вздохом изумления отдернул руки.

Мгновение никто из нас ничего не говорил, мы лишь молча наблюдали, как кровь просачивается через зазоры между клавишами, словно сквозь окровавленные зубы во рту.

Только когда жидкость стала стекать на пол, я почувствовала, что Магнус тяжело задышал.

— Кто это был, Андромеда? — спросил он дрожащим голосом.

— Может быть, это не совсем то, что ты подумал, — тихо ответила я.

— Дом истекает кровью, когда Сглаз забирает жертву. — Он стиснул мои руки трясущимися ладонями. Согнулся и прильнул ко мне, прижимаясь губами к моему плечу. — Пожалуйста, скажи мне. Это была Пегги?

Казалось, он знал ответ и отчаянно надеялся, что я стану все отрицать. Я не знала, что ответить. Однако мое молчание было красноречивее слов.

Громкий всхлип нарушил тишину. Магнус обхватил меня руками и прерывисто задрожал. Поскольку мое тело оказалось в тисках, я могла утешить его лишь одним способом: прижимать его голову к своей шее и гладить пальцами по волосам.

— Она была смелой, — говорила я ему на ухо, чтобы он слышал меня сквозь плач. — Она погибла, сражаясь, защищая близких ей людей. — Другими словами, Келелу. Хотя сейчас было не время плохо отзываться о ней.

— От эт-того... — Вдох. — М-мне... — Вдох. — Н-не... — Вдох. — Легче.

Вздвигнув, я в мучительной беспомощности вцепилась в его волосы, не понимая, что мне делать.

Тяжесть его головы давила мне на плечо. Сидеть и ждать, пока он придет в себя, было неудобно, но и оставить его здесь одного я не могла. Моя шея стала теплой и влажной от слез, костлявый зад начинал ныть от сидения на одном месте. Возможно, именно поэтому в подобных ситуациях Джембер всегда угрожал мне подушками. На слезы уходило слишком много времени. С другой стороны, я никогда не теряла близких мне людей, а потому не имела права мешать его горю и торопить.

И все же мне, наверное, стоило это сделать, потому что в следующую секунду я услышала торопливые шаги по коридору. В кровь хлынул адреналин, интуиция подсказывала, что ничего хорошего мне это не сулит.

Через мгновение в комнату ворвался Джембер. Выглядел он так, словно был готов убить. На лице Сабы, семенившей следом, читалась паника.

Мне следовало тут же вскочить на ноги и потянуться за ножом, но Магнус тяжело навалился на мои плечи.

— Почему из камина течет кровь? — потребовал ответа Джембер, стряхивая руку Сабы, пытавшейся его успокоить.

Раньше мне и в голову не приходило, что несколько комнат могут истекать кровью одновременно, что Сглаз действительно делал это лишь для того, чтобы сообщить о своем последнем убийстве. Тем не менее я заслужила такой исход за то, что не сказала Джемберу раньше. Поскольку следующей мишенью была я, создавать амулет придется ему, а я не могла сказать об этом несколько минут назад — его разуму и пальцам требовался отдых.

Но это не помешает ему сначала избить меня до потери сознания.

Я судорожно похлопала Магнуса по колену, призывая его встать, но тот покровительственно обнял меня, будто это могло как-то помочь. Я оказалась заблокирована — спереди и сзади, сердце бешено колотилось в груди.

— Сегодня ночью гиена вновь выйдет на свободу, — произнес Джембер, обходя *квалесин*. — Кто мишень, Анди?

— Держись от нее подальше, — приказал Магнус, — или я...

Если выбирать между *квалесином* и милым юношей за моей спиной, то последний, пожалуй, был более легким препятствием на пути ко мне, поэтому Джембер схватил его за шкуру и дернул назад. Воспользовавшись несколькими секундами свободы, я, да простит меня Господь, взобралась на инструмент. Магнус, ударившись спиной об пол, вскрикнул и засуетился, Саба тут же бросилась к нему.

Джембер стукнул по инструменту руками, и тот издал приглушенный нестройный звук.

— Скажи мне, что ты не сделала того, о чем я думаю.

То, что я изначально приняла за гнев, впоследствии оказалось чем-то другим. Своего рода паникой. Страхом. Моя решимость пошатнулась.

— Джембер, — проговорила я, медленно потянувшись за ножом, — успокойся...

Он толкнул инструмент, и я, потеряв равновесие, упала. Едва не рухнула вниз, с трудом удержавшись — на бедре точно будет синяк, — но быстро встала на ноги с ножом в руке.

Мы оба знали, что я никогда не пущу его в ход, поэтому наставник без колебаний ринулся ко мне. Я столь же проворно отпрянула назад.

— Ты смотрела ему в глаза?

Я медлила с ответом. По сути, это означало «да».

— Хотя бы выслушай мой план...

— Ты совсем спятила? — завопил Джембер. Он умоляюще держал руки перед собой, сжимал и разжимал кулаки, будто не знал, что с ними делать. — После всего, чем я пожертвовал, чтобы сохранить тебе жизнь, ты идешь и отдаешься на милость... — он закричал в отчаянии и закрыл лицо руками. Его плечи слегка сотрясались.

Я убрала нож так же медленно, как и вынула его. Джембер не плакал. Иногда, когда у него заканчивались таблетки, он, думая, что я сплю, тихонько скулил от боли. Но я ни разу не видела, чтобы он сожалел. Этот человек не пролил ни одной слезы. И уж тем более из-за меня.

Тем не менее, когда Джембер отнял руки от лица, в его глазах стояли слезы. Но он быстро смахнул их — казалось, они были иллюзией. Он позволил себе проявить каплю человечности, однако его принципы выживания взяли над ним верх быстрее, чем у меня появилось желание утешить его.

— Ты маленькая идиотка, — проговорил он. — С таким же успехом я мог бы убить тебя сам...

Саба встала передо мной, загородив меня своим телом. Его движения замедлились. Не буду врать, мне была приятна мысль, что она имела над ним власть, пусть и небольшую.

— Клянусь Богом, Саба, если ты не отойдешь...

— Ты не сможешь победить ее, старик, — сказала я, взмахнув пальцами, покрытыми шрамами. — А вот мы, если хочешь, можем подраться, только что это даст? Это не изменит того, что я сделала.

— А ты знаешь, что ты сделала? — огрызнулся он. — Думаю, что нет.

— Я защищаю дорогих мне людей...

— Ценой своей жизни?

— Это был единственный вариант...

— Тебе прекрасно известно, что нет...

— Хватит! — рявкнул Магнус, подбежав ко мне. — Почему ты угрожаешь...

— Я убью тебя, мальчишка, — произнес Джембер, в его взгляде пылала звериная свирепость. — Это касается только меня и моей дочери. Отвали.

Я не знала, на что реагировать: на его угрозу убить Магнуса... или на слова, прозвучавшие как гром среди ясного неба, что я его дочь.

Теперь Саба встала перед Магнусом на случай, если Джембер попытается выполнить свое обещание. Слава богу, Магнус, напуганный до ужаса, бесшумно отступил назад на несколько шагов.

Джембер указал пальцем на дверь.

— В игровую, — приказал он, и я стремглав выскочила в коридор.

Всю дорогу до комнаты я бежала: не хотела, чтобы его ярость маячила у меня за спиной, где не было

возможности за ней уследить. Но Джембер, похоже, никуда не торопился, его нетвердые шаги эхом разносились по коридору, похожие на стук продолжающего биться сердца, запертого под половицами. В комнате я отыскала место, где меня нельзя будет загнать в угол, и повернулась лицом к двери в ожидании приближающейся тревожной пульсации. Джембер закрыл за собой дверь, так что мы оказались под защитой амулета, прислонился к ней и сложил руки на груди.

Мгновение мы оба молчали. Казалось, он размышлял о чем-то, но в этой задумчивости таилась непредсказуемая опасность.

— Как ты узнал, что это я заглянула ему в глаза, а не Келела вновь? — спросила я.

— Потому что ты солгала об этом. — Наконец он встретился со мной взглядом. — Надеюсь, у тебя на это имеется веская причина.

— Во-первых, я верю в свою способность выживать в смертельных нападениях.

Он замолчал, словно обдумывая мое саркастичное заявление.

— Я бы тоже поверил в тебя... в любой другой ситуации, но не в этой.

— Я быстра и сильна для своих размеров. А ты лучший дебтера из известных мне: если ты будешь создавать амулет, мне не придется долго отвлекать гиену. Это самый действенный способ, и ты это знаешь.

— Это если все пойдет гладко. Если Саба не поддастся приказам Сглаза. Если он не прорвет нашу защиту. Если тебе... — Он слотнул, хмуро уставившись в пол. — Удается не погибнуть.

— Я ведь уберегла Келелу от смерти, не так ли? Я надену на себя амулеты, которые давала ей, так что гиене

придется пробиваться сквозь еще один барьер. Мы справимся, Джембер.

— Ты не оставила нам иного выбора. — Глубоко вздохнув, он медленно подошел к креслу и опустился в него, опираясь руками на подлокотники. Затем откинулся на спинку и некоторое время смотрел на огонь. — Мне следовало, пока ты была маленькой, говорить, что я тебя люблю. Может быть, тогда ты не стала бы рисковать своей жизнью ради первого встречного, кто тебе это скажет.

— Но ты не любишь меня, — возразила я, скрестив руки на груди и глядя на свои ноги. — Ты уже в этом признался.

— Но я мог бы сказать это ради тебя.

Я устроилась на диване напротив него.

— В таком случае это были бы просто слова. Пустые, как и большинство твоих угроз.

— Ты права, — согласился Джембер. Изумленно раскрыв рот, я сидела молча в ожидании, когда он переведет мои слова в спор. Вместо этого он лишь пожал плечами. — Любовь — это действие. Это поступок. — Он выругался, не отрывая взгляда от пламени, а потом наконец посмотрел на меня, хмуро сдвинув брови, словно боролся с болью. — Тогда, полагаю, твоя жертва оправданна.

Я подошла к нему, сняла с его ноги протез и поставила рядом с креслом.

— Да, это опасно, но я не иду на жертву. Потому что со мной все будет хорошо. *С нами* все будет хорошо.

— Оставь свой оптимизм при себе.

Я улыбнулась, невзирая ни на что, но длилось это недолго.

— Я сожалею о вас с Сабой.

— Она мертва, Анди. — Его слова звучали неоспоримо. — Она всего лишь воспоминание. И самое лучшее,

что я могу сделать для нее, — это позаботиться о том, чтобы ее душа обрела покой.

— Это и есть проявление любви.

Мы оба замолчали.

Он сделал глубокий вдох, слегка поморщившись.

— Наверное, мне стоит немного отдохнуть.

— Ладно. — Я ждала, что он скажет что-то еще. А когда продолжения не последовало, встала. — Разбужу тебя к ужину.

Глава 32

Все было готово.

Мы с Джембером сделали одиннадцать щитов: один амулет разместили в дверном проеме игровой комнаты, остальные десять — в коридоре на расстоянии пяти футов друг от друга, создав небольшие области защиты на случай, если гиена вырвется из игровой. Все найденное оружие мы разбросали по комнате и коридору. Повсюду горели свечи: они отбрасывали пляшущие тени на стенах и создавали призрачные фигуры там, где их не было.

— Еще не поздно меня убить, — сказал Магнус в двадцатый раз за вечер. Он лежал на диване в игровой комнате, натянув одеяло до подбородка, несмотря на созданный Джембером амулет для обогрева. — Смотри, сколько в комнате оружия.

Я взглянула на настенные часы. Девять сорок пять.

— Магнус, скоро все закончится, — произнесла я, даже не отдавая себе отчета.

«Боже! Закончится для кого?»

Я выбежала из комнаты, сердце беспокойно трепетало в груди.

Джембер сидел на стуле в коридоре за открытой дверью, чтобы гиена не увидела его. На его шее поверх амулета висел легкий держатель с разноцветными нитками — так их было удобнее доставать, — а на коленях лежал мой начатый амулет. Еще несколько кусков серебра я спрятала в своей сумке, на случай если Джемберу понадобится начать заново, хотя он привык получать от церкви по одной штуке зараз. Портить серебро ему не позволялось.

— Нервничаешь? — поинтересовалась я, обнимая себя руками. На мне была легкая рубашка с длинным рукавом.

— Лучше не заикливаться на том, что чувствуешь, — отозвался Джембер так, словно ничего не ощущал.

— А вот я боюсь, — невольно вырвалось у меня вопреки его указаниям.

— *Боишься?* Ты нас к этому привела. К тому же сейчас есть вещи гораздо важнее страха.

— Эй, это мои слова. — Я попыталась проглотить нарастающую панику, но она лишь глубже осела в животе. — Может, помолимся вместе?

Джембер поморщился.

— Бог уже долгое время не слышит меня.

— Он слышит. Наверное, это ты не слышишь Его, когда Он тебе отвечает.

— Я много чего не слышу из-за этого, — сказал он, похлопав себя по колену.

— Ты никогда не думал, что, возможно, все события последних двадцати лет просто готовили тебя к сегодняшнему дню?

Джембер легонько усмехнулся.

— Звучит слишком экзистенциально, Анди. Давай в другой раз, когда нам не нужно будет выпускать демона.

Я вздохнула и заглянула в дверной проем, чтобы посмотреть на часы. Осталось двенадцать минут.

— Я помолюсь за тебя.

Он вскинул брови.

— Зачем?

— Потому что ты нуждаешься в этом больше, чем я.

— Именно твоя неспособность думать в первую очередь о себе втянула нас во все это.

— Она же и выведет нас. — Я положила руки ему на плечи. — Помнишь в Библии, когда Иов заболел и лишился всех своих земных благ, детей, всего? Он исцелился только после того, как помолился за своих друзей.

— Мне кажется, ты неправильно истолковала притчу.

— Господь Всемогуший, — начала я. — Даруй Джемберу мудрости и смелости, когда ему станет страшно. Защити, несмотря на его слабую веру. Я знаю, что он все еще любит Тебя. Просто злитесь из-за своей боли.

— Бесполезно, — произнес Джембер со вздохом. — Да и времени у нас нет.

— А когда все закончится, исполни все, что пожелает его сердце. — Я взяла его руку и положила себе на плечо. — Теперь ты помолись за меня.

— Я же сказал тебе, Он меня не слышит.

— Услышит. — Я спокойно ждала, пока он начнет молитву. — Просто говори от сердца.

Джембер вздохнул.

— Слушай... — Он мгновение помолчал. — Эта маленькая девочка очень высокого мнения о Тебе. Если Ты не желаешь ничего делать для меня, то сделай это хотя бы для нее. Защити ее, когда амулеты утратят силу... Потому что, если она умрет, я официально разорву наши с Тобой отношения. — Он убрал руку с моего плеча и сделал

глубокий вдох. Молитва придала мне уверенности, а вот он выглядел слегка потрясенным. Он мотнул головой в сторону двери. — Возвращайся обратно.

Кивнув, я вошла в комнату. Саба одарила меня грустной улыбкой и потянулась к моей руке. Я села в соседнее кресло и сжала ее ладонь, буквально вцепившись в нее, поскольку вдруг осознала, что, возможно, держу ее в последний раз.

А потом часы слишком рано пробили десять.

Я встала, подняла с пола один из мечей и принялась шепотом отсчитывать бой часов:

— Четыре... Три... Два...

Эхо последнего удара прервал поднявшийся в коридоре сильный ветер.

Магнус скорчился под одеялом, а мгновение спустя на его месте показалась более низкая фигура. Гиена сбросила с себя одеяло, скользнувшее на пол, и тут же уставилась на меня.

Я выставила меч перед собой. Времени на раздумья о том, как им пользоваться, не было. Гиена бросилась на меня, но врезалась в мой щит. Я рубанула по ней мечом. Кровь не хлынула, лишь зиял небрежный разрез, похожий на плохо разделанный кусок мяса. Однако демон едва замер и, когда рана затянулась сама собой, вновь атаковал мой щит. Я наносила всё новые и новые удары. После пятого раза гиене все же пришлось на миг остановиться, пока глаза вновь не стали целыми. Воспользовавшись этим кратким замешательством, я увеличила расстояние между нами.

Тут Саба преградила демону путь, не давая ему снова напасть на меня. Тогда тот мощными челюстями оторвал ей руку и швырнул через всю комнату. Тем не менее ей удалось обхватить его за шею целой рукой

и удерживать на месте до тех пор, пока он не вырвался из ее хватки.

Так мы некоторое время чередовались. Гиена атаковала мой щит, постепенно разрушая его и приближаясь ко мне настолько, чтобы я могла ударить ее мечом по морде. Я отступала, Саба задерживала ее на время, а потом все повторялось. Но я уже с самого начала поняла: мой амулет не продержится и часа. Даже близко.

Поскольку защита почти ослабла, я сняла с себя амулет и на бегу бросила его в гиену.

Она кинулась за мной, я выскочила в коридор и, поскользнувшись, опрокинула несколько свечей на полу — на стенах в такт моему пульсу заплескали лихорадочные тени. Не услышав удара о щит, я обернулась и увидела, что Саба повалила гиену на пол. Только вряд ли она сможет долго удерживать ее.

— Тридцать пять минут, — пробормотал Джембер, не отрываясь от работы. — Впечатляюще, но недостаточно хорошо.

Оба утверждения, несмотря на противоречивость, были верны. Он уже закончил со сваркой и теперь вплетал красную нить в тонкие линии, которые выплавил в серебре. В общей сложности нужно было намотать нити трех цветов, а он только заканчивал с первой. Ему требовалось еще время, но я вряд ли могла его дать.

Удар о щит заставил нас обоих вздрогнуть. Я схватила с пола оружие — заостренную палку от метлы, — а Джембер в это время встал и передвинулся к соседней области защиты, образованной амулетом. Гиена отступила, и вперед вышла Саба: на ее лице застыла маска ужаса и сожаления, когда она потянулась, чтобы снять амулет над дверью. Тот был прибит гвоздями, но с ее силой она могла бы без труда его сорвать.

— Саба, нет! — закричала я, но она не остановилась. Тогда я ударила ее по руке палкой — рука треснула. Саба даже не сбавила темп. — Саба, пожалуйста!

После очередного удара ее рука упала на пол, и ей пришлось наклониться за ней. Гиена вновь атаковала щит. Тот продержался недолго. Всего три удара — и послышался треск. Коридор вдруг показался мне слишком маленьким, меня охватила паника, и я нырнула в безопасную область амулета у двери по другую сторону от Джембера.

Гиена прорвала защиту как раз в тот миг, когда я выбралась из-под нее, ее грива вздыбилась от ярости...

Однако за мной она не последовала. Просто замерла в дверном проеме, глядя на меня. Затем выгнула длинную шею, чтобы посмотреть на Джембера. Мое сердце ушло в пятки. Должно быть, она почувствовала, что амулет близок к завершению.

— Я твоя жертва! — закричала я и постучала по земле, привлекая ее внимание. — Забери меня, чудовище!

Но, похоже, гиена потеряла ко мне интерес. Она бросилась к Джемберу так стремительно, что расшибла голову о щит.

Джембер дернулся и встретился со мной взглядом через дверной проем. Я никогда не видела его таким испуганным, на миг мое сердце забилось так часто, что я задрожала от страха. На стене, ведущей к лестнице, было меньше амулетов — всего два. И укрыться там — это плохой вариант, если ты вдруг стал новой целью Сглаза. Я никак не могла прорваться к Джемберу, тем более что до готовности амулета было еще далеко.

Сглотив, я крепче сжала палку в руках. И как только гиена бросилась на щит Джембера, выбежала из своего укрытия и пронзила острием ее шею.

Затем снова спряталась за свой щит по другую сторону, оценив нанесенные повреждения только после того, как оказалась в безопасности. Гиена никак не отреагировала на удар, словно ничего не случилось, хотя острый конец палки пронзил ее шею на два фута в глубину, а рукоять тяжело волочилась по полу. Теперь она почти не могла бежать, не говоря уже о том, чтобы сломать щит, голова под тяжестью клонилась вниз. Зато ее внимание вновь переключилось на меня — именно этого я и добивалась. Все вернулось на круги своя.

Саба, да благословит ее Господь, сдерживалась так долго, как только могла, но сейчас выбежала в коридор и схватила палку. Я подобрала ближайшее ко мне оружие — битую для крикета — и приготовилась к удару в ожидании того, что будет дальше. Стоило Сабе отшвырнуть палку в сторону, как гиена бросилась на меня. Я ударила ее раньше, чем она смогла бы разбить щит. Ее мощные челюсти вцепились в битую. Я дернула оружие на себя, и меня по инерции откинуло глубже в защитную зону.

— Анди! — закричал Джембер. — Берегись...

Сильная, твердая, чересчур гладкая рука обхватила меня за шею сзади. Я поперхнулась и, выронив битую, стиснула предплечье Сабы, когда мои ноги оторвались от земли. Я цеплялась за нее, пытаюсь поддеть ее пальцы своими, чтобы ослабить давление на шее и глотнуть немного воздуха. Но она не поддавалась, поэтому я лягнула ее ногой, перенесла вес тела в ее сторону, и со всей силы припечатала ее спиной к стене.

До сих пор я и не думала, что подготовка Джембера к встрече с реальным миром настолько пригодится мне: вместо того чтобы задохнуться от паники, я чувствовала небывалую ясность в голове. Схватив битую и размахнувшись,

я отколола руку Сабы одним большим куском. Затем вонзила битую в ее живот, проделав в нем дыру.

В расширившихся глазах Сабы застыл страх — чего именно, трудно было сказать, поскольку из нас двоих именно она не испытывала боли. При этом в выражении ее лица читалась решимость, она кивнула мне. *«Делай что должна»*, — говорило оно. Именно поэтому я вырвала битую из ее живота и ударила по лицу. Потом по плечу. По ногам. Я наносила удары один за другим, пока не услышала крики Джембера:

— Соберись, девчонка, Сглаз приближается.

В это мгновение я наконец остановилась и уставилась на лежащие на полу осколки Сабы, похожей на сломанную куклу. Эта картина оказалась для меня хуже, чем разбрасывать части тела Сабы по пустыне. Мне пришлось напомнить себе, что она ничего не чувствует. Что не сделай я этого, один из нас мог умереть до того, как Джембер успел бы закончить амулет.

— Анди, бежим! — скомандовал он, и я не стала спорить. Вытащила из кармана маленький ножик, выдрала им гвоздь из стены, сняла амулет и, держа его перед собой, пронеслась мимо гиены. Джембер пропустил меня вперед, а потом бросился следом; я услышала, как голова гиены врезалась в один из двух последних щитов, отделявших нас от нее.

— Выбери комнату! — велел Джембер, перекрикивая вой ветра, когда мы миновали лестницу. Я не стала долго думать на этот счет. Мы очутились в небольшом кабинете, где я проводила совсем мало времени. Остальные, по всей видимости, тоже, потому что камин не горел.

Джембер запер за нами дверь.

— Рядом с тем углом, — сказал он, указав подбородком на единственный угол, куда падал лунный свет.

Я схватила пресс-папье, намереваясь прибить им амулет к одной из стен. А Джембер в это время придвинул деревянный стол к двери. После чего опустился на пол передо мной, тяжело дыша. Не говоря ни слова, он достал все свои принадлежности и передал мне. Сначала амулет, потом держатель с нитками. Взял иглу и принялся продевать нить в амулет, который уже висел у меня на шее.

— Зачем? — только и спросила я.

— На случай, если я не успею закончить.

Он завязал узел дрожащими руками. Тогда я забрала у него иглу, чтобы намотать нить последнего цвета.

Внезапный удар в дверь заставил меня вскрикнуть, сердце подскочило к горлу. Теперь, когда посреди сражения у нас появилась возможность немного перевести дух... я ощутила страх. Не смерти, а того, что близкие мне люди останутся одни и я не смогу о них позаботиться. Что я не успела всего им сказать. Что сделала для них недостаточно.

— Джембер, я люблю тебя, — выпалила я.

— Не до эмоций, — проговорил он, вновь берясь за иглу. — Мы почти закончили.

— Я хотела это сказать на случай, если вдруг умру.

— Ты не умрешь. Держи себя в руках, Андромеда.

От громкого удара массивная дверь слегка приоткрылась.

— Ты назвал меня дочерью, — продолжила я, когда дверь сдвинулась еще немного. — Ты правда так считаешь?

Дверь распахнулась и, расколовшись, ударилась о тяжелый стол, щепки полетели во все стороны.

— Не сейчас, — натянуто произнес Джембер.

Ножки стола скрежетнули по полу.

— Так это правда? — быстро повторила я.

Снова скрип.

— Да, правда, — ответил он.

На этот раз гиена сумела просунуть морду в образовавшуюся щель.

— Тогда я люблю тебя, Джембер. Ты мой отец и сделал все возможное. О большем я не могла просить.

Порой Джембер вел себя отвратительно. Но он заботился обо мне, по-своему любил. И если меня ждала смерть, то пусть я умру ради юноши, которого любила, ради девушки, которую считала другом, и ради моего отца, а не мужчины, на которого держала обиду за то, что тот не дал мне любви.

К тому же его попытка спасти мне жизнь была не чем иным, как любовью.

А это все, что у нас осталось.

Именно поэтому я буду любить его, потому что любовь делает меня смелее... Во всяком случае, я умру храброй.

Гиена, протиснувшись в щель, бросилась к нам, но столкнулась со щитом, который я прибила к стене. Джембер продолжал работать, не обращая внимания ни на что, пока гиена сдвигала щит все ближе и ближе. Сложно было сказать, с каким именно амулетом она боролась: который висел на стене или который находился у Джембера. Тем не менее она приближалась слишком быстро.

При этом амулет был еще не готов.

— Осталось всего несколько петель, — сообщил он. — Будь готова меня сменить.

— Позволь мне сразаться с ней, — возразила я. — Ты совсем без сил.

— Интересно, каким оружием? Включи мозги, девчонка.

Я быстро огляделась по сторонам — мое сердце сжалось. Боже мой. Я забыла поднять биту, после того как сняла амулет со стены.

Гиена вновь протаранила нас, и Джембер, поморщившись, протянул мне иглу. От его щита осталось немного.

— Закончи его. Мне не нужны силы, чтобы защищать тебя.

— Защищать меня? — сердце ухнуло вниз. — Джембер, нет...

Гиена темной тенью метнулась вперед, и в глубине души я знала: при следующей атаке щит разобьется. Времени на раздумья нет. Мне придется закончить его.

Две петли.

Джембер, загнав меня в угол, навис надо мной всем телом и уперся предплечьями в обе стены.

Новый удар.

Я услышала скрежет когтей по дереву и дикий крик. Джембер взвыл от боли, мои пальцы дрогнули.

— Нет, — взмолилась я, но меня никто не слышал. Он скрючился и заскулил, заслонив собой свет, однако до меня по-прежнему доносился звук царапающих и рвущих когтей. Джембер тяжело дышал надо мной, мое сердце бешено колотилось в груди, брызги летели на деревянный пол.

При этом я продолжала ощущать две оставшиеся петли.

Джембер снова закричал — в этот миг я завязала одну петлю — и чуть сместился в сторону, впустив немного света. Все это длилось секунду — как один вздох. Но за это время я сумела увидеть блеск зеленых глаз гиены. Ее челюсти глубоко вонзились в бок Джембера. Она отшвырнула его через всю комнату. Тогда я вскочила на ноги, подбежала к столу и забралась на него, все это время не сводя с гиены глаз. Я видела капающую из ее пасти кровь. Видела, как она бросилась на меня.

«Всего одна петля, Анди».

Видела, как она прыгнула...

Я затянула последнюю петлю и закричала, когда тело врезалось в меня, крепко обхватив руками. Уцепившись за дверь, я устояла на голую грудь.

Грудь. Человеческая грудь.

— У тебя получилось, — прошептал прекрасный голос Магнуса, дрожа от облегчения.

Я обняла его, а потом резко оттолкнула, вспомнив, где нахожусь.

Вспомнив, где находится *Джембер*.

В какой-то миг среди всей неразберихи — я даже не заметила когда — в комнате очутилась Саба, целая и невредимая. Она перевязала *Джемберу* рану на боку, но ткань быстро промокла. Сорвав с себя свитер, я побежала к нему, упала на колени и зажала его рану обеими руками.

— Закончи работу, — произнес он сквозь стиснутые зубы.

— Сглаз никуда не денется.

— Именно. Запри его, чтобы не вернулся. — Он сжал рукой в перчатке мои ладони, пытаясь их убрать. — Это бесполезно.

— Ты не умрешь. — Я не хотела повышать голос, в кровь мгновенно хлынул адреналин; стена, удерживавшая все, кроме инстинкта выживания, рухнула. Я почувствовала, как глаза защипало от слез, лежавшие поверх раны руки задрожали. — Ты не можешь умереть.

— Если решишь уехать из города, в первую очередь заberi из дома сундук с инструментами.

— *Джембер*, прекрати. Я никуда без тебя не уеду. — Я прижалась ухом к его груди, там, где билось сердце, и крепко обняла, словно боялась отпустить его и рассыпаться на части. Почувствовала, как мне на спину легла

ладонь, его пальцы дрожали. Пока эта дрожь была — в нем теплилась жизнь, хотя это ощущение было невыносимым.

Я посмотрела на Сабу, которая сидела рядом с ним: она снимала с его руки перчатку, чтобы накрыть пальцами его кожу. Заметив мой взгляд, она грустно улыбнулась и дотронулась до моей щеки гладкой холодной рукой.

— Те же самые слова ты говорила в нашу первую встречу, — пробормотал Джембер, его теплое дыхание коснулось моих волос.

Не помню, чтобы я когда-нибудь так всецело доверяла Джемберу, но, видимо, плохие воспоминания вытеснили хорошие. Его рука на моей спине дернулась, и я крепче прижала его к себе, словно мое объятие могло дольше удержать в нем жизнь.

— Расскажи мне какую-нибудь историю.

— Я как раз собирался упиться до смерти...

— Джембер, нет, — простонала я, — только не это.

— Ты сама просила историю... В любом случае дело до этого так и не дошло. Я увидел, как твои родители заводят тебя в бордель. Помню, ты была такой маленькой... Я проник внутрь, выкрал тебя и вылез через заднее окно.

— Что было потом? — спросила я. Его голос слабел, но я не хотела, чтобы он останавливался. Мне хотелось слышать его как можно дольше.

— Нас чуть не поймали, потому что ты без умолку болтала. — По его тону я практически ощутила, как он закрыл глаза, и рассмеялась. На мгновение он замолчал, и мне пришлось решительно похлопать его по плечу, чтобы удержать в сознании. — Когда я привел тебя домой, ты сказала, что никуда со мной не пойдешь... А потом точно так же, как сейчас, уснула на мне. Тогда-то я и решил, что не могу умереть. По крайней мере до тех пор, пока ты не сумеешь сама о себе позаботиться.

— Да, ты не мог умереть тогда. — Я подняла голову и посмотрела на него. Его взгляд был тяжелым и мрачным от боли и усталости. — И не можешь сейчас.

Джембер пошевелился — то ли вздрогнул, то ли пожал плечами.

— Ты можешь позаботиться о себе, Анди. И уже довольно давно.

— Какое это имеет значение? — чуть не закричала я. — Я хочу, чтобы ты был со мной. Останься со мной, потому что я прошу тебя... — Рыдания душили меня, мешая говорить. — Пожалуйста, останься.

— Я умираю.

— Нет, — возразила я дрожащим от паники голосом. — Ты не можешь.

— Количество потерянной крови думает иначе.

Наверное, тут я должна была засмеяться, но вместо этого разразилась слезами. Джембер не пытался меня остановить. Он просто держал меня в объятиях, пока я обнимала его. Я услышала рядом какое-то движение: Магнус лег возле Сабы, положив голову ей на колени, и потрепал меня по плечу. Он принес плед из другой комнаты, чтобы прикрыть свою дрожащую от холода наготу.

— Остался один амулет, — проговорил Джембер. Затем тихо выругался и прильнул к голове Сабы, опустившейся на его плечо. — Я попытаюсь продержаться, пока ты закончишь...

Я увидела, как Саба закатала его рукав и что-то написала пальцем на голой коже. Он вздохнул в знак согласия, и больше никто из нас не произнес ни слова.

Магнус торопливо порылся в сумке Джембера и дрожащими руками протянул мне еще один серебряный диск.

Оставаясь на месте, чтобы чувствовать объятие Джембера, я лишь повернулась на бок, освобождая обе руки. И приступила к работе.

Амулет, запирающий Сглаз и не дающий ему вернуться, очень сильно походил на те, что мы создали в качестве щитов. По сравнению с предыдущим он представлялся слишком простым, практически пустяковым. Однако по мере того, как я работала, температура в доме постепенно приходила в норму, обычная ночная прохлада пустыни казалась теперь приятно теплой по сравнению с царившим здесь ранее сверхъестественным холодом.

И вот я перестала ощущать штрихи.

— Закончила? — прошептал Джембер, хотя наверняка почувствовал все сам.

— Да, — ответила я, тут же пожалевав о сказанном. Мне хотелось, чтобы впереди нас ждало много часов. Чтобы Джембер не был ранен. Чтобы мы вышли отсюда вчетвером... — Я закончила.

— Хорошая девочка...

Мышцы в его теле слегка ослабли. Он больше не стремился задержаться здесь.

Мне казалось, что в таком положении мы находились по меньшей мере еще час, хотя вряд ли могло пройти столько времени... Пока я не перестала ощущать дрожь пальцев Джембера на своей спине, пока его мышцы не обмякли... Пока стук его сердца не сменился тишиной у меня в ушах.

На тот момент я уже приготовилась к концу. Я ощущала практически... спокойствие. Когда я выпрямилась и посмотрела на него, он выглядел будто бы спящим. Лишь кровь, пропитавшая его одежду и лужей скопившаяся под ним, а также слезы Сабы, ручьями бегущие по щекам, говорили об обратном.

Впрочем, нет, это были уже не ручки. А тонкие струйки, стекающие с ее бездушного подбородка... словно капли дождя со статуи. Она застыла в том же положении, в котором сидела: скрестив ноги, положив голову на плечо Джемберу, переплетя с ним пальцы.

Оба были неподвижны. Оба — безжизненны.

Я осенила себя крестом ото лба к груди, от плеча к плечу. Затем поцеловала Джембера в щеку, бережно сняла с его шеи амулет и надела на себя.

Магнус встал раньше меня и теперь стоял, прижавшись к противоположной стене, глядя на безмолвную пару. Как только я присоединилась к нему, он тут же, словно смутившись своего взгляда, опустил глаза.

— Мне очень жаль, — пробормотал он.

— Ему больше не больно. — Даже в тусклом свете слабо говорящих свечей я видела, насколько у Магнуса бледная кожа. Он попытался пледом вытереть кровь вокруг рта, но часть ее размазалась и засохла. — Ты в порядке?

— А ты?

— Я не знаю, что должна чувствовать. — Я вновь посмотрела на Джембера с Сабой, связанных и после смерти... и увидела в этом какую-то трагическую красоту. Возможно, хорошим знаком было уже то, что вместо оцепенения я ощущала хоть что-то. — Наверное, нам следует... убрать кровь.

— Не сейчас. — Магнус взял меня за плечи руками, завернутыми в плед. — Позволь себе хотя бы немного погоревать.

— Какой смысл в слезах?

— Это что? — Он приподнял меня за подбородок, чтобы я взглянула на него. — Еще один принцип выживания? Андромеда, тебе больше не нужно подавлять в себе

способность к состраданию... Я никогда не позволю тебе оказаться на улице.

Я издала смешок, который, учитывая обстоятельства, казался странным. Меня переполняли эмоции, но я не могла плакать. Мне нужно было сохранять ясную голову. Как можно вымыть тело отца, если я...

— Что это за запах? — Магнус несколько раз быстро втянул носом воздух. — Дым?

Одного этого слова было достаточно, чтобы пробудить мои воспоминания. Я опрокинула свечи... А без Сглаза дерево перестало быть невосприимчивым к огню.

— Пожар!

Я, а следом за мной Магнус бросились в коридор, откуда все началось. Весь его дальний конец уже был охвачен ярким пламенем, которое, учитывая количество дерева в доме, довольно скоро добралось бы до нас.

— Мои альбомы! — закричал Магнус.

— Забудь о них. — Я потащила его в противоположную сторону. — Нам надо добраться до конюшни.

— Постой, мне нужна одежда...

— Ты не сможешь подняться наверх, весь дом в огне.

— Мое первое за три года появление на людях не может состояться в *плёде*.

Я резко остановилась у открытой двери, где по-прежнему неподвижно сидели Джембер и Саба, и на краткий миг подумала о том, чтобы взять их с собой. *Они мертвы, Анди*. Придется похоронить их здесь, вместе с остальными воспоминаниями.

Должно быть, Магнусу в голову пришла та же мысль, потому что я была вынуждена оттащить его назад, пока он не бросился в кабинет.

— Я не могу оставить Сабу здесь, — взмолился он, в его глазах блеснули слезы. У меня тоже слезились глаза,

но совершенно по другой причине. Дым распространялся стремительно — совсем скоро за ним последует огонь.

— Ее больше нет, Магнус. Это лишь пустая оболочка. — Я схватила его за шею обеими руками и притянула лицо на уровень глаз. — Послушай меня. Если мы не выберемся отсюда, то тоже умрем. Ты умеешь ездить на лошади?

— Я не садился в седло три года.

— Сойдет. — Я взяла его за руку и повела к конюшне.

Мы слишком долго медлили. Почти безлунная ночь теперь пылала красным, языки пламени разбивали окна и вылизывали каменный замок до черноты. Лошади, должно быть, тоже почуяли неладное: как только мы распахнули дверь конюшни, они тревожно заржали, хотя ничего необычного я не видела. С помощью паяльной ручки я зажгла ближайшую лампу, и помещение вдруг наводнили вытянутые испуганные тени.

— Анди, отойди! — скомандовал Магнус, затем побежал к стойлу, распахнул калитку, выпуская лошадь, и тут же перешел к следующему. Вряд ли животное понимало, что ему делать теперь, но обязательно сообразит, если огонь доберется и сюда.

Я перехватила Магнуса до того, как он отворил еще одну калитку.

— Я доделаю. А ты подбери нам лошадь.

Освободив остальных — в общей сложности семь, — я вернулась к Магнусу, который уже надел уздечку на архиепископскую лошадь, но все еще пристегивал седло.

— Нам оно не понадобится, — сказала я.

— Ты с ума сошла? — взвизгнул он и вздрогнул, когда внутри дома что-то рухнуло. — Я и так хожу, завернувшись в плед, как в юбку, не хватало мне еще отбить зад.

— Отбитый зад — сейчас наименьшая из забот!

Магнус затянул седло, посадил меня на лошадь и, усевшись за моей спиной, взял поводья. Мы скакали прочь от жара к естественной прохладе ночной пустыни, остальные лошади следовали нашему примеру. Пламя уничтожало боль и воспоминания о замке не хуже любого амулета.

Эпилог

Почти неосознанно стиснув ладонь Магнуса, я смотрела на двери, ведущие в дом моего детства. Прошел месяц с тех пор, как я была здесь в последний раз. Месяц с тех пор, как мы с Магнусом покинули замок... месяц с тех пор, как я потеряла отца и друга.

Магнус поправил связку амулетов на шее — тех самых, которые избавили его от Сглаза.

— Ты шутишь, Анди. Ты правда здесь жила?

Не сумев ответить, я присела в грязь на корточки, вставила нож в замочную скважину и, освободив замок, провернула лезвие обеими руками. Щелкнул затвор, и по краю тут же показался ряд металлических шипов — ловушка срабатывала, когда замок пытались отпереть чем-то отличающимся от точной формы единственного ключа.

Я усмехнулась. *«Добро пожаловать домой, Анди».*

Как только я распахнула двойные двери, Магнус начал кашлять. Оно и неудивительно: в воздухе висели густые клубы пыли — настолько плотные, что, попытайся я зажечь свечу, все вокруг наверняка бы воспламенилось. Магнус с округлившимися глазами произнес:

— Мы не можем туда войти.

Я представила, как Саба в ответ на протесты своего сына бросает на меня понимающий, полный отваги взгляд. Она бы не колеблясь вошла следом за мной. Боже, моя славная подруга... У меня никогда в жизни не было таких отношений, основанных на взаимной поддержке. Я была рада, что теперь она обрела покой, хотя мне сильно не хватало ее.

— Ты три года прожил в проклятом замке, но при этом боишься подвала?

— Истинная любовь не судит, Андромеда. — Он достал из кармана носовой платок и прикрыл им нос и рот. — Я с тобой. Веди.

Внутри все было так же, как и перед моим уходом, не считая добавившихся шести слоев пыли и парочки крыс. Пахло сгнившей снедью. Кружащие пылинки и тени подходили на возмущенных нашим вторжением призраков. Однако бояться здесь было нечего... Разве что воспоминаний. Да и те могли причинить вред, только если это им позволить.

— Это не просто подвал, а настоящий склад, — заметил Магнус между приступами кашля.

— Истинная любовь не судит, Магнус, — передразнила я.

Затем прошла в спальню и направилась напрямиком к приставному столу, где должна была стоять масляная лампа. Крысы и насекомые, напуганные ярким светом, разбежались в стороны. Мое сердце резко ухнуло вниз, в висках застучало и зануло, накатила тошнота, только это состояние было вызвано отнюдь не новыми жильцами.

На половине кровати Джембера до сих пор виднелась вмятина, оставленная его телом. Одежда по-прежнему

валялась на полу, лежала стопкой на настенной полке. Я опустилась на колени перед сундуком с инструментами, и знакомый запах ладана, находившийся все это время внутри него, ударил мне в ноздри. Я схватила из верхней кучи мантию дебтеры и зарылась носом в ткань.

— Я скучаю по тебе, — прошептала я, и впервые за месяц из моих глаз потекли слезы.

Я почувствовала, как Магнус присел рядом и погладил меня по рукам.

— Может, стоит сделать это в другой раз?

— Все в порядке. — Я быстро смахнула слезы и захлопнула сундук. — Это *давно* пора было сделать.

Я подошла к кровати и села — вокруг меня поднялось облако пыли. Не обращая внимания на кашель Магнуса, я выдвинула ящик стола. *Его трубка. Его таблетки. Его...*

Я вынула письменные принадлежности, сверху лежало составленное Джембером письмо. Мои губы растянулись в улыбке.

— Я должна это прочитать. — Взмахом руки подозвала Магнуса, приглашая его сесть рядом со мной. — Знаю, тебе никогда не нравился Джембер, но сделай мне одолжение: не вздумай перебивать меня оскорбительными замечаниями в его адрес.

— Я бы никогда не поступил так с тобой. — Он одарил меня застенчивой улыбкой, когда я подняла брови. — Я благодарен ему за эту жертву. Не знаю, что бы я делал, если бы...

Я прижала большой палец к его лбу, разглаживая образовавшиеся на нем складки.

— Не думай об этом, Магнус. Нам больше это не нужно. Он придвинулся ко мне и крепко обнял.

— Отвлеки меня, дорогая. Обещаю, я не стану перебивать.

Все мое внимание внезапно захватил знакомый почерк отца. Я несколько раз откашлялась, избавляясь от першения в горле.

«Саба, я не знаю, почему ты до сих пор любишь меня. Ведь именно я причина твоей гибели».

Его слова заставили меня похолодеть, и, чтобы успокоиться, я сделала несколько глубоких вдохов.

«Я боялся, что, выбрав работу исключительно из-за денег, навлеку на себя Сглаз. Это было трусливое решение, и мы оба серьезно пострадали из-за него. Теперь одних извинений будет недостаточно».

Далее следовало несколько зачеркнутых предложений — какие-то глупости, сказанные в порыве отчаяния, я понимала, что на самом деле он так не думал, — поэтому решила опустить их и продолжила:

— *«Дебтера, которую вы наняли, моя... — я всхлипнула. — Моя дочь».*

Некоторое время я не могла читать дальше. Магнус крепко прижал меня к себе, но это не помогало: глаза все равно щипало от слез.

«Она выдающаяся, вы в надежных руках. Но она все, что у меня есть в этом мире, поэтому верните мне ее в целости и сохранности, хорошо?»

— Верните ему ее, еще чего, — проворчал Магнус в мои волосы, теснее привлекая меня к себе. — Она останется со мной.

Я разразилась смехом.

— Магнус!

— Прости, ты права, я обещал. Больше не перебиваю.

«Как бы сильно я ни был обязан тебе последней просьбой, я больше не знаю, как любить без страха. Если тебе это кажется странным, спроси Анди. Уверен, она расскажет тебе, как я изо дня в день разбиваю ей сердце».

— Я прощаю тебя, — сказала я, обращаясь к письму, словно через него Джембер мог меня услышать, а потом продолжила читать.

«Пожалуйста, больше не пытайся со мной связаться. Вскоре, благодаря Анди, твоя душа обретет покой, и ты забудешь обо мне. А вот я вряд ли выдержу, если потеряю тебя во второй раз».

Я переворачивала лист снова и снова, но кроме зачеркнутых слов и хаотичных штрихов амулета больше не находила ничего.

— Я рад, что он так и не отправил это письмо, — сказал Магнус. Я взглянула на него: выражение его лица было мрачным. — Им суждено было расстаться — в противном случае никого из нас сейчас не было бы в живых. С другой стороны, перед смертью никто не должен оставаться один.

Долгое время мы сидели молча.

Я закусила губу. Настоящие похороны я устроить не могла. Да и Джембер этого бы не хотел. Похороны Сабы уже состоялись — двадцать лет назад. Я, конечно, опоздала на месяц, но все равно должна была что-то сделать.

Тогда я подошла к сундуку с инструментами, где, к счастью, отыскался один-единственный серебряный диск. Вынула из кармана паяльную ручку.

— Сможешь еще немного потерпеть пыль?

Мы уселись на ступенях, чтобы Магнус мог дышать свежим воздухом, не выходя наружу, и я принялась за амулет. Честно говоря, я не совсем понимала, что делаю. Мертвые не нуждались в амулетах — для них было уже слишком поздно. Но ничего другого я не знала. Это то, чему меня научил Джембер, то, что спасло Сабу. И это был единственный известный мне способ почтить их память.

Я работала с таким рвением, будто во мне пылал огонь. Амулет приобретал законченные черты быстро, и под конец мою руку свело судорогой, но мне было все равно. Я прибила амулет к стене и, отступив назад, посмотрела на него.

Джембер с Сабой оба хотели этого — наконец обрести покой. Их душ больше не было здесь, но мне стало легче оттого, что я смогла с помощью амулета как-то укрыть их... защитить.

Быть вместе с ними там, куда сама не могла отправиться.

Мы с Магнусом втащили сундук в экипаж и поставили между нами. А потом сидели молча, взявшись за руки, и ждали, когда церковь останется позади.

— Ты в порядке, Андромеда? — нежно спросил Магнус после того, как я положила голову ему на плечо.

Тогда я перенесла вес тела на колено и, прильнув к Магнусу, поцеловала. Его рука скользнула по моему подбородку, пропитанное искренней любовью прикосновение прогнало остатки моей печали и сожалений.

— Да, Магнус, — прошептала я ему в губы. — Я в полном порядке.

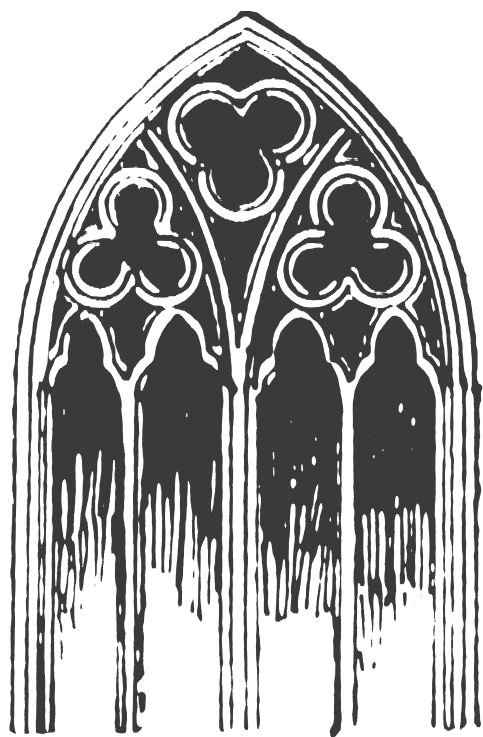
Благодарности

Такое огромное количество людей сделало воплощение этой мечты возможным! В первую очередь я хотела бы поблагодарить моего Господа и Создателя Иисуса Христа, а также мою семью за нескончаемую поддержку. Спасибо моему агенту Лорен Шпиллер за то, что вытащила меня из канавы (именно в мой день рождения) и терпела все мои выходки, — сотрудничество с тобой стало для меня подарком, и я всегда буду благодарна тебе за твои гениальные замечания и мудрость.

Моя благодарность Тиффани Шелтон, моей близкой ямайской подруге, которая по-настоящему понимает мою работу: спасибо, что передала меня в надежные руки Вики Лейм — королевы редакторов и просто доброй души, чье терпение и знания не имеют границ. Огромная благодарность художнице Палесе Монаренг и дизайнеру обложки Керри Резник, ставшей идейным вдохновителем. Спасибо моему рекламному агенту Меган Харрингтон, а также не могу не поблагодарить Дженни Конвей, которая держала весь процесс в своих руках. На самом деле я должна поблагодарить всю команду *Wednesday Books* — именно благодаря вам мой первый опыт публикации стал таким

невероятным: Эйлин Ротшильд, Сара Гудман, Элизабет Каталано, Лиза Дэвис, Лена Шехтер, Деван Норман, Д. Дж. Десмайтер, Алексис Невилль и Брант Джейнвэй. За всю свою жизнь я ни разу не работала с такой компетентной, трудолюбивой, выдающейся группой людей и понимаю, что это #благословение.

И не в последнюю очередь я благодарю своих преданных друзей-писателей и критиков, в особенности Аяну Грей (из канавы на книжные полки, детка!), Амбер Дуэлл и Мэгги Бёме. Я никогда не встречала столько единомышленников. Выражаю признательность дамам из *The Muse critique group*, *Team Peppermint* и *The Monsters and Magic Society*. Я бы ни за что не справилась без вашей помощи!

МИО Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

mifbooks

Литературно-художественное издание
Red Violet. Темный ретеллинг

Блэквуд Лорен

Среди проклятых стен

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*

Ответственный редактор *Дарина Андреевна*

Литературный редактор *Анна Баскаева*

Арт-директор *Вера Головцова*

Иллюстрация на обложке *Rekhytankh*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Лилия Семухина, Анна Быкова, Евлалия Мазаник*

В макете использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

ТЕМНЫЙ
ФЭНТЕЗИЙНЫЙ
РЕТЕЛЛИНГ
«ДЖЕЙН ЭЙР»

Андромеда — экзорцистка, которую учили очищать дома от Сглаза. Вот только наставник прогнал ее, не выдав лицензию, и теперь ее шансы найти хорошее место в приличном доме ничтожно малы.

Когда молодой наследник Магнус Рочестер предлагает девушке работу, она без раздумий соглашается. Андромеда и не подозревает, что проклятие, наложенное на дом и его хозяина, гораздо страшнее, чем она предполагала...

#yamif

Иллюстрация на обложке — rekhytankh

МИО mann-ivanov-ferber.ru vk @mifbooks